

НА БОЕВОМ ПОСТУ

12.1988

■ Связисты... От их четкой и слаженной работы во многом зависит боеготовность подразделения, части. Постоянно помнят об этом передовые воины сержант Д. Оглезнев, рядовые С. Чусь (верхний снимок) и В. Серый (на снимке внизу). На занятиях в поле, классе, во время дежурства они с обостренным чувством ответственности относятся к своему делу.

НА Боевом ПОСТУ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

12.1988

ИЗДАЕТСЯ С 1958 г.

Главный редактор
ГОРЛОВ А. Г.

Редакционная коллегия:

АСТАШИН В. В.,
БАРСУКОВ В. В.,
БОРУКАЕВ Б. Р.,
ДУРНЕВ Ю. В.,
ЗАХАРЧЕНКО Н. М.,
КОТЛЯРОВ А. П.,
КОЗЛОВ И. Т.,
ЛОСЕВ В. Н.,
МАЛЮШКИН Г. А.,
МАСЛЕННИКОВ Г. М.,
НЕЧАЕВ Е. А.,
ПАНКРАТОВ Л. А.,
ПЕЧЕВОЙ Л. Н.,
ПОНОМАРЕВ А. В.,
(ответственный секретарь),
РАЖЕВ Ю. Л.,
(зам. главного редактора),
СОКК А. С.,
УСКОВ В. Н.,
ШОШИН В. А.,
ЩУРОВ В. В.

Технический редактор
ВОЛОДИНА И. В.

Корректоры
ГАВРИЛОВА Е. Ю.
СЕМИБРАТОВА И. Ю.

В оформлении номера
использованы фотоснимки
АЛЕКСАНДРОВА А. Л.

Журнал распространяется
только по подписке
через политорганы
внутренних войск.

В НОМЕРЕ:

573
574

КУРСОМ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС

УСКОВ В., ЕВСТРАТОВ Д. Поиск необходим 2

* * *

Письма читателей: раздумья, предложения, сигналы 7

ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА: ЗА СТРОКОЙ ЗАКОНА

НИКИШКИН В. В. В непривычных условиях 11

* * *

ЯРОСЛАВЦЕВА С. Когда повеет горьким миндалем 12

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ДУРНЕВ Ю. Правда о расстрелянном карауле 14

БОЕВОЙ СЛУЖБЕ — ЭФФЕКТИВНОСТЬ

НИКИТЕНКО Л. Планово — значит конкретно 22

ШИРОЛАПОВ В. Не приложение, а важный фактор 23

ПЕРЕРВА А. Прикрыл собой людей (мужество, бдительность, благородство) 26

УГОЛЬКОВ М. «Выкручивайтесь сами...» 28

Два взгляда на одну проблему 31

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ

ПЕЧЕВОЙ Л. И организует, и отвечает 35

* * *

ГОНДУСОВ В. «Штрафной» батальон 38

УСТАВ И МЫ

БОЛДИН И. А выстрел не был случайным... 40

**РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП
ПОЛИТЗАНЯТИЙ**

МАЛЫШЕВ П. Экономическая реформа: достижения и проблемы 43

**В ПАРТИЙНЫХ И КОМСОМОЛЬСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЯХ**

ЗАХАРЧЕНКО Н. Силой умения 46

ШЕВЦОВ С., ШОШИН В. «Неформалы, шаг вперед!» 49

КОСТЕНЕВИЧ В. А что вместо рюмки? 54

ПРАПОРЩИК (ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ)

РЕШЕТНЯК С. Постоянно на виду 57

КАРИМБАЕВ Ш. Права и стимулы 58

КЛЮЧУК А. А опыт не за тридевять земель 59

ЩЕЛИН В. Снисхождения не будет 61

ШЕВЧЕНКО В. На развилке 62

КУБЫШЕВ И. Перевертыш 62

ДРОГНЕВ А. Сибирский богатырь 66

ВЕЛЬМИСКИН В. В гости к сыну 68

ОСТАПЕНКО В. Льготы для прапорщиков, уволенных в запас или отставни 69

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

КОЗЛОВ И. Личное дело (повесть, окончание) 71

ВАЙНЕР Г., СЛОВИН Л. На темной стороне Луны (повесть, начало) 83

В час досуга 93

Указатель основных материалов, опубликованных в журнале в 1988 г. 94

КУРСОМ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС

В. ЗЕМЛЯНСКИЙ

Л. ЯКОБСОН

Е. ХОЛОДОВ

В. ДРИЛЬ

А. БАЛУХТИН

С. ИВАНОВ

В. КРИВОНОСОВ

П. ГОНЧАР

ПОИСК НЕОБХОДИМ

В обществе, в партии все заметнее перестроечные процессы, круто меняющие жизнь, мышление, психологию как отдельных людей, так и целых коллективов. Какие перемены произошли и происходят в парторганизациях после XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партконференции, как утверждается в коллективах демократизм, гласность, партийное товарищество!

Эти и другие проблемы обсуждали в беседе за «круглым столом» с сотрудниками редакции командиры полковник В. Землянский, капитан П. Гончар; политработники полковник Е. Холодов, майоры В. Дриль, Л. Якобсон, лейтенант С. Иванов; секретари партийных организаций майор А. Балухтин, прапорщик В. Кривонос.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

— В политотделах двух соединений, в том числе в вашем, опробуется новая организационная структура. Цель эксперимента — усилить влияние политоргана на первичные парторганизации, поднять их роль в жизни воинских коллективов. Расскажите вкратце о сути новой структуры и работе политотделцев.

■ Е. ХОЛОДОВ. В начале года у нас были упразднены отделения и оставлены лишь старшие инструкторы и инструкторы. За каждым закрепили парторганизацию одной-двух частей. В самом политотделе организационно-партийную работу возложили на начальника политоргана, его помощника по комсомольской работе и частично — на секретаря парткомиссии. За идеологическую деятельность отвечает заместитель начальника политотдела. Ввели должности старшего инструктора-социолога, инструктора по работе с семьями военнослужащих (служащего).

— Изменилась ли общая численность политоргана?

■ Е. ХОЛОДОВ. Нет, она осталась прежней... Были разработаны новые функциональные обязанности офицеров. Должен заметить: они по содержанию расплывчатее тех, что приводятся в Положении о политорганах, — сказалась ограниченность времени для организации эксперимента.

— Кстати, в подготовительном периоде вы обращались к опыту подобного эксперимента в ряде городских и районных комитетов партии!

■ Е. ХОЛОДОВ. Следили за сообщениями об этом в печати. В некоторых райкомах и горкомах упразднили отраслевые отделы, закрепили инструкторов за первичными парторганизациями, чтобы они на деле становились ответственными партийными работниками. К сожалению, опыт тех партийных комитетов применим к нам не полностью — видимо, влияет значительное различие в численности аппаратных работников.

— Позволим напомнить вам: в постановлении июльского [1988 г.] Пленума ЦК КПСС «Об основных направлениях перестройки партийного аппарата» говорится, что необходимо перестроить структуру партийного аппарата «в соответствии с функциями партии в современных условиях, имея в виду отказаться от дробления аппарата по отраслям управления...» Существующая же структура политорганов соединений войск не имеет узкой «отраслевой» направленности. К примеру, офицер отделения оргпартработы не ведет какое-то одно направление деятельности — будь то партийно-политическое обеспечение службы и учебы, работа органов народного контроля и т. д. и т. п. — он

58
175

курирует широкий круг вопросов, определяемых Положением о политорганах. Поэтому его работу нельзя считать «цеховой» или «отраслевой», поскольку она всегда замыкается на первичные парторганизации частей. Иными словами говоря, закрепив инструкторов за парторганизациями, вы одновременно ослабили координирующую роль политоргана. Так!

■ Л. ЯКОБСОН. В соответствии с новыми обязанностями я должен заниматься исключительно партийными организациями. Только в одной части их несколько десятков, причем дислоцируются подразделения в разных населенных пунктах. И если по несколько дней работать в каждой из них, то там за год и дважды не успею побывать. А ведь стремишься еще и встретиться с каждым коммунистом. Вот этого-то и не получается. Потому и не удовлетворен своей работой, что понимаю: пытаюсь объять необъятное.

— Политорган соединения работает в тесном контакте со штабом, службами войскового тыла, ибо деятельность их также требует партийно-политического обеспечения. А взяты любые крупные мероприятия или события — от учебных сборов с молодыми солдатами до сборов специалистов различного профиля — разве они когда-нибудь проводились без политработников! Так что, образно говоря, политотдел не закроешь на замок и не повесишь на дверь табличку «Все ушли на фронт» (то бишь в части).

■ Л. ЯКОБСОН. Да, вот эта-то сторона и не предусмотрена экспериментом.

Несколько слов о подготовке инструкторов. Прежде я служил в отделении пропаганды и агитации. Сейчас же, став направлением, должен хорошо знать оргпартработу. Нелегко ее постигать. Полагаю, что надо бы еще накануне эксперимента подумать, в какой форме и по каким вопросам обучать инструкторов.

С компетентностью инструкторов тоже не все гладко. Эта должность — капитанская. Значит, замполит батальона ею не соблазнится — ведь в академию поступают политработники с майорских должностей. Вот и идет инструктором заместитель командира роты по политчасти, а каково ему направлять парторганизации части?

■ Е. ХОЛОДОВ. Немаловажна и материальная сторона. Должностной оклад инструктора политотдела соединения ниже, чем у инструктора политаппарата части. Как объяснить это людям?

— Разумеется, материальные стимулы нельзя предавать забвению. Но сейчас все же давайте суммируем то положительное, что дал эксперимент.

■ Л. ЯКОБСОН. Мы, инструкторы, стали оперативнее установки политотдела проводить в жизнь. Глубже вникаем в работу парторганизаций. Меньше отвлекаемся на совещания. Да и в подразделениях почувствовали, что ход перестройки неразрывно связан с деятельностью парторганизаций — от них исходит инициатива, они побуждают людей к обновлению. И если бы инструкторы политотдела работали

только в низовых парторганизациях, выигрыш был бы весомым. Но, увы, у нас не получается — надо политотделу помогать в его работе...

■ **Е. ХОЛОДОВ.** Эксперимент заставил многих политработников пересмотреть свою организующую роль в деятельности парторганизаций, уделять им больше внимания и времени. Нам стало ясно и то, что впредь политотдел соединения уже не обойдется без социолога и инструктора по работе с семьями. Попутно замечу, что пока старший инструктор-социолог, не имея специальной подготовки, многое осваивает самостоятельно, кое-что перенимает в полторагонах Советской Армии. Поэтому возникает необходимость в их централизованном обучении.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ — ДУША ПЕРЕСТРОЙКИ

— Цель эксперимента — улучшить руководство политоргана партийными организациями, повысить роль коммунистов в жизни воинских коллективов. Поэтому хотелось бы услышать ваше мнение о том, какие качества коммуниста определяют сегодня его активную позицию в борьбе за высокие результаты боевой службы и учебы, утверждение здоровой морально-психологической атмосферы в подразделении, в решении кадровых вопросов!

■ **В. ЗЕМЛЯНСКИЙ.** Готовность взять ответственность на себя, умение реализовывать всю полноту предоставленной тебе уставами власти, смелость в принятии нестандартных решений — все это не придет само собой. Данные качества формируют партийные организации, которые побуждают коммунистов работать по-новому. И там, где парторганизация активно помогает командирам осваивать современный стиль деятельности, там руководители воинских коллективов добиваются высоких результатов. К таким относятся командиры подразделений офицеры К. Козенков, В. Смирнов, П. Гончар, И. Золотарь, А. Добрянец, политработники офицеры С. Иванов, И. Билозора, А. Соколов.

Для всех перечисленных офицеров характерны близость к подчиненным, умение учитывать их мнения при принятии решений, выполнении служебно-боевых задач.

— Есть ли у вас в части офицеры-коммунисты, которые видят в солдате только подчиненного, но не человека с его индивидуальными запросами, заботами!

■ **В. ЗЕМЛЯНСКИЙ.** Как ни горько говорить, но такие есть. Скажем, командир роты капитан Г. Шарендо. Он хорошо подготовлен, много времени отдает службе, однако далек от подчиненных. Поэтому в подразделении нет сплоченности.

■ **В. КРИВОНОСОВ.** Да, если забывать о подчиненных, то ни о какой перестрой-

ке речи быть не может. Почему наша рота передовая? Ответ прост: все коммунисты, независимо от занимаемых должностей, считают себя лично — подчеркиваю: лично! — ответственными за дела в роте. Офицер ты или прапорщик — здесь не играет роли, все мы члены партии, а значит, в равной степени отвечаем за свою работу в коллективе, за поддержание в нем гласности, за утверждение не на словах, а на деле девиза: «Все для человека». Кое-кому мы прямо сказали, что у нас разные пути. Вот и командиру взвода старшему лейтенанту А. Ивановичу пришлось покинуть роту, потому что близость к подчиненным для него была формальностью, обычной говорильней.

От нас он ушел со строгим партийным взысканием. Горько говорить об этом, но мы, коммунисты, не сумели завоевать еще одного единомышленника. А с другой стороны, нам не нужны такие, чья партийность определяется лишь наличием партийного билета.

— Инертность, несамостоятельность актива преодолеваются медленно из-за того, что политотделы свое влияние на партийную работу порой стремятся осуществлять только через политработников. С секретарями парторганизаций политотдельцы все же общаются куда реже, невольно приучая их к мысли о своей «вторичности»: мол, замполит в курсе дел, планов, задумок политотдела. Потому-то политработник зачастую командует парторганизациями вместо того, чтобы давать им советы, рекомендации. А ведь парторганизация должна работать самостоятельно, не по «команде». Как же добиваетесь вы, чтобы выборный актив работал в полную силу, творчески!

■ **А. БАЛУХТИН.** Инертность, иждивенчество в один раз не искоренить. Они крепко вросли в стиль вышестоящих поллиторганов. Говорим, что в постановлениях «верхних этажей» мы должны видеть оценку своей работы, находить перспективу. А как на деле? Помню, на собрании партактива Центрального УВВ задали вопрос: почему в постановлении мало конкретных предложений? В ответ услышали: мы, дескать, осуществляем перспективное, магистральное руководство. Таким ответом коммунисты нашей части не были удовлетворены — нам нужны конкретные установки, прямая нацеленность на наши нерешенные вопросы.

С другой стороны, мы сами, члены парткома, многое навязываем парторганизациям, регламентируем их работу, ограничиваем новаторство. Где выход? Думается, он в том, чтобы выходить не на политработников, а непосредственно в парторганизации, рекомендовать им делать прежде всего то, что они считают для себя первоочередным.

Несколько слов об обучении актива. Оно явно недостаточное. Правда, в условиях эксперимента политотдел соединения больше этим занимается, однако, думаю, нужно сделать коренную поправку в нашей работе с активом. Мы общаемся с офицерами политотдела соединения, обогащаемся их опытом. Но вот только один

раз я, секретарь парткома, смог встретиться на сборах в Центральном УВВ со своими коллегами. Тогда был настоящий обмен опытом, была горячая дискуссия, которая побудила меня переоценить свою работу. Словом, во всей системе обучения актива не хватает дискуссионных встреч, столкновения мнений, обсуждений новых приемов влияния на людей.

■ В. ЗЕМЛЯНСКИЙ. Конечно, авторитетно быть партийным или молодежным вожаком, но почему при этом ущемляются его личные интересы, прежде всего свободное время? Как материально и морально компенсировать работу наших неосвобожденных секретарей? Морально еще мы можем их поддержать, а с экономической стороны — нет. И почему-то боимся говорить об этом вслух, хотя все понимаем, что забвение материальных стимулов принесло невосполнимый урон строительству социализма.

Не могу не упрекнуть командование и политотдел соединения: они чаще, к примеру, устраивают сборы заместителей командиров рот по службе контролеров, чем секретарей партийных и комсомольских организаций. А как быть с плюрализмом мнений, обменом передовым опытом — оставлять их без внимания?

■ Е. ХОЛОДОВ. Упрек принимается, поправим. Вместе с тем политотдел будет продолжать твердую линию: помимо семинаров и сборов надо предметнее учить выборный актив на местах. Любой приезд политотдельца в батальон или роту должен сочетаться с обучением партийного и комсомольского актива.

— На XIX Всесоюзной партконференции делегат от внутренних войск старший прапорщик В. Акимов с трибуны этого большого форума внес свое предложение, касающееся роли Вооруженных Сил в интернациональном воспитании людей. Оно было принято. Разве это не пример активной жизненной позиции, не свидетельство набирающих мощь процессов демократизации! А как на деле у вас происходит демократизация!

■ Е. ХОЛОДОВ. Приживается в борьбе. Особенно нелегко утверждается критика. Если она идет сверху, то принимается на собраниях без оговорок, зато, как говорится, за углом горячо обсуждается. Где же партийная принципиальность? Почему необъективная оценка не опровергается, почему живуч принцип «начальству виднее»? Нам надо драться за утверждение диалога, дискуссий.

■ П. ГОНЧАР. Кое-кто боится даже говорить, что единоначалие совместимо с демократизацией. Это ошибочная позиция. У нас в роте, например, на совещаниях сержантов мы спрашиваем людей, как они оценивают работу старшины роты или командиров взводов по повышению боеготовности. И нередко убеждаемся, что плохо знаем деловые качества людей.

Давно пробуем проводить и социологические опросы. Заместитель командира роты по политчасти старший лейтенант Соколов разработал вопросник, разъяснил солдатам и сержантам, что их анонимные ответы могут улучшить микроклимат в коллективе. Так и получилось на деле: мы

575
576

узнали, насколько авторитетен тот или иной сержант, комсомольский активист. Выяснили даже, кто является «ночным командиром роты», то есть чей авторитет после убийства офицеров из подразделения играет решающую роль среди личного состава.

— Накануне «круглого стола» мы встречались с командиром вашего соединения. Он рассказал немало интересного. В частности, стало правилом на совещаниях офицеров управления обсуждать кандидатуры офицеров, рекомендованных в резерв на выдвижение. Обсуждения всегда проходят заинтересованно, в духе партийной принципиальности. И нередко бывает, что почти треть рекомендованных вычеркивается из списка. В результате командир соединения располагает действительно боеспособным резервом.

■ В. ЗЕМЛЯНСКИЙ. Но нельзя при этом сбрасывать со счетов и мнение коммунистов части. Мы хорошо знаем людей, которых выдвигаем в резерв на повышение, и надо к нам прислушиваться.

■ В. ДРИЛЬ. Недавно пришло распоряжение срочно представить двух военнослужащих на поощрение медалью. Кого? Решили, давайте послушаем мнение коммунистов. Написали бумажки и послали по управлению. Приходят две фамилии: «Капитан П. Гончар и секретарь управленческой парторганизации майор А. Добрянец». Командир говорит: «А у меня в моем блокноте эти же фамилии». Когда так вот совпадают мнения коммунистов и командира-единоначальника, руководитель крепко стоит на своих позициях.

— Главный камень, о который спотыкаются, рассуждая о взаимоотношении и переплетении гласности и единоначалия, это то, что люди усматривают в этом рассуждении какую-то попытку ущемить права командира. Дело тут в партийной позиции. Если военнослужащий выступает на партсобрании, то командир должен смотреть на него как на коммуниста, как на комсомольца, а главное, видеть в нем прежде всего человека, полноправного гражданина общества. То есть не игнорировать его мнения, действуя в условиях плюрализма мнений. Конечно, мы не допускаем подрыва авторитета единоначальника путем критики, обсуждения приказа. Но бояться сочетания единоначалия и демократизации не надо. Более того, если процесс проходит в масштабе всего общества, всколыхнул всю страну, то юноша, приходящий служить в армию, уже настроен, что его встретят как человека, будут считаться с его мнением, видеть в нем полноправного гражданина. Это нельзя сбрасывать со счетов.

■ Е. ХОЛОДОВ. Правильно. Со всем, что сдерживает активность коммунистов на партсобраниях, мы энергично боремся. И чтобы командир находил время для выступления не в конце собрания, а в процессе его, чтобы он сумел и потом выслушать мнение коммунистов и горькую правду. Но если с чем-то несогласен, то ведь предоставляется время для справок. Но недопустимо выражать несогласие та-

кими словами: «А ты посмотри сначала на себя, а потом критикуй меня».

На авторитет влияют и администрирование, и высокомерие, и грубость, унижающие человеческое достоинство.

Мы ставим теперь задачу — давать персональную оценку деятельности командиров, начальников полторганов. Ведем бой с теми, кто проявляет чванство. Мы вынуждены были пригласить на заседание парткомиссии, например, полковника Б. Сабанова. Хотя и обошлось без взыскания, но ему указали на неуважение к людям, неблагоприятное поведение.

Все шире практикуется утверждение партийных характеристик на руководителей в первичных парторганизациях.

Участие руководителей в работе собраний, в воспитании людей — это тоже играет на их авторитет. Проанализировали мы, как они тут выглядят. И сразу стало видно: кто неуважителен к подчиненным, у того и выступлений нет.

■ С. ИВАНОВ. На партсобраниях, в общении с личным составом мы объясняем сущность и демократизации, и единоначалия. В часы политико-воспитательной работы ведем разговор об этом.

■ Е. ХОЛОДОВ. В наших ленинских комнатах есть стенд «Всегда с нами». Там коротко — о командире роты, замполите, секретаре парторганизации. А может, нам пойти и дальше — поместить и служебные карточки офицеров?..

На учебно-методических сборах с командирами рот провели семинар «Командир и парторганизация». Сейчас мы снова к этому возвращаемся, показываем, как надо вести себя руководителю с партийным коллективом.

— Если кратко обобщить названия тех вопросов, что мы обсуждали, то главное здесь — укрепить в партии ленинский дух. Если мы не решим эти вопросы, если мы не перестроим партийную работу на той основе, которую завещал нам Ленин и которая регламентирована в Программе партии, Уставе, решениях партийной конференции, — мы отстанем от жизни, мы не перестроимся. Это надо четко уяснить. И работать, работать, не обольщаясь тем, что соединение передовое. Во главу угла работы надо поставить возрождение ленинской концепции партии.

Полковник В. УСКОВ,
подполковник Д. ЕВСТРАТОВ.
*Оршанско-Хинганское Краснознаменное
Центральное УВВ.*

ИХ НАГРАДИЛА РОДИНА

Имя полковника М. Лабунца широко известно не только в УВВ по Северному Кавказу и Закавказью, но и в других регионах страны. Часть, которой он командует, передовая во внутренних войсках, она награждалась дважды переходящим Красным знаменем Военного совета войск.

Примечательно, что успехи, которыми ныне по праву гордится личный состав, непосредственно связаны с назначением Михаила Ивановича командиром части. Шаг за шагом, опираясь на помощь и поддержку офицерского состава, партийцев, комсомольского актива, полковник М. Лабунец вел коллектив к самым высоким рубежам в соцсоревновании. Было на этом пути немало трудностей и преград. Преодолевать их помогли глубокие военные знания, полученные в училище, академии, богатый опыт, накопленный в бытность на различных должностях в ротном, полковом звеньях.

По итогам 1986 и 1987 годов часть была объявлена отличной. Не сдает своих позиций и поныне.

Родина высоко оценила ратный труд передового офицера. Полковник М. И. Лабунец отмечен многими государственными наградами, в том числе медалью «За отличие в военной службе» II степени, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» II и III степени.

Подполковник Е. ШУБНИКОВ.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ.

- ВОПРОС РЕБРОМ
- СОБЫТИЯ И ФАКТЫ
- МНЕНИЯ И АРГУМЕНТЫ
- ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

КТО ВИНОВАТ В НАШИХ МЫТАРСТВАХ?

Я жена прапорщика, который служит восьмой год. Как ни странно, но за время замужества я ни разу не видела его командиров взвода, роты. А хотелось, чтобы они хотя бы пришли и посмотрели, в каких условиях мы живем. С тех пор, как я приехала сюда, к месту службы мужа, я не имею (да и он тоже) даже прописки. Огромного труда стоило устроиться на работу. Что не пользуюсь медицинским обслуживанием и другими правами советского человека, это еще ничего. Я все эти годы нарушаю паспортный режим. А за это ведь могут привлечь к уголовной ответственности...

Ко всем этим «прелестям» мы снимаем квартиру, что обходится недешево.

Мне интересно, кто виноват в том, что я превратилась в какого-то подпольного человека? Может, я сама, выйдя замуж за военнослужащего? Может, муж, который даже не знает, поставлен ли он на очередь для получения квартиры? Ведь списки очередников на жилье обнародовать у нас не принято.

А может, виновато все-таки руководство части, которое имеет жилье и не желает знать, как живут подчиненные!

С. МАРЕНКОВА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Заданные С. Маренковой вопросы мы адресуем руководителям Центрального УВВ.

ПО ПРАВУ ГЛАСНОСТИ

Не знаю, как там в Москве, а у нас о перестройке, вернее, о ее результатах и говорить не приходится. Много, если не все, как было, так и остается.

Возьмем самый больной вопрос: служебная нагрузка. Расскажу о себе, хотя я не один такой. Так вот, мне запланировано в месяц четыре раза быть начальником караула и три — дежурным по батальону. Кроме того, в свободные от этого дни придется утром и вечером ходить в дополнительные караулы.

Итак, полмесяца я уже занят на службе. Но и остальные дни я от нее не свободен, потому что обязан проверять караулы, а это занимает в сутки до десяти часов.

Спрашивается: где же я могу найти время, чтобы подготовиться к занятиям с подчиненными? Я же должен их учить, и не на старом багаже, а на свежем, современном. Но учить и учиться самому мне и другим офицерам роты некогда. Если б только учиться! У меня двое детей, матери с ними нет, я сам их воспитываю. А как это сделать хорошо, если из четырех воскресений месяца три я провожу в карауле?

Обратился с этими вопросами к командиру батальона. А он мне светил так: будешь командовать батальоном — будешь и определять, сколько кому служить. Не твое, мол, дело.

Может, и не мое, но меня-то касается. И надо же что-то делать, иначе никогда мне не дорасти до комбата — некогда работать над собой.

Старший лейтенант Ю. КУРБАНОВ,
командир взвода.

УВВ по Уралу.

Под рубрикой «Конфликтная ситуация» в десятом номере журнала было опубликовано письмо, подписанное секретарем бюро ВЛКСМ подразделения старшим сержантом С. Иодчиком и шестьюдесятью двумя его сослуживцами. В нем солдаты и сержанты ставили вопрос: имеет ли право их командир роты ломать гитары, приобретенные на деньги личного состава? Сообщали они, что в нынешнем году на его совести уже три таких «музыкальных жертвы».

Майор В. КАЛИНИЧЕВ, старший инструктор отдела по работе среди комсомольцев Политического управления внутренних войск, выезжал на место, чтобы разобраться в происходящем. Итак, ему слово.

СТЕНА НЕПОНИМАНИЯ

Скажу откровенно, думал, что встречу отстающее подразделение, где не все гладко с дисциплиной и порядок насаждается не столько убеждением людей, сколько «крутыми нажимными методами». Но рота оказалась не только отличной, но и победительницей социалистического соревнования в части по итогам периода обучения. За ней и первое место в смотре художественной самодеятельности, проведенном в феврале.

Как же так? Как совместить все эти громкие успехи и жалобу, родившуюся не вдруг, а вызревавшую в душах солдат и сержантов долгие месяцы?

В ходе моего знакомства с коллективом роты ответы постепенно вырисовывались. Не хочу быть категоричным, но, думается, главная причина все же в том, что между офицерами и их подчиненными постепенно сложилась стена непонимания. Командиров ничто не волнует, кроме службы и учебы.

«Работоспособный, дисциплинированный, добросовестный офицер» — такие характеристики на Романенко услышал я от его начальников и батальонного, и полкового звена. Несколько реже звучало: «заботливый». Но ведь звучало!

А вот оценка ему у подчиненных иная. На-

пример, так говорил на комсомольском собрании подразделения рядовой С. Сарыбаев: «Командир роты часто груб с нами. Мне он как-то, не разобравшись в происшедшем, заявил: «Ты преступник, ты бандит, а не солдат». Я до этого случая считал, что командир — отец мне, а понял, что он и отчима хуже».

А как может относиться к командиру роты ефрейтор А. Сальниченко? Из его рук в апреле выхватил Романенко гитару и разбил. А все потому, что играл в непопозволенное время, в классе службы. Но позволено ли спрашивать: а не сам ли Романенко в этом классе должен был в тот час организовывать занятия с Сальниченко и другими свободными от службы?!

Вторая «гитара-жертва» (как зовется она в коллективном письме в редакцию журнала) разлетелась в щепки в середине июля. Вот как он сам описывает свой поступок в объяснительной на имя секретаря партбюро батальона: «В расположении 3 взвода обнаружил под кроватью гитару. В результате опроса дежурного и дневального точного пояснения, чья и как она попала сюда, не получил. Тогда я взял и выбросил из спального помещения, в результате чего она разлома-

лась. Была проведена большая работа по доведению времени игры, хранения инструментов с моей стороны и со стороны старшины роты».

Согласитесь, читается трудно. Но понимается еще трудней. Вот по крайней мере, что сказал по этому поводу сержант Ю. Юшкевич: «В роте лучшая художественная самодеятельность в части. Зачем же ее надо душить? Когда ротный грохнул вторую нашу гитару, многие ребята заявили: теперь на смотри самодеятельности нас никакими коврижками не заманите».

— Ну, а что же ротный политработник? — спросите вы. — Почему он не вступился за личный состав? Или положение в роте его не волновало? Волновало. Он даже конфликтовал с Романенко. Правда, на несколько иной почве. «Конфликт происходил у меня с командиром роты из-за бессистемного планирования рабочего времени, назначения ответственных, распределения выходных дней, — объяснял лейтенант С. Поляков заместителю начальника политотдела соединения. — К тому же, находясь в подразделении, командир почему-то мне поручал подготовку суточного наряда. А 6 июня провел со мной собеседование, где высказал свои

претензии к моей работе. Всего 12 пунктов, устранить их можно в течение одного дня. Однако он на основании этого написал отрицательную аттестацию на присвоение мне звания. Звание было задержано, объявил мне взыскание. Сказал, что через месяц посмотрит, есть ли какие изменения в моей работе».

Похоже, глаз с личных обид на коллективные Поляков и не поднял бы, не задень его самого, хотя бы косвенно, очередная гитароненавистническая выходка ротного. В последних числах августа политработник заметил в ленинской комнате сломанную балалайку. А ведь это не гитара, купленная солдатами. Это — единица политпросветимущества, и числилась она за ним. Тут уж политработник промолчать никак не мог. Тут и сообщил лейтенант Поляков по команде об изложенных ему претензиях солдат.

Впрочем, как раз для командования батальона его сообщение не прозвучало каким-то откровением. Ведь чуть ли не месяцем раньше в батальоне прошло комсомольское собрание. Зашел на нем разговор и о разбитых коммунист-гитарах Романенко. Комсомольцы прямо поставили вопрос перед присутствовавшим на собрании комбатом: а правомочен ли командир роты так поступать? В ответ от майора В. Луцикова они услышали, что он не просто разберется с этим, но и обе гитары будут в ближайшее время возмещены. Но слова так и остались словами.

...Заканчивалась третья неделя тягостного ожидания. Вместо обещанной компенсации военнослужащие стали сви-

детелями, как вновь приобретенная на их кровные деньги гитара разлетелась в щепки. Третья по счету! Капитан Романенко обнаружил ее около вешалки и саданул о спинку ближайшей кровати. И все это под лозунгом борьбы «за порядок».

Впрочем, чтобы у вас не сложилось мнение, что командир роты избрал лишь одну форму в своей борьбе, замечу сразу: это не так. Он, например, запрещал дежурному по роте отдыхать в установленное время, если порядок в помещении ему не нравился. Он налево и направо «раздавал» аресты. А к слову сказать, на гауптвахте за годы побывал лишь один военнослужащий. Все остальные взыскания, объявленные для острастки, повисли в воздухе, вызывая усмешку у солдат и сержантов: они старательно вели им подсчет. И тут одним из «лидеров», по словам сослуживцев, называл себя группкомсорг ефрейтор Б. Кунтый — 28(!) суток ареста. Сам я не смог с ним побеседовать, потому что он находился... в отпуске поощрению.

Сегодня в роте новый командир. И три гитары, возвращенные личному составу прежним. Но рухнет ли теперь та пресловутая стена непонимания — вот что не дает покоя. Не дает потому, что очень уж откровенно пожимали плечами некоторые командиры, политработники части, дескать, а что, собственно, такого случилось? Да и партийные организации роты, батальона предпочитали все это время не вникать в суть зреющего конфликта. По чему?

Приволжское УВВ.

ГДЕ НАЙТИ ГАЙКУ?

Кто ездит на служебных автомобилях и не догадывается порой, сколько хитрости и упорства нужно специалистам автослужбы, чтобы машина была постоянно на ходу. Если она вдруг сломается, а ломаются машины всегда вдруг, попробуй найди запчасти. Естественно, сразу идешь на склад. Чего только нет на наших складах! Кажется, там хранятся детали даже с машин довоенного времени. А нужной запчасти, как правило, нет.

Где же выход! Можно, например, попросить что-нибудь у соседей: в таких просьбах никто не отказывает. Но попытка оформить эту передачу документально!

Но вот, наконец, для ремонта есть все. Можно приступать! Не тут-то было. Далеко не в каждой части, не говоря уж о подразделениях, есть современная ремонтная база. Не хватает и специалистов. Я и предлагаю: избавить склады частей от запчастей к устаревшей технике. Нужно наладить и регулярную информацию о том, что есть в запасе на каждом складе по всему региону.

Но и это не решит всех проблем с ремонтом войскового транспорта. Нужно еще подобрать и подготовить специалистов - ремонтников. Пока их никто не готовит, «выуживают» из каждого призыва. Да и штаты в наших мастерских нужно бы привести в соответствие с нормативами, принятыми в автохозяйствах страны.

Старший лейтенант
С. ЦВЕТКОВ.

*Ордена Красной Звезды
УВВ по Северо-Западу и
Прибалтике.*

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

НЕУДОБНЫЙ СПЕЦВАГОН

Сейчас в печати много материалов, которые как бы призывают нас оглянуться вокруг и внимательней посмотреть на окружающее. И правильно.

Например, как-то смирились мы с теми неприглядными порой условиями, в которых проходит наша служба. До сих пор помню первое впечатление от специального вагона: теснота, духота, тяжелый запах, угрюмые стены. Потом это впечатление развеялось, притерпелся как-то. А нужно ли терпеть? В таких условиях солдаты находятся сутками. Среди конвоируемых попадают и больные. Приходится нашему часовому после каждого обменного пункта мыть руки. А вот общую дезинфекцию вагона в конечном пункте проводят не всегда. Значит, опасность «подхватить» инфекцию для нашего солдата не исключается.

Или такая «мелочь», как питание проводника в вагоне. На практике он покупает продукты и отдает их повару в общий котел. Но и это небезопасно, да и неэтично, осложняет отношения в плановом карауле. Можно бы и узаконить как-то выдачу на проводника суточак со склада части.

Немало неувязок и с определением пунктов обмена на маршрутах следования, состыковкой с графиком движения поездов. На иных обменных пунктах прием-сдача идет в бешеном темпе, хотя, на мой взгляд, пункты обмена можно объединить, укрупнить, концентрируя подлежащих перевозке по большим станциям.

Капитан Ю. ХЛЫСТОВ, командир роты.
*Ордена Красной Звезды УВВ
по Северо-Западу и Прибалтике.*

ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО

ПУНКТ ПРИКАЗА ИЗМЕНЕН

Бывшая военнослужащая войск Н. Зюкина в своем письме в редакцию высказала обиду по поводу увольнения ее в запас Вооруженных Сил СССР по служебному несоответствию. «Дело в том, — сообщала Надежда Романовна, — что я вынуждена была расстать-

ся с армией совсем по другой причине: в связи с проводимыми организационными мероприятиями».

Рассмотреть жалобу редакция попросила компетентных товарищей из УВВ по Западной Сибири. Как сообщил врио командира соединения подполковник И. Барабаш, в результате проверки доводы тов. Зюкиной признаны убедительными. Командованию части указано на обоснованность принятого решения. Пункт приказа, по которому уволена в запас Н. Зюкина, изменен.

...начальника штаба части на фельетон «Посчитались — разошлись или Заметки о том, насколько небоевым может быть боевой расчет» [1988, № 3].

Критические замечания в адрес командироты капитана Ю. Рековского признаны правильными, факты формального отношения к проведению боевого расчета как одного из основных элементов боевой службы подтвердились.

В целях устранения недостатков в организации служебно-боевой деятельности подразделения спланирован комплекс мероприятий, в проведении которых приняли участие офицеры штаба и политотдела части. Назначены новые командир роты и его заместитель по политической части.

* * *

...начальника политотдела соединения, где сообщается, что очерк «У семи лиственниц» [1988, № 5] изучен во всех воинских коллективах, рассмотрен на совещаниях партийного и комсомольского актива части. Критика в адрес командира роты капитана Торкунова и его заместителя по политчасти лейтенанта Зыкова признана правильной, оба они за бездушие и грубость к подчиненным переведены за пределы льготного района на должности с меньшим объемом работы; кроме того, коммунисту Торкунову объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Наш адрес: 111250, г. МОСКВА, Е-250,

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

В НЕПРИВЫЧНЫХ УСЛОВИЯХ

В период охраны общественного порядка в районах Армении и Азербайджана понятие «служба войск» приобрело для нас особое значение. Действия в отрыве от места постоянной дислокации да еще и в сложной обстановке потребовали нового подхода к выполнению поставленных перед нами задач, а если хотите — нового мышления, поскольку пришлось решать такие проблемы, с которыми в повседневной жизни встречаться не приходилось.

Батальон, совершив марш в один из районов для охраны там общественного порядка, получил разрешение расположиться в средней школе, что в самом центре населенного пункта. Здание оказалось в крайне запущенном состоянии, мало пригодное для расквартирования, к тому же директор школы впустил в него только лишь после вмешательства местных властей. Разве мы рассчитывали на такое «гостеприимство»?

Появление войск могло вызвать нездоровый интерес особенно среди зачинщиков массовых беспорядков. О подобном пресса сообщала не раз. И меры мы, конечно, приняли: организовали контрольно-пропускную и парковую службу. Для хранения вооружения и спецсредств приспособили кабинет начальной военной подготовки, окна и двери которого были закрыты металлическими решетками.

Конечно, необходимую служебную документацию по организации службы войск штаб батальона готовил заранее. Но все же, естественно, не предусмотрели и приходилось перестраиваться на ходу, вносить поправки в некоторые инструкции.

А вопросов возникло немало, поэтому сразу же провели инструктивные занятия с личным составом, подготовили к службе караул и суточный наряд. Командир батальона, уяснив задачу у старшего начальника, проанализировал обстановку, внес коррективы в распорядок дня. До офицеров и прапорщиков довел график службы, уточнил вопросы связи и взаимодействия с местными органами.

В непривычных условиях пришлось организовывать и быт. Но все в соответствии с уставом. Прежде всего тщательно продумали организацию трехразового питания, снабжение батальона водой, в том числе и кипяченой.

На собрании личного состава командир батальона, доводя обстановку и порядок выполнения задачи, обратил внимание всех военнослужащих на необходимость строжайшего выполнения распорядка дня. Затем мы провели специальный инструктаж личного состава о поведении и на службе, и в расположении, серьезное вни-

мание отвели мерам личной и противопожарной безопасности. Установили место для курения, привели в порядок средства пожаротушения, организовали занятия с нештатной пожарной командой.

Когда вопросы бытоустройства и организации внутренней службы были решены, спланировали занятия по боевой подготовке. Плановые занятия начались сразу, и это очень помогло четко решать служебные задачи.

Население в массе своей доброжелательно отнеслось к военнослужащим, с пониманием их вынужденного присутствия и в республике, и в этом населенном пункте. Но ведь не секрет, что были и такие, кого не устраивало прибытие войск. Случалось, солдатам и сержантам отдельные лица задавали недвусмысленные вопросы: «Ночью гостей не ждете?» Это заставляло нас обратить внимание на охрану места временной дислокации, особенно оружия и спецсредств, техники. Так как комната хранения оружия находилась вне школы, а площадка, где оборудовали автопарк, была огорожена лишь ветхим забором, было принято решение: кроме постов на КПП и внутри школы, осуществлять еще и патрулирование двумя парными патрулями вокруг расположения. Обратились в местный РОВД с просьбой выделить по одному работнику на каждый маршрут. Нам пошли навстречу. И, надо сказать, наше взаимодействие с РОВД было гибким и четким. Помощь мы оказывали друг другу быстро.

Со всем личным составом, заступающим на службу, обязательно проводились практические инструктивные занятия, в ходе которых решались вводные по действиям на случай проникновения посторонних лиц на территорию школы через КПП или ограждение, подробно анализировались и ошибки, и примеры положительных действий военнослужащих.

Нельзя не сказать о контроле за службой суточного наряда. В новой обстановке он стал более жестким, более конкретным, поскольку ситуация могла измениться в любую минуту. Умелыми организаторами службы проявили себя в эти трудные дни капитан В. Борисенко, старший лейтенант Н. Шлакович, лейтенант И. Турганбаев, лейтенант Ю. Курбатов, сержанты Н. Изюмов, С. Яжборовский.

Организация службы войск в непривычных условиях позволила нам приобрести ценный опыт, который, несомненно, пригодится и в дальнейшем.

Майор В. НИКИШКИН,
начальник штаба батальона.
*УВВ по Северному Кавказу и
Закавказью.*

Из-за дымящейся кучи свалки показались ворота военного городка, и видневшаяся неподалеку вышка, сооруженная для поддержания высокой металлической трубы, вдруг выросла неожиданно близко — в нескольких шагах от свинарника. К ней можно было беспрепятственно пройти, но идти не хотелось. Земля вокруг вышки была покрыта побуревшей, будто спекшейся травой.

На самом краешке трубы змеился едва видный на фоне голубого неба язычок пламени.

Ветер вдруг потянул в нашу сторону, и я почувствовала неприятный запах.

— Это еще ничего, — сказал командир подразделения офицер В. Немченко. — А вот когда выбросы бывают, на улице без противогаса нельзя. Ночью без них солдаты на пост не ходят — обычно после двух ночи начинается эта газовая атака.

Как подразделение оказалось в столь опасной ситуации?

История эта началась еще десять лет назад, когда СПО «Нитрон», расширяясь, вплотную придвинулось к военному городку подразделения и расположенному тут же ИТУ. В 100—150 метрах от подсобного хозяйства разместилась одна, а чуть поодаль еще две трубы. Денно и ночью над ними полыхают факелы. А время от времени, чаще всего ночами под субботу и воскресенье, от труб доносится нестерпимый запах горького миндаля.

— Это теперь комбинат слегка регулирует время выбросов, выбирает часы, когда в учреждении рабочих поменьше. А в прежние годы... — рассказывал мне старший инструктор политотдела части майор Ю. Мельников, долгое время бывший замполитом в этом подразделении. — В любой день и час мы были наготове. Как повеет горьким миндалем или вдруг увидим над трубой рыжеватое облако — значит выброс начался.

Подразделение и охраняемое им учреждение поневоле оказались в пределах километровой санитарно-защитной зоны (СЗЗ) химкомбината.

ИЗ СПРАВКИ СЭС ОБЛАСТИ

«...На границе СЗЗ имеет место превышение в атмосфере предельно допустимых концентраций (ПДК) фенола, аммиака, метилакрилата, нитрила акриловой кисло-

ты, сернистого газа, сероводорода, окиси углерода, окислов азота.

В результате производства НАК-150 суммарный выброс вредных веществ СПО «Нитрон» в атмосферу растет из года в год...

Кроме того, превышение ПДК в радиусе 1000—3000 м по основным ингредиентам выбросов СПО «Нитрон» также имеет тенденцию к возрастанию...

Распространение атмосферных загрязнений от СПО «Нитрон» с превышением ПДК вредных веществ в 1,1—4,3 раза наблюдается на расстоянии 7—8 км...

Справка эта появилась несколько лет спустя после ввода в эксплуатацию нового производства в СПО «Нитрон». Но ведь санитарные нормы известны всем сведущим людям: проживание в пределах СЗЗ запрещено. А здесь под воздействием газов оказались солдаты и осужденные, постоянно находящиеся на этой территории. УИТУ УВД области в 1979 году запросило у руководства СПО «Нитрон» средства на перенос всех объектов учреждения, указав, естественно, их сметную стоимость. Трудно сказать, что смутило химиков — большая стоимость переноса или попросту непредвиденные заботы, но вопрос о переносе более не возник. Химики промолчали, не настаивали и начальники областного УВД — тоже, видно, лишнего хлопот не хотели.

А два года назад УВД как ни в чем не бывало распорядилось подготовить проект реконструкции учреждения для перехода на другой режим — и на той же территории.

Однако вернемся к нашему подразделению. Одновременно с проектом реконструкции учреждения в 1986 году началось проектирование новой казармы. Там же!

Зачем нужна была новая казарма?

Позвольте еще немного истории. Как ни внушительно по масштабам ИТУ, военного городка для размещения коллектива с учетом всех необходимых нужд изначально построено не было. Под казарму приспособили двухэтажный корпус областной больницы для осужденных. Офицеры подразделения расположились в приземистом блоке, где прежде находился ШИЗО. И если этот блок держался крепко, то бывший больничный корпус неудер-

ОСТРЫЙ СИГНАЛ

578
580

жимо ветшал. Не помогали ни регулярные косметические ремонты, ни даже укрепление стен и фундаментов рельсами и металлическими полосами по всему периметру.

В 1983 году положение осложнилось настолько, что по требованию части было проведено обследование специалистами. Выводы оказались, мягко говоря, неутешительными. В наружных и внутренних стенах появились вертикальные сквозные трещины на всю высоту. Разрушалась кирпичная кладка под опорами. Оседал фундамент, особенно сильно в местах, где проходила канализация, из-за чего трубы лопались. В подпол попадала влага, а это усиливало разрушение фундамента, вызывало проседание бетонных полов.

Однако и после этого, кроме очередного поверхностного ремонта, ничего предпринято не было. Зимовали солдаты там же, а поближе к весне вдруг заметили: стены накренились наружу, так и казалось, здание вот-вот рассыплется, как

● НОЧЬЮ БЕЗ ПРОТИВОГАЗОВ СОЛДАТЫ НА ПОСТ НЕ ХОДЯТ.

● ЗАПАХИ ГНИЮЩЕГО КАРТОФЕЛЯ ПРОПИТЫВАЮТ КАЗАРМУ.

● В САДУ НЕ ВЫЗРЕВАЮТ ЯБЛОКИ, НЕ НАБИРАЮТ ВЕСА ЖИВОТНЫЕ, СОДЕРЖАЩИЕСЯ В ПОДСОБНОМ ХОЗЯЙСТВЕ. И ПРОИСХОДИТ ТАКОЕ ПОТОМУ, ЧТО ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ РАСПОЛОЖЕНО ТАМ, ГДЕ ЕМУ НЕЛЬЗЯ РАСПОЛАГАТЬСЯ: В САНИТАРНО-ЗАЩИТНОЙ ЗОНЕ.

карточный домик. Пришлось срочно перебраться в палатки, где и жили до сентября, пока искали выход. После повторного обследования, тем же летом, капитальный ремонт признали нецелесообразным. Из-за состояния здания, а отнюдь не потому, что жить здесь, в пределах СЗЗ, недопустимо по санитарным нормам.

Какой же выход нашли? Спешно переоборудовали под казарму два этажа склада (чтобы успеть за лето). Думали, на год-полтора, но не зря говорят, что нет ничего более постоянного, чем временное. Солдаты живут в складе до сих пор, а в подвалах хранятся запасы овощей, главным образом картофеля, по весне тошнотворные запахи гниющего картофеля пронизывают казарму, и спастись от них негде.

Через год после переселения проектный институт начал проектирование новой казармы. На старой территории. О санитарно-защитной зоне в исходных данных для проекта даже не упоминалось — ну что там казарма, мелкий объект,

И только когда (еще через год) встал вопрос о реконструкции ИТУ, в СЭС вдруг вспомнили санитарные нормы, и тогда появилась процитированная выше справка, зафиксировавшая документально всю опасность ситуации.

Проектирование казармы приостановили.

Вскоре прибыла комиссия из ГУВВ, которая поддержала просьбу командования части о строительстве военного городка в селе поблизости от стрельбища, в пятнадцать километрах от учреждения.

Только через год начальник УВД облисполкома подписал наконец задание на разработку технико-экономического расчета (ТЭР) на строительство военного городка.

Прошел почти год, но объект еще и не внесен в план на производство ТЭР на 1989 год: из Госплана СССР не поступило разрешение на использование в качестве топлива в котельной природного газа. И если оно не поступит своевременно (в ближайшие дни), то автоматически ТЭР будет перенесен на 1990 год, само же строительство начнется лишь два-три года спустя.

А ведь только нормативная его продолжительность — двадцать месяцев. В каком же году можно ожидать переселения подразделения?

Чувствуете, как быстро мы перешли в будущее? Для проектантов счет идет по годам, а тем временем ежесекундно солдаты вдыхают смесь множества газов (перечень читайте выше).

Никто как будто не отдает себе отчета, насколько это опасно. Но давайте попробуем представить эту опасность по реальным фактам, которые можно наблюдать сейчас.

Листья на яблонях жухнут и увядают уже к середине лета, яблоки не вызревают — только завязавшись, они сморщиваются, усыхают и опадают. В пищу их, естественно, не употребляют.

Поросята в подсобном хозяйстве с рождения развиваются ненормально. Падеж среди них велик, план производства свинины трещит по швам. Но можно ли включать мясо этих свиней в план, не отражается ли на его качестве вредность выбросов? Эти отнюдь не простые вопросы пока остаются без ответов.

На территории городка расположен питомник для служебных собак. Но в последние годы потомства здесь собаки не дают. Причину этого специалисты опять-таки видят в выбросах. Принято решение о переносе питомника в другое место, за пределы СЗЗ.

А как влияет смесь газов на человека? Можно ли сказать, что подобное влияние исключено?

Вопросов много, но решение проблемы, как понимает читатель, не столько в ответах на них, сколько в принятии срочных мер. Ведь ситуация сложилась крайне серьезная, опасная для здоровья людей. Никто не вправе закрывать на это глаза.

С. ЯРОСЛАВЦЕВА.

«В ТУАЛТЕ ПРОИЗОШЛО СТРАШНОЕ. УДАРИВ НЕСКОЛЬКО РАЗ В ЖИВОТ, МУЧИТЕЛИ СТАЛИ ЛИХОРАДОЧНО СДИРАТЬ С АРТУРА БРЮКИ... СКОЛЬКО ПРОЛЕЖАЛ НА ЖЕЛЕЗНОМ ПОЛУ, НЕ ПОМНИТ. ПРИШЕЛ В СЕБЯ ОТ ДИКОЙ БОЛИ — КТО-ТО ПОДНЕС К ЕГО ТЕЛУ ГОРЯЩУЮ СПИЧКУ. «НУ ЧТО, ОЧУХАЛСЯ? — ПОИНТЕРЕСОВАЛИСЬ У НЕГО. — ТЫ ПОЛЕЖИ, ОТДОХНИ, А МИНУТ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ МЫ ВЕРНЕМСЯ И ВСЕ ПОВТОРИМ».

*«Случай в спецвагоне».
«Комсомольская правда».*

ЮНОША ПРИШЕЛ В СЕБЯ ТОЛЬКО НА УЛИЦЕ СТАНЦИИ БАБАЕВО, ПОСЛЕ ВЫХОДА ИЗ ВАГОНА...

...СЛЕДСТВИЕ ОЗНАЧАЛО ДЛЯ А. САКАЛАУСКАСА ПОДЛИННУЮ ПСИХИЧЕСКУЮ ПЫТКУ, А СЛЕДОВАТЕЛИ (СЛЕДОВАТЕЛЬ) ВИДЕЛИ ПОСЛЕДСТВИЯ СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Из литовских газет.

Это только мизерная частичка журналистского домысла, которым были искусно приправлены выступления средств массовой информации. За ними последовала адекватная реакция читателей и телезрителей. Трагическому и, прямо скажем, уникальному происшествию, случившемуся без малого два года назад в одной из воинских частей внутренних войск, был придан детективный и сенсационный налет. Забушевали страсти, не утихающие по сей день. Неполная и однобокая информация, сгущение красок породили лавину читательских писем, телефонных звонков. И они продолжают поступать.

Гласность, демократизация социальных процессов, открытость позволяет нам сегодня во весь голос говорить о ранее закрытых темах в печати и, в частности, о чрезвычайных происшествиях в Вооруженных Силах страны, к сожалению, еще случающихся. И это правильно. Армия — детище народа, и неблагополучие в ней тоже дело народа. Но думали мы так не всегда.

Вспоминается 60-й год. Мне, тогда молодому лейтенанту, довелось служить на Камчатке. Это было время так называемой оттепели, но и в ее благодатном дыхании нас тоже, кстати, не баловали правдивой информацией о чрезвычайных происшествиях вообще. В ту пору и произошел на моих глазах трагикомический инцидент,

Было так. Сейсмическая служба полуострова оповестила компетентные органы о надвигающейся стихии — цунами. Каковы последствия этого страшного всплеска природы, знают все. Так вот, в преддверии прогнозируемой беды два ответственных и облеченных властью человека — начальник местного небольшого воинского гарнизона и управляющий СМУ, на которого возложили эвакуацию местного населения, поступили следующим образом: управляющий с молодой женой накануне сбежал из поселка и неделю спустя обнаружился в Петропавловске-Камчатском, а воинский начальник, тоже накануне, выдал своему высокому руководству аж в Хабаровск шифрограмму такого содержания: «Жертв и разрушений нет. Морально-боевой дух у личного состава высокий».

По счастливой случайности цунами миновало затаившийся перед бедой прибрежный поселок. Люди впоследствии осудили нравственное уродство управляющего, его исключили из партии. Но никто не осуждал вопиющую безнравственность офицера, его постоянной настрой на очковтирательство, на лакировку положения дел. А ведь он, командир-единоначальник, даже в часы смертельной опасности для воинского коллектива без зазрения совести бил в литавры. Что и говорить, заковка сталинизма была крепкой.

Шло время, и матерела кондовость наших заскоружлых догм, стереотипов, приглаженного бытия. В годы застоя показуха, очковтирательство, парадность стали непременным атрибутом нашей жизни. Они оказались неистребимо живучими, ввелись в экономику, науку, культуру, в армию. Так ввелись, что ныне ее и уголовные преследования не берут.

Теперь другая погода на дворе. Как во всем обществе, идет перестройка и в Советских Вооруженных Силах, чьей составной частью являются внутренние войска. Но перестройка так же, как и в государстве, идет медленно, кричаще-противоречиво, не всегда последовательно и в русле новизны. Чувство нового, актуального и груз старых привычек по-прежнему в схватке, и далеко не всегда перестроечные реалии торжествуют победу. Не для всех негативных явлений, как говорят, перекрыт кислород.

И потому войскам надо помогать не только разносторонней правдивой информацией о их жизни, боевой службе и учебе, но и конструктивными публикациями, направленными на искоренение застарелых болезней — социальной апатии некоторой части молодежи, ее боязни верно и мужественно служить Отечеству. Недавно в Таллине мне сказали, что только в Пярнуском районе от действительной военной службы скрывается более 40 молодых людей и военкомат бессилен что-либо предпринять. Ни для кого в республике не секрет, что эстонские юноши считают непрестижной офицерскую профессию, за-

то на всякого рода митингах и собраниях теоретизируются проблемы создания национальных полков. Это к тому, чтобы то или иное чадо не только исполнило воинский долг при маменьке и папеньке, но и чуть ли не ночевало на родительской тахте. А сколько появляется высокопоставленных ходатаев «на предмет умыкания» от армии великовозрастных джинсово-кожаных бородатых сынков?!

А ведь на моей памяти время, когда девчата, узнав, что их кавалеры не отслужили в армии, старались найти новых поклонников из числа тех, кто прошел школу воинской дисциплины. Теперь же рыхлые и перекормленные инфантилы, не умеющие даже подтянуться на перекладине, глубококомысленно изрекают подброшенные им «истины»: «Армия губит интеллект, разрушает здоровую психику, тормозит духовный рост».

А вот еще пример «продукта» нового веяния. В одну из частей управления внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью призвали удачливого кооператора, и он, оценив обстановку, ничтоже сумняшеся, пришел к командиру с деловым предложением: «Я вам организую кооператив, а вы мне — свободу передвижения плюс положенные комиссионные»... Он был нахально-лоялен, этот юный коммерсант, только что надевший солдатские погоны, и вполне психически здоров.

Какое же гипертрофированное представление о характере и предназначении Советских Вооруженных Сил имеют такие и ему подобные «защитнички»? Это ведь тоже перекосы нашей гласности об армии.

К сожалению, об этих и множестве других кричащих проблем молодежная пресса умалчивает.

В то же время хорошо, что многие газеты, в том числе «Комсомольская правда», обратились к позорному явлению в войсках: неуставным взаимоотношениям, «дедовщине», «стариковщине», «годковщине», «казарменному хулиганству» — в названиях ныне недостатка нет. Вот только этическую сторону этого явления почему-то никак не может определить и признать Военная энциклопедия.

Да, материалов о межличностных отношениях солдат первого и второго годов службы публикуется немало. Но в них порой просматривается тенденция этаких суперконфликтов, смакуются жестокости, издевательства, глумления, группируются факты, подчас не проверенные, на потребу занимательности сюжета, а глубинная природа неуставных взаимоотношений остается за кадром. Не избежали этого «Комсомолка», радиостанция «Юность», ленинградское телевидение, средства массовой информации Литвы, другие газеты. В орбиту детективных сюжетов все по тому же случаю в спецвагоне втянулись литовские кинодокументалисты, а ленинградская киностудия снимает художественный фильм «Караул» по вольной интерпретации минувшей трагедии. В Литовской ССР

создан так называемый комитет по спасению бывшего солдата внутренних войск Сакалаускаса, зверски расстрелявшего «за компанию» с обидчиками группу безвинных сослуживцев и гражданского проводника. Чудом избежала расправы и его жена, по болезни покинувшая вагон на станции Выборг. «Комитет по спасению» собрал около 27 тысяч подписей, требующих оправдания и свободы убийце. Да, убийце. К тому же совершившему еще ряд опасных уголовных преступлений. Это однозначно доказано следствием. И о нем еще будет сказано.

Между тем дебаты усиливаются по схеме «Преступник или жертва?», происходит давление на органы следствия, деятельность военного трибунала Ленинградского военного округа.

Древнеримские юристы, сталкиваясь с каверзным и жестоким преступлением, задавались классическим вопросом: «Кому выгодно?» Кому выгодно постоянно фокусировать внимание общественности на «жертвенности и невиновности» Сакалаускаса, вызывать приступы негодования у матерей, что, дескать, скоро и им придется отправлять в армию своих сыновей. А в ней, мол, такие порядки, хуже, чем у уголовников.

Автор корреспонденции «Случай в спецвагоне» спецкор «Комсомольской правды» М. Мельник как бы мимоходом вносит в ткань своего повествования откровение преступника-рецидивиста: «Трижды судимый Евтухов (последний раз — за разбой) сказал на допросе следователю военной прокуратуры: «Когда я увидел, как солдаты караула издаются друг над другом, то просто оцепенел. Даже среди рецидивистов и уголовников отношения более теплые, доброжелательные, чем у этих солдат».

Ну и ну! Враз «оцепенел» рецидивист Евтухов, поборник нравственности в Вооруженных Силах! Недавно такой же «поборник», только уже освободившийся, позвонил по телефону начальнику управления внутренних войск по Северо-Западу и Прибалтике генерал-лейтенанту В. Савину и прошепелявил простуженным тенорком: «Слушай, мент, а здорово твоих в вагонзаке кокнули. Туда вам и дорога — поганам красного мяса...»

А вот от сентенций спецкора старший следователь прокуратуры Ленинградского гарнизона капитан юстиции И. Латышев действительно оцепенел. Ведь ничего подобного он не говорил Мельнику и ничего подобного ему, Латышеву, не отвечивал Евтухов на допросе. Довелось и мне в 13 томах уголовного дела Сакалаускаса изучать показания осужденных, которых охранял караул. Таких «признаний» не нашел ни у одного.

■ Из беседы с капитаном юстиции И. ЛАТЫШЕВЫМ: «Нельзя превращать гласность в художественное приукрашивание материалов следствия. Для него очевидно, что Сакалаускас совершил тяжкое и общественно опасное деяние, а следственный эксперимент доказал, что он морально подготовил себя к расстрелу сослуживцев. Можно говорить о смягчающих

вину обстоятельствах, происшедших на почве «дедовщины», но нет оправдывающих его обстоятельств. Несоизмеримо то, что сделали ему обидчики, и что — он.

В этой связи настрой публикаций т. Мельника и других авторов буквально странен. Они пытаются до суда изобразить Сакалаускаса как жертву, мученика и даже некоего борца против «дедовщины». Такое «хотение» корреспондентов беспочвенно. Беспочвенны и оправдательные инсинуации. Сакалаускас первоначально убивал не обидчиков, а тех, кто ему мог помешать. Представляете, он расстрелял шестерых невиновных! Допустим такое: вдруг бы они остались живыми, и тогда бы никто из них не мог быть привлечен к ответственности за неуставные отношения. Все это еще раз доказывает, что преступление совершалось обдуманно, методично».

■ Из беседы с полковником юстиции О. ХЛУПИНЫМ, первым заместителем военного прокурора округа: «Мы проанализировали отклики на выступление «Комсомольской правды», ленинградского телевидения, других газет. Их у нас уже несколько томов. Любопытная мысль отслаивается после прочтения писем, безусловно, искренних и обеспокоенных случившимся чрезвычайным происшествием: «Не пустим своих сыновей на службу в армию!» Из всего количества откликов почти 90 процентов написаны женщинами, значит, матерями... Надо ли доказывать, как вредны смещение акцентов, необъективная раскладка фактов, домыслы, стремление средств массовой информации заинтриговать читателя, вызвать нездоровый интерес.

Представим и впрямь на минуту, что наши матери будут прятать сыновей от всеобщей воинской обязанности (кстати, многие молодежные газеты употребляют термин — «воинская повинность», непонятно из чьих источников), которая по Конституции СССР является почетной обязанностью и священным долгом каждого советского гражданина. Так было всегда. И издревле в стране нашей одной из славных и приоритетных традиций считается воинское мужество, достойная служба в армии, героическая защита Родины от иноземных захватчиков. Кому же выполнять этот долг, как не мужчинам! Или мы и эту обязанность взвалим на плечи женщин, как взвалили многие другие...»

Да, армейский быт для молодого человека — большое испытание. Конструкции его строги. Это прежде всего жесткий распорядок, можно сказать, режим, в нем и лишение свободы передвижения, и постоянное беспрекословное подчинение, и аскетизм, и множество других тягот. Это оправдано опытом многих столетий и потому закономерно. Ныне это диктует задачи боеспособности, боевой готовности, высокая техническая оснащенность частей и подразделений, их мобильность.

Воинский быт — строгая мужская жизнь. Это проверка нравственных качеств молодого человека, его физического и духовного потенциала. Армейские взаимоотношения — тоже своего рода быт. И его

структура находится на скрещении множества связей, взглядов, дружб, неприязней, психологий и даже индивидуальных идеологий. Каждый военнослужащий, живущий в большом воинском коллективе, испытывает на себе ежедневно, ежечасно неотступные, магнитные токи этой структуры. Нужно постоянно делать выбор, на что-то решаться, что-то преодолевать, чем-то жертвовать. Устал человек в воинском быте? Что ж, это естественно. Отдохнет в другом временном отрезке. Такая доля выпадала и выпадает всему воинству. И будет она такой, пока существует функция вооруженной защиты страны, а для внутренних войск еще и другая: содействие органам внутренних дел в охране общественного порядка.

Всем, кто прошел суровую школу армии, эти истины известны. Известно и другое, что в воинском коллективе, где утвердилась здоровая моральная атмосфера, легче учиться, нести службу. Если служебные отношения строятся на принципиальной, строго уставной основе, это создает объективные условия для укрепления здоровых личных отношений, взаимного уважения, доверия. Но личные отношения зависят также и от индивидуальных, психологических особенностей людей. Даже в самом сплоченном коллективе проявляются антипатии. Даже в самом дружном подразделении некоторые военнослужащие, особенно на первом году службы, в силу особенностей характера находятся в своеобразной психологической изоляции.

Когда такую мысль полковник юстиции Хлупин пытался обосновать в беседе с корреспондентом ленинградского телевидения С. Милейко, одна из литовских газет сразу же вдогонку его одернула в корреспонденции «Мысли об Артурасе Сакалаускасе»: «Из того, что мы видели на телеэкране, выявилась главная тенденция следствия: искать причину трагедии прежде всего в характере Сакалаускаса, его склонностях, прежнем поведении... В армии «не сложились его отношения с окружающими», — так говорил с экрана офицер с красными погонами».

Оставим на совести автора и редактора неуважительно-подчеркнутое отношение к «красным погонам» и безапелляционное заявление о «главных тенденциях следствия». Но прежде чем бить в колокола, предупреждает пословица, надо заглянуть в святцы. Не зная глубинной сути преступления, не встретаясь ни с одним сослуживцем Артураса, не изучив ни одного листа уголовного дела и, наконец, начисто отринув то обстоятельство, что суд и только суд решает степень виновности и меру наказания, автор зловеще предупреждает читателя: «Над А. Сакалаускасом все еще висит черный призрак высшей меры наказания».

Кому выгоден подобный психоз? Разве он не дезориентирует общественное мнение?

Хотелось бы предположить, что уж журналист центральной и столь популярной газеты, как «Комсомольская правда», более скрупулезно, чем его коллеги из рес-

публиканской печати, отнесется к сбору материала, его вынашиванию, к встречам с людьми, к взвешенному анализу драмы и изучению проблемы в особенности. Но этого не произошло. Он даже не удосужился побывать в части, где служил Сакалаускас, не познакомился с материалами следствия, а несколько минутный разговор с председателем военного трибунала Ленинградского военного округа генерал-майором юстиции Ю. Вязигиным интерпретировал так, как ему было удобно для собственных акцентов.

■ Из беседы с генерал-майором юстиции Ю. ВЯЗИГИНЫМ: «Мне сдается, что в данном случае «Комсомольская правда» не позаботилась об истинности и объективности своего выступления.

Я не говорил и не мог сказать, подчеркиваю это особенно, что Сакалаускас виноват. Закон запрещает преждевременно высказываться о виновности подсудимого. Далее. В виде прямой речи приведены якобы мои слова по поводу оценки характера содеянного, личности подсудимого, наличия смягчающих обстоятельств. Фактически же наша предельно краткая беседа с М. Мельником никаких оценок не носила. В очерке «Случай в спецвагоне» он дал свою трактовку нашего, статьи официального, разговора, в которой ясно усматривается, что я предрешил виновность Сакалаускаса. А все было наоборот: я неоднократно подчеркивал, что суд будет тщательно разбирать во всех обстоятельствах дела, досконально исследует доказательства и вынесет справедливое решение.

И уж совсем непозволительным сочинительством в очерке выгладит фраза: «Трибунал вынес частное определение в адрес воинской части, в которой имели место «неуставные» отношения, слегка пожурив командиров и политработников».[!]

Как можно впасть в такие вольности! Военный трибунал никакого частного определения не выносил и никого не журил [слово-то какое подобрано — из детского лексикона], поскольку дело рассматривалось почти полгода после происшествия и Главным управлением внутренних войск МВД СССР были приняты суровые меры. Многие офицеры уволены в запас, исключены из партии, сняты с должности командир батальона, его заместитель по политчасти, командир бригады, начальник политотдела, серьезно наказаны руководители высокого ранга — генералы и те офицеры Главного управления, которые были ранее в командировке в этой части и не вскрыли имеющиеся случаи «стариковщины». Всего наказано более 40 офицеров и генералов.

Именно эта игривая фраза «слегка пожурив командиров и политработников» повлекла массовые читательские письма. Люди, введенные в заблуждение газетой, обрушили гнев на органы правосудия, упрекая их в потакании «преступникам» и оправдании недостойных офицеров, а также в бездеятельности и пассивности военного трибунала.

Допустим, что кое-какие переделки и неточности по недосмотру автора и его юридической некомпетентности в спешке, как говорят, вкравлись в материал. Допустим. Хотя Мельник обещал генералу Вязигину выслать для прочтения текст «в части, его касающейся», чтобы избежать искажений. Но зачем же писать о том, чего не было и в помине — о вынесении частного определения? Или зачем, скажем, придумывать сентенции за трижды судимого Евтухова, или изобретать «новые» показания рядового Солодкова?

Из-под пера спецкора «Комсомолки» они выглядят так: «Помню, как Артура били в казарме ногами, — рассказывал следователю рядовой Олег Солодков, — я хотел было вмешаться, но меня предупредили: вступишься — сам получишь». И дальше резюме корреспондента: «Почему чаще других били именно нашего героя, объяснить нетрудно. Артур довольно слабо развит физически [заметим и это. — Ю. Д.] и сдачи дать не мог».

■ Капитан юстиции И. ЛАТЫШЕВ: «Рядовой Солодков не давал показаний о том, что Сакалаускаса избивала ногами группа солдат. Он сообщил, что видел, как рядовой Маджунов ударил Артураса ногой по голени. Свидетельств о групповых избиениях подсудимого в материалах следствия нет. Прокуратура тщательно разбиралась в воинской части по следам происшествия. Однако для привлечения солдат и сержантов за неуставные взаимоотношения к уголовной ответственности оснований не было».

Групповое избиение ногами... Как же можно походя такое обронить? Пусть не обижается тов. Мельник, но подобные манипуляции с фактами напоминают известный трамвайный анекдот: когда некий мужчина под хмельком нечаянно наступил на ногу одной сумасбродной дамочки, при этом фамильярно извинившись: «Прости, моя рыбонька», — та стала размышлять по спирали собственной неотразимой логики. «Ага, — убеждала она себя, — рыба, значит, щука, щука, значит, с зубами, с зубами, значит, кусается, кусается, значит, собака, собака, значит...»

— Гражданин! — закричала дамочка на весь салон трамвая. — Он ведь меня сукой обозвал.

■ Рядовой О. СОЛОДКОВ: «Я всегда верил тому, что читал в газетах, но когда «Комсомолка» с ног на голову поставила мои показания, прессу читаю с предубеждением. А было в действительности так. В тот день мы с Артуром заступили в кухонный наряд. После обеда пошли отдохнуть в комнату чистки овощей. Потом пришел рядовой Маджунов [он призывался вместе с Сакалаускасом], лег на скамейку. Когда Артур рассказал какую-то веселую историю, связанную с девушкой, мы оба засмеялись. Маджунову показалось, что смеемся над ним, он плохо понимал по-русски. И за это ударил ногой Сакалаускаса. Ударил по ноге. С Маджуновым у них были стычки постоянно. Чуть позже

Артур говорил мне: «Когда-нибудь эта чурка выведет меня из терпения. Сделаю так, чтобы он меня ударил по-настоящему, а я его посажу». Не знаю, почему Артур не давал отпора, физически он был подготовлен хорошо. Парень спортивный».

■ Из материалов следствия: «А. Сакалаускас с детства увлекался спортом. Плавал, играл в футбол. С 6-го класса занимался пятиборьем: особенно любил конную езду, фехтование, стрельбу из пистолета. В техникуме его увлекла стрельба из малокалиберной винтовки».

Вот и вновь, зачем выдумывать корреспонденту небылицу о физической немощи Артураса? Видимо, для того, чтобы выглядела неуязвимой его собственная версия — похлестче оттенить беззащитность Сакалаускаса, выдать ему некую лицензию на вынужденную расправу с сослуживцами.

Далее М. Мельник делает такой вывод: «Наверное, у него была возможность защищаться иначе». Как? Здесь спецкор «Комсомолки» цитирует военного прокурора Ленинградского военного округа полковника юстиции О. Гаврилюка: «...обратиться в любую инстанцию... призвать на помощь комсомольскую организацию». И тут же журналист иронизирует над военным юристом: «Обратиться в инстанцию? Где? В спецагоне во время рейса?..»

В спорте это называется запрещенным приемом, а допустивших его «хулиганов» строго наказывают. Ведь прекрасно понимал М. Мельник, что имеет в виду военный прокурор, но ради оживляжа своего материала не упустил случая подтрунить. Дескать, знай наших, нам все — нипочем.

Дело еще и в том, что беседы самого М. Мельника с военным прокурором ЛенВО не было, он его не видел и с ним не встречался.

После публикации «Случай в спецагоне» О. Гаврилюк обратился к корреспонденту ленинградской молодежной газеты «Смена» — Т. Зазориной, ранее публиковавшей материалы по делу Сакалаускаса, в том числе по результатам бесед с ним, которыми, видимо, и воспользовался Мельник. Та, в свою очередь, выразила недоумение по поводу такой переделки в публикации «Комсомолки» и подтвердила, что во время интервью, которое брала она, военный прокурор перечислил значительное количество вариантов возможных действий военнослужащих в связи с физическим оскорблением, в том числе и о предусмотренном Законом праве защищать свою честь и достоинство в пределах необходимой обороны.

Однако товарищ Мельник, переделывая эту позицию, искусственно ограничил ее лишь указанием о возможности обращаться в инстанции.

А ведь Сакалаускас действительно ни к кому не обращался, никому не жаловался. За восемь месяцев службы такая возможность у него была. Несомненно.

■ Капитан юстиции И. ЛАТЫШЕВ: «Досадно, что «Случай в спецагоне» изобилует придумками и нереальными фактами».

Ну вот в дополнение уже указанных искажений: в купе Сакалаускаса не избивали, а корреспондент живописует эту картину; о том, что Артурас плакал на посту якобы после издевательства — таких показаний нет. Лишь двое из 170 свидетелей сообщили: «кажется, что часовой плакал». 10 часов он никогда на посту не стоял, как утверждает Мельник. Материалами дела доказано — не более 4—6. Нет доказательств и о том, что Артурас не спал две ночи. По прочтении очерка складывается впечатление, что в вагоне вообще никто не спал: все только и дожидались Сакалаускаса, чтобы наброситься на него. Это же чистейший вздор!

Или что стоит такое утверждение Мельника: «Он [Сакалаускас] не вынес процедуры дознания с многочисленными допросами и следственными экспериментами, пересказа в мелочах того, как над ним измывались. И однажды... во время очередного эксперимента перестал объективно воспринимать происходящее».

Во-первых, состоялся лишь один следственный эксперимент. Во-вторых, дознание не проводилось. В-третьих, допросы происходили в присутствии адвоката, он был сразу допущен к процессу следствия, и намеки на то, что следователи, дескать, измывали Сакалаускаса, применяли психологический прессинг, полностью несостоятельны. К тому же допрос записан на видео пленку.

Теперь обратим внимание на следующие даты: 10 мая 1987 года работа в прокуратуре по делу Сакалаускаса практически завершилась. Мы имели заключение судебно-медицинской экспертизы о том, что Сакалаускас совершил умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и сильного душевного волнения в момент преступления у него не было. Заключение подписали группа ученых Военно-медицинской академии и доктор медицинских наук профессор Ленинградского университета В. Петров.

В июне подсудимого направили в Москву в институт имени Сербского на стационарную комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу. 18 августа 1987 года в институте подписали следующий документ: «По своему психическому состоянию в настоящее время Сакалаускас А. А. может отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими». То есть подтверждена идентичность первоначальной экспертизы, проведенной после совершения им преступления. Затем Артурас содержался в Бутырке. Доставлен в Ленинград 20 сентября, а на следующий день впал в реактивное состояние. Таким образом, следствие не находилось в контакте с Сакалаускасом с 10 мая по 20 сентября. Спрашивается, зачем нужна корреспонденту явная фальсификация! Ведь это равносильно клевете. Об этом не может не знать журналист-профессионал.

И последнее. Эпизод расстрела караула в изложении Мельника не соответствует действительности.

Прежде чем перейти к этому эпизоду, страшному и изуверскому по сути, посмотрим на бывшего солдата Артураса Сакалаускаса глазами его товарищей, сослуживцев, офицеров и прапорщиков, которые по долгу службы общались с ним, сидели за одним обеденным столом, рядом спали, словом, делили тяготы нелегких ратных будней.

Солдат в подразделении, что патрон в обойме: весь на виду. Все о нем знают сослуживцы: добрый он или злой, открытый или замкнутый, смелый или трусоват. И потому отношения среди 18—19-летних парней чаще всего максималистские, без полутонов, без нюансов. Такова молодость, всегда завышающая себе цену. Она еще не знает и не представляет, сколь причудлива жизнь и сколько в ней неожиданного и необратимого.

Что же думали, что знали об Артурасе Сакалаускасе?

■ **Рядовой О. СОЛОДКОВ:** «Близиких друзей у Артура не было. Не нашел он общего языка и со своими земляками, с рядовым Рожанкасасом, например.

В нем постоянно жило чувство неприятия воинской среды. От разговоров о службе, нашей повседневности всегда уходил. У меня сложилось впечатление, что он своего рода интеллигент. Кто был по развитию ниже его — относился с презрением. Я не заметил, чтобы он делился со мной сокровенным, хотя я ему душу открывал. Правда, однажды полунамеками он говорил о своей девушке. Я понял, что отношения у них сложные, взрывные...

■ **Прапорщик А. БАГНЮК:** «Я встречал таких людей, возле которых не держатся друзья. Таким был Сакалаускас. Не хватало у него терпимости, уважительного отношения буквально ко всем. А солдаты на это особенно чутко реагируют. Одно время в роте стали пропадать деньги. Старший сержант Слесарев подозревал в краже Сакалаускаса. К службе относился, как к неизбежному злу. В суточном наряде работал всегда спустя рукава, делал минимум. За это его не уважали, проявляли неприязнь. Парней, призванных с Кавказа и Узбекистана, называл презрительно: «Чурки с глазами».

■ **Рядовой А. РОЖАНКАС:** «С нами, литовцами, Артурас близок не был. Новостями делился скупко. Обычно говорил, что служба идет нормально, вот только «старик» на посту меняют на 20—30 минут позже».

■ Из свидетельских показаний А. РОЖАНКАСА: «Накануне Нового [1987-го] года Сакалаускас как бы в шутку, но со злостью мне сказал: «Если бы не надо было отвечать, я бы всех перестрелял». Следов побоев и повреждений на его теле и лице никогда не видел».

■ Из заключения судебно-медицинской экспертизы: «Все обнаруженные телесные повреждения у Сакалаускаса А. А. как в совокупности, так и в отдельности отно-

сятся к легким телесным повреждениям, не повлекшим за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной утраты трудоспособности».

■ Капитан Б. МАЛЫШЕВ: «Дедовщина» в роте, где служил Сакалаускас, конечно же, процветала. Поздно, к сожалению, мы это установили. Через нее прошла вся молодежь призыва Артураса. Но вот какой штрих: ко всем молодым после 6 месяцев отношение изменилось, они как бы приобрели «права гражданства», а вот к нему по-прежнему относились с недоверием, с издевкой. Причем это демонстрировали не «старики», а солдаты его призыва. Постоянные конфликты, как потом выяснилось, были с азербайджанцем рядовым Маджуновым.

Артурас — парень с ленцой. Часто на него обижались в рейсе: картошку чистит — глазки оставляет, тряпку возьмет — трет на одном месте по полчаса. А ведь территория уборки в спецвагоне, можно сказать, смехотворная. Два купе и один квадратный метр на кухне. Осужденные убирают свою площадь, проводник свою — тамбур, туалет, свое купе, проход у титана. Вот в газете пишут, что Сакалаускас готовился к военной службе, специально брал в библиотеке книги об армии. Не знаю, как он готовился, какие книги читал об армии, но что он ее ненавидел, об этом знали все. У осужденных интересовался работой таможи в Выборге. Говорил он и о знакомом проводнике в поезде «Ленинград — Хельсинки». На меня Сакалаускас произвел впечатление человека с размытыми принципами, скрытного и недоброго...»

Может ли человек внезапно обрести доброту? Случайно стать милосердным, великодушным или случайно жестоким? Герой не каждый день совершает подвиги. Был героический миг — и человек на всю жизнь герой. Подлец тоже не каждый день творит подлости, и злодей не злодействует по расписанию. На это существуют определенные обстоятельства. Иони, думается, как спутники характера, спутники логики личности. Выбор в пользу добра или зла делается не впопыхах. На обдумывание давались годы, вся предыдущая жизнь. Секунда — и почти автоматически срабатывает механизм убеждения, человек привычно подчиняется внутренним принципам.

...Поезд «Ленинград — Свердловск», в составе которого был спецвагон № 760040, возвращался к месту приписки. Караул, возглавляемый прапорщиком П. Котовским, по охране осужденных службу уже не нес. На календаре было 23 февраля. Праздник. День Советской Армии и Военно-Морского Флота. После выпуска боевого листа начальник караула ушел в свое купе отдохнуть. Спустился полчаса к нему зашел Сакалаускас и, убедившись, что тот спит, похитил из железного ящика два пистолета со снаряженными магазинами. Их он спрятал в кухне. Встав у окна, ждал, когда все солдаты, сержанты и проводник Демичев соберутся в купе личного состава. Наконец это произошло. Достав пи-

столеты, зашел в туалет, снял их с предохранителя, передернул затворы. Затем Сакалаускас подкрался к купе начальника караула. Подойдя к полке, остановился. Спит. Едва уловимо подрагивали губы, веки. Котовский глубоко вздохнул. «Вдруг проснется», — пронеслась мысль, и Сакалаускас сразу же выстрелил ему в голову. В два прыжка он оказался у купе личного состава и стал стрелять, стрелять...

■ Из показаний свидетеля С. ГОРОДЕЦКОГО: «В следственном изоляторе нашим соседом по камере был Сакалаускас. О расстреле караула нам с Коротковым рассказывал во всех подробностях. «Я израсходовал на них 46 патронов, — говорил он, — стрелял из двух пистолетов в упор. У всех были испуганные лица, они метались по купе и по стенкам и не знали куда деться. Я заходил в купе и добивал их, лежащих на полу». Мы осуждали его за безвинные жертвы, а ему хоть бы что: отработывал в камере приемы каратэ и распевал романс «Гори, гори, моя звезда».

...Вдруг боковым зрением Сакалаускас увидел, что раненый прапорщик Котовский, качаясь, вышел из купе и направился в кухню, там лежал топор. Артурас несколько раз выстрелил ему в спину. Патроны кончились. Вбежав в купе начальника караула, снарядил пистолеты. Проводник Демичев, раненный, успел за эти секунды закрыть дверь ногой. Сакалаускас в ярости стал стрелять по замку двери, а потом перевел огонь в направлении багажных полок, где лежали Слесарев и Никифоров. Открыв купе, вновь стрелял по сослуживцам, пока не убедился, что все мертвы.

■ Из заключения судебно-медицинской экспертизы: «На теле прапорщика Котовского обнаружено 7 огнестрельных ранений... У рядового Гирского имелись огнестрельные пулевые раны груди, спины с краевым переломом правой ключицы, легких, пищевода, аорты, гемоторакс, слепое ранение тыльной поверхности левой стороны стопы. Смерть наступила от огнестрельного ранения груди с повреждением легких. ...У рядового Маджунова обнаружено 6 пулевых ран. У старшего сержанта Слесарева — 6 огнестрельных ран».

■ Из вопросов следствия к обвиняемому:

— За что вы убили повара рядового Мусурманкулова!

— За то, что заставлял меня растапливать печь и колоть дрова.

...Обшарив карманы убитых сослуживцев и проводника, забрав у них деньги, Сакалаускас забросал их трупы матрацами. Свое обмундирование сжег в топке вагона. В купе начальника караула пересчитал деньги прапорщика Котовского (перед рейсом тот получил денежное содержание), надел его обмундирование. В купе проводника похитил наручные часы. В кухне сложил в «дипломат» Котовского

консервы, сахар и пять пистолетов с полным боезапасом.

На станции Бабаево он покинул вагон и спокойно зашагал по поселку.

В эти минуты к спецвагону подошла жительница Бабаево — мать проводника Демичева. Она всегда встречала сына. И он всегда радостно махал ей флажком. На этот раз дверь не открылась. На старую женщину смотрела зияющая и черная дыра разбитого окна...

— Я приехал к вам в командировку, в гостинице останавливаться надоело, хочется домашнего тепла, может, приютите на несколько дней? — попросил Сакалаускас 77-летнюю Анастасию Степановну Никифорову.

Ну как не приютить военного, служба у них не мед...

Вечером, воспользовавшись отсутствием гостеприимной хозяйки, «любитель домашнего уюта» украл мужскую шубу, джинсы, куртку, шерстяной жилет, вязаную шапочку и портфель. Сложил в него все оружие с боеприпасами и отбыл автобусом в Ленинград.

Ночью в автобусе Артурас проснулся от качки. Посмотрел в заштрихованное снегом окно. Ему померещилось, что он снова в спецвагоне, что где-то рядом его сослуживцы в чистой отглаженной форме, что все они насморчно сопят, как дети. Сакалаускас покрылся холодным потом. Впереди уже мелькали огни Ленинграда.

Когда фотоснимок преступника показали по телевидению, от ленинградцев в органы внутренних дел поступил 1141 телефонный звонок. «Мы были поражены активностью и гражданственностью наших жителей», — скажет потом начальник управления ГУВД В. Фролов.

Через полтора года Мельник напишет: «Вопреки ожиданиям никакого сопротивления при задержании Сакалаускас не оказал». И вновь уж в который раз уйдет от правды корреспондент. Ибо сопротивление было исключено. Майор милиции Р. Чижовкин и лейтенант милиции К. Николаев в 10 часов 57 минут в числе других групп захвата получили ориентировку, что убийца следует в автобусе № 47. Николаев увидел Сакалаускаса на задней площадке. Тот, почти не спавший ночь и разморенный теплом, отрешенно смотрел в заиндевшее окно и ничего не замечал. Через несколько секунд на руках Сакалаускаса щелкнули наручники. Но никто из пассажиров, в том числе и сотрудники милиции, не знал, что в карманах шубы у него лежали два пистолета, поставленные на боевой взвод.

— Товарищи, прошу всех покинуть автобус, — буднично, без всякого волнения объявил майор Чижовкин.

В части в это время стояли семь гробов, восьмой — в квартире Демичевых...

Мой ленинградский товарищ, ветеран журналистики, о всей этой истории с горестью говорил:

— Ум он ведь тоже, как и чувства, разные извилины имеет. Есть извилины на добро нацеленные, на человечность, а есть и недобрые. А ну как недобрые извилины ума, чувствами не сдерживаемые, верх возьмут. Ведь они, злые, и до та-

кого, например, вопроса дойти могут, который герой Достоевского себе задавал: «Если я смертен, значит, мне все дозволено». Восторжествуй подобный злой ум над чувствами — ведь это страшнее всякого фашизма будет. Так что же и кого мы защищаем? Кого причисляем к жертвам? Тут журналист должен быть на высоте. Для него мало обозначить случившееся и бойким пером запечатлеть «картинки». Исследовать явление, помочь читателю сориентироваться в нем не только с помощью эмоций, но и с трезвостью рассудка — это главное.

В Главной военной прокуратуре, где работают самые квалифицированные военные юристы, мне сказали: «На жестокость еще большей, беспредельной жестокостью отвечать нельзя. Не наш закон, не наша мораль. И в первую очередь это касается людей военных. Было бы по-иному, не стоял бы в берлинском Трептов-парке советский солдат со спасенной немецкой девочкой на руках».

Понятно, что каждому газетчику хочется как-то поударнее закончить свой материал, чтобы читатель, что называется, рот раскрыл от «находки». И тут иногда у некоторых пишущих начинаются расклады с добросовестностью, профессиональной этикой. Ввернуть этукую «завлекучечку» — становится чуть ли не манией. Не удержался от соблазна и М. Мельник. Сделав Сакалаускаса «жертвой армии и следствия», он патетически восклицает: «Артур сейчас находится в психиатрической больнице. Скоро (выделено мной.— Ю. Д.) его брат Эдвард наденет военную форму».

Улавливается параллель? Впечатляет, не правда ли?

Но все дело-то в том, что Эдвардасу исполнилось только... 13 лет.

Имела ли право на появление статья «Случай в спецвагоне»? Конечно! Ведь свершившийся факт остается фактом: трагедия произошла. И она требует объективного, взвешенного анализа, изучения причин, чтобы подобное впредь не повторилось. Но совсем неверный путь — проводить психологические эксперименты над читателями, будоражить общественное мнение нагнетанием обстановки, искажением действительности. А именно это стало катализатором гневно-раздражительных писем, в которых эмоции, к сожалению, берут верх. Как легко порой относимся мы к трепанации фактов, забывая старую философскую притчу о том, что маленькой лжи не бывает, как не бывает и маленького убийства.

Полковник Ю. ДУРНЕВ,
наш спецкор.

Вильнюс—Ленинград—Москва.

Планово — ЗНАЧИТ конкретно

РАБОТА ОФИЦЕРА УПРАВЛЕНИЯ ЧАСТИ В КОМАНДИРОВКЕ... Как и любая другая, она начинается у нас с обстоятельного плана, учитывающего обстановку в подразделениях, специфику выполняемых ими задач, требования руководящих документов по организации служебно-боевой деятельности. Но хороший план сам по себе не гарантирует успеха в работе. Перед каждой командировкой мы организуем инструктивные занятия, практикуем также обмен опытом. Таким знающим, компетентным офицерам, как подполковник В. Белоусов, майоры С. Кузьменко, В. Сафронов, В. Анчин, есть что рассказать сослуживцам, посоветовать, как лучше поступить в той или иной ситуации. Каждый человек — это свой стиль, которому можно поучиться всем. По наиболее сложным вопросам заданий офицерам штаба разрабатываем методические пособия, краткие тезисы докладов и лекций, с которыми они выступают в подразделениях.

Мы убедились, что качество работы офицера в немалой степени зависит именно от плана-задания. Он ему дается перед выездом в роту. Раньше приходилось слышать сетования офицеров на чересчур общий, поверхностный характер планов-заданий. Дескать, не сразу и поймешь, на что нацеливает иной крупномасштабный, обтекаемо сформулированный пункт типа «усилить внимание...» или «активизировать борьбу». Полностью разделяю мнение автора статьи «Не отчетности ради», опубликованной в одном из номеров журнала, что общий пункт в плане-задании как бы программирует неконкретную работу, толкает офицера на формализм.

Штаб части коренным образом пересмотрел свое отношение к составлению организующих документов. Задания ныне составляются четкие, с указанием реально

выполнимых мероприятий на каждый день, будь то изучение дисциплинарной практики сержантов, проверка состояния оружия и техники или анализ деятельности совета прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы. При этом командир или его заместитель обязательно разъяснят офицеру, для чего нужен этот анализ, какой вопрос он поможет выяснить. В конкретности — успех.

Практика убеждает, что разъяснение задач командировки очень важно. Оно позволяет каждому офицеру штаба четко представить себе замысел командира, понять свою роль, почувствовать, что главное — вовсе не фиксация и исправление отдельных недостатков в служебной деятельности подразделений, а выработка рекомендаций, способных определить стиль руководства ими.

Взять майора С. Кузьменко. В одной из последних командировок, прибыв в роту, он, как всегда, уточнил обстановку. Совместно с командиром подразделения, исходя из интересов дела и ориентируясь в основном на план-задание, ознакомил его с кругом вопросов, которые необходимо было решить. И в первую очередь проверил боевую готовность роты, умение личного состава действовать четко и слаженно при осложнении обстановки. Такое начало не случайно. Именно в боевой готовности проявляются многие, если не все, достоинства и недостатки деятельности офицеров подразделений. По ним можно судить и об эффективности штабных решений, стиля работы самих проверяющих и оказывающих помощь командиру роты.

Вот и на этот раз сразу выяснилось, что план действий подразделения по боевому расчету нуждается в корректировке. Тут же, не откладывая в долгий ящик дело, уточнения были внесены.

Высокая профессиональная подготовленность и компетентность сделали полезным участие майора С. Кузьменко в подготовке к службе начальников караулов и войсковых нарядов контролеров. Вместе с начальником ИТУ и командиром роты он обследовал состояние инженерно-технических средств охраны, подземных коммуникаций и тараноопасных направлений на объекте. Собрал младших специалистов ИТСО и проинструктировал их по технике безопасности в период регламентов. Офицер нашел время провести контрольно-проверочные занятия с начальниками караулов и их помощниками по знанию ими Устава внутренних войск.

Видимо, нет необходимости подробно перечислять, что еще сделал Кузьменко, будучи в командировке. Важно, что все мероприятия были из ряда насущных, актуальных для подразделения, и поэтому польза от их проведения ощутима. Завершая работу, майор С. Кузьменко провел служебное совещание, на котором высказал немало ценных советов по улучше-

585

нию жизнедеятельности роты. Его наблюдения и выводы, обсужденные по возвращении в штаб части, позволили скорректировать задания убывающим в командировки, исключить возможность повторения ошибок. И, что самое главное, критически посмотреть на деятельность штаба в целом.

Столь же творчески и напряженно трудятся в подразделениях и многие другие офицеры управления части. Нешаблонно, с пониманием того, что с единой меркой ко всем не подойдешь: обстановка на объектах, условия службы, характеры людей — все разное, следовательно, и подходы неодинаковы.

Многие, но, к сожалению, не все. Капитан В. Носов, старший лейтенант Е. Гранчаковский, случается, скатываются на позиции бесстрастных регистраторов негативных явлений. Ошибочно считают, что их забота — недостатки обнаружить и доложить о них по команде, ну, а помощь в устранении, как и предложения по совершенствованию стиля работы в командировках, пусть исходят от других. Естественно, подобная позиция не красит этих офицеров и не прибавляет авторитета штабу.

Представитель управления части — не посредник, не наблюдатель, обязанный в случае чего бить во все колокола, поднимая людей, оставаясь при этом в «резерве». Это прежде всего помощник, советчик, опытный, болеющий за дело, придерживающийся золотого правила: выявил недостаток — устрани, сделай все от тебя зависящее тут же, на месте. Ведь об одном печемся — об улучшении качества несения боевой службы и надежности охраны объектов. Выходит, и работать должны плечом к плечу, не ограничиваясь констатацией фактов.

Потому-то качество работы офицеров в командировках — на контроле штаба. Периодически анализируем, насколько эффективно потрудились они в подразделениях. Критерий здесь один: реальные, позитивные сдвиги в положении дел в ротах. Организацию контроля во многом облегчает практика отчетов о проделанном в командировке.

Ратую за плановость, не могу не отметить, что случаются и у нас «пожарные» выезды. Связаны они с резким изменением обстановки в подразделениях, когда присутствие офицера штаба диктуется служебной необходимостью. Согласен, что выезды в таких случаях нужны. Но вижу и то, что они, поправляя что-то в одном месте, серьезно нарушают плановость работы штаба. Рассуждения, что не бывает правил без исключений, на мой взгляд, не помогают. Получается, что одно мы спешно поправили, а другое запустили. Считаю, что в этом — прямая наша вина, неумение пока трудиться так, чтобы исключить всякие «пожарные» случаи. Чем меньше внезапностей возникает в подразделениях, тем лучше работает штаб, и наоборот. Других критериев для оценки его деятельности, наверное, трудно подыскать.

Подполковник Л. НИКИТЕНКО.

УВВ по Средней Азии и Казахстану.

ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

НЕ ПРИЛОЖЕНИЕ, А ВАЖНЫЙ ФАКТОР

■ **РАЗВИТИЕ ИТСО: ШАГ ВПЕРЕД
— ДВА НАЗАД**

■ **ВМЕСТО ТЕХНИЧЕСКОЙ
ОСНОВЫ — ЛОЗУНГИ И ОТЧЕТЫ**

■ **СРЕДСТВА ОХРАНЫ
НУЖДАЮТСЯ В ОХРАНЕ**

ЗАСТОЙНЫЕ времена, которые подвергаются столь острой критике, наложили определенный негативный отпечаток на жизнь наших войск, в том числе на организацию служебно-боевой деятельности. Принцип, как известно, был один: любой ценой обеспечить общую благополучную картину. Именно любой ценой. Вот и получилось, что в вопросах эффективного применения инженерно-технических средств, например, мы не только не продвинулись вперед, но даже оказались отброшенными далеко назад. **Боевая служба опять строилась, да и продолжает строиться не на технической основе, как должно быть, а на затратах людских сил и лозунгах.** Между тем время требует, и настоятельно, повернуться лицом к технике, в корне пересмотреть теперешний способ охраны объектов, выйти на передовые технические рубежи, исключающие возможность преодоления осужденным основным ограждением.

Опыт в подобном деле в войсках имеется. Достаточно вспомнить историю ИТСО. На первом этапе они внедрялись для усиления надежности охраны объектов и технического обеспечения несения службы, внедрялись активно, настойчиво, поскольку на них возлагались большие надежды. Естественно, это

привело к определенной реконструкции охранных сооружений объектов. Как следствие, оживилась, улучшилась служебно-боевая деятельность подразделений, появилась возможность применить более прогрессивный способ охраны.

Известно, что прогрессивным способом признается тот, который позволяет при обеспечении надежности охраны сократить расход личного состава, качественно видоизменить его применение на боевой службе. И способ такой был найден — оперативное дежурство.

Он, безусловно, способствовал развитию новых ИТСО, повышению боевой и технической подготовки личного состава. Однако далеко не везде были созданы соответствующие условия для применения способа оперативного дежурства. Его распространяли повсеместно и директивно, без учета особенностей тех или иных объектов, конкретной обстановки. Погоня за желанными показателями, стремление как можно быстрее — потом доделаем — отпарировать о достигнутом, приводили к тому, что технические средства вводились без достаточного апробирования, зачастую дорабатывались на месте, а порой — время подгоняло — и вовсе снимались с эксплуатации, чтобы они вместе со своими «недоделками» не портили общую картину, не компрометировали командиров в глазах высоких комиссий. ИТСО строились поспешно, некачественно, нередко из того, что было под руками или удавалось достать в минимальные сроки. Стоит ли говорить, что технические условия их оборудования и эксплуатации не соблюдались. **Цифры были нужны, вал, а не условия.** Более того, вся реконструкция сводилась подчас к тому, что на старой инженерной базе варварски «конструировали» новые технические средства. С помощью молотка и ножовки. Целый комплекс мероприятий был подменен авральным косметическим ремонтом.

Понятно (и не только теперь, было понятно и тогда), что на ветхих, покосившихся заборах со слабыми противопобеговыми и противотаранными заграждениями эффект от техники невелик. Постепенно снижалось качество работы рубежа обнаружения, ведь для поддержания его в боевом состоянии требовалось постоянное применение людских сил и денежных средств. Где их взять? Негде.

Показатели в служебно-боевой деятельности ухудшались. Решили: способ оперативного дежурства себя не оправдал, да и как он мог оправдать себя при таком подходе? Введение нового, так называемого активного способа охраны было истолковано повсеместно как резкое увеличение численности часовых на наблюдательных вышках.

Парадокс: ИТСО стали досадной помехой новому способу, потому что средств, отпущенных (или неотпущенных?) на строительство довольно основательных, внушительных наблюдательных вышек, хронически не хватало. Строили их с

размахом, не жалея материалов. Утопающий хватается за соломинку: латали **финансовые прорехи, всемерно экономия на ремонте ИТСО.** Вышки росли, как грибы, инженерные средства ветшали на глазах. Ветшали вместе с передовыми техническими средствами, установленными на них. Вскоре поняли, что расчет на достижение надежности охраны путем выставления часовых не оправдался: если рубеж обнаружения не выдавал сигнала, часовые бега не обнаруживали. Больше потеряли, чем при обрели.

Ныне вновь заработал в полную силу затратный механизм в охране. Требуют: изыскивайте возможности, приводите в порядок технику. **Однако сейчас решать вопросы о выделении денежных и материальных средств для дооборудования и ремонта ИТСО объектов становится все труднее и труднее.** Руководители учреждений, переходящих на хозрасчет, берегут каждую копейку. Их можно понять. А вот они не понимают, зачем при имеющейся плотности часовых нужно наращивать плотность ИТСО? Наученные горьким опытом, ждут: вдруг опять ветер переменится? Да и командиры подразделений особых усилий к ремонту и строительству инженерно-технических средств не прилагают, раскачиваются крайне медленно. Дескать, объект охраняется часовыми с наблюдательных вышек, и необходимости в улучшении его оснащения ИТСО нет.

Последствия этого сказываются. Но даже из них не извлекаются необходимые уроки. Вместо того, чтобы повернуться лицом к технике, командиры «раздувают» по времени инструктивные занятия с караулами, увеличивают на свой страх и риск их численность, ужесточают контроль. Повсюду процветает практика службы «ответственных», офицеры днюют и ночуют в ротах, подменяя всех и вся. Кроме техники: ее подменить нечем и нечем.

Не пора ли задуматься над тем, что мы со всеми своими способами охраны не вписываемся в русло технического прогресса, а прозябаем все в том же застойном периоде и не используем возможностей технического совершенствования боевой службы. Возможностей очевидных, позволяющих добиться высоких результатов даже при нынешнем сокращении штатов личного состава.

Уверен, с учетом прошлых ошибок за инженерно-техническую основу всей надежности следует брать линию охраны. И отойти, наконец, от обманчивой, бутафорной дешевизны применяемых типов заборов. Исходя из этого, пересмотреть тактику применения ИТСО, ведь она — не приложение к объекту, а важный технический фактор его охраны.

Полковник В. ШИРОЛАПОВ.
Приволжское УВВ.

Несколько секунд назад поступил сигнал: на охраняемый объект пытаются проникнуть неизвестные. «В ружье!» — и вот уже резервная группа во главе с начальником караула старшим сержантом М. Газгириевым прибыла к месту происшествия. И прибыла вовремя. Нарушители тут же поспешили скрыться: встреча с военнослужащими не входила

в их планы. Явно просчитались они, не приняв во внимание обученность и мобильность резервной группы.

Именно так и никак иначе понимают старший сержант М. Газгириев (кстати, у него за плечами более двухсот отличных караулов) и его подчиненные: главное требование — быть бдительным: быстрота реакции, умноженная на мастерство.

ПРИКРЫЛ СОБОЙ ЛЮДЕЙ

В ПОМЕЩЕНИЕ ОТДЕЛА ПО УЧЕТУ И РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ ДЗЕРЖИНСКОГО РАЙСПОЛКОМА ГОРОДА ВОЛГОГРАДА ВОШЕЛ НЕИЗВЕСТНЫЙ ГРАЖДАНИН. УГРОЖАЯ ВЗОРВАТЬ ЗДАНИЕ, ОН ПОТРЕБОВАЛ ДЕНЬГИ...

«П ЛАН спортивных мероприятий с личным составом на субботу и воскресенье составил. Материальную базу для соревнований подготовил, — еще раз уточнил для себя лейтенант Равиль Аюпов. — Теперь можно и домой со спокойной душой...».

За день Равиль очень соскучился по маленькому сынишке и по Светлане.

«Как они там? — ускоряя шаг, подумал Равиль. — У Сашки вот-вот должен появиться первый зубик, беспокойным стал, донимает криком маму, ничего не дает делать по дому. Устала, поди, Светлана с ним, надо будет помочь ей по хозяйству».

И о другом подумалось: предстояло зайти в райисполком. После окончания Военного института физической культуры молодой офицер с женой и сыном жили в общежитии. И вот теперь появилась возможность получить благоустроенную квартиру. Хотелось поскорее заполучить долгожданный ордер. То-то радости будет дома!

Вот, наконец, и знакомая дверь, в которую Равиль входил уже не раз. В коридоре сидели в ожидании приема посетители. Среди них — беременная женщина, молодая мать с ребенком, несколько пожилых людей.

Н ЕЗАДОЛГО до прихода лейтенанта Аюпова в здание райисполкома вошел мужчина. Он выглядел довольно солидно: опрятно одет, в темных очках и с черной кожаной сумкой в руке. Быстро прошел мимо сидящих и скрылся

за дверь начальника отдела. Что происходило в кабинете и что произойдет потом в коридоре, ожидающие в очереди никак не могли предположить...

Вошедший не поздоровался, не представился, очки не снял. Молча положил перед начальником отдела В. Андреевым листок бумаги и уселся на стул, положив на колени сумку. Левую руку он держал в кармане, из которого тянулись к сумке еле заметные проводки...

Удивленный работник райисполкома, ничего не понимая, смотрел то на странного посетителя, то на записку, которую тот протянул ему.

Андреев, недоумевая, взял записку и прочитал: «Соблюдайте спокойствие, ничего не спрашивайте. Вы сейчас оставите все свои дела и выйдете из кабинета первым, вслед за вами выйду я. Категорически запрещаю с кем-либо вступать в контакт. Беспрекословно выполняйте мои требования. Идите туда, куда скажу. Когда прочтете записку, верните ее мне. В противном случае я взорву ваше учреждение без всяких колебаний, у меня в сумке находится взрывное устройство».

— Гражданин, что вам, собственно, нужно? — спросил в растерянности Андреев.

— Мне нужны деньги, — стал заметно нервничать посетитель.

— Так у меня нет денег, не в кассу ведь вы пришли.

— Зато я знаю, где они есть, пойдем быстрее, а то от этого помещения ничего не останется, — стал угрожать вымогатель.

Андреев встал.

— Ну, что ж, пойдемте, только что из этого получается, я не знаю. Какие еще

МУЖЕСТВО, БДИТЕЛЬНОСТЬ, БЛАГОРОДСТВО

деньги, как это так — взорву, вы что, с ума сошли?

Они подошли к двери кабинета вдвоем, оба были взвинчены.

— Ну, кому же первому выходить? — спросил Андреев.

— Тебе, конечно. Я выйду за тобой, только не вздумай орать и вообще постарайся вести себя со мной, как с приятелем, а то будет хуже, — по-прежнему угрожал незнакомец.

Андреев вышел в коридор и сразу заметил идущего навстречу лейтенанта Аюпова. Они были уже знакомы — беседовали по поводу квартирного вопроса. «Вот кто сможет мне помочь задержать вымогателя. Только как ему сказать об этом?» — размышлял разволновавшийся начальник отдела.

— Погодите немножко, я закрою на ключ кабинет, — обратился он к злоумышленнику и слегка подтолкнул его. Когда последний отвлекся, Андреев успел шепнуть Равилю: «Это шантажист, у него в сумке бомба...».

ЕГО ПО-НАСТОЯЩЕМУ любят у нас. Мастер спорта по прыжкам в воду, лейтенант Аюпов отдал немало сил, терпения и личного времени, чтобы наладить дело физической подготовки личного состава. Сумел решить с администрацией спортивного комплекса вопрос о разрешении военнослужащим посещать бассейн. Теперь регулярно солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры проводят на воде различные соревнования, состязаясь в мастерстве плавания.

Как-то, когда лейтенант обратился к начальнику медицинской службы Э. Шатохиной с просьбой выделить медработника для обеспечения очередного воскресного кросса, Элеонора Даниловна призналась: — Знаешь, Равиль, честно тебе скажу, большую работу ты делаешь, чувствуется она. Все меньше к нам в санчасть солдаты стали приходиться с жалобами на здоровье...

ЛЕЙТЕНАНТ Аюпов мгновенно оценил обстановку: шантажист, почувствовал неладное, готов был на все... Тотчас пришло решение: на случай взрыва надо прикрыть собой людей.

Бессмысленный взгляд, неконтролируемые движения и действия — таким он запомнил того мужчину с сумкой. Медлить нельзя было ни секунды. И лейтенант Аюпов сделал шаг вперед, шагнул навстречу смертельной опасности. Вот он уже обхватил руками извивающееся тело...

Столб пламени, вырвавшийся из смертоносного чрева сумки, обжег глаза. Десятки жал вонзившихся в тело Аюпова осколков мгновенно напители его огненным жаром. До Равиля донесся панический крик женщин и испуганный плач ребенка. Ничего не видя перед собой, превозмогая боль во всем теле, офицер с трудом вымолвил лишь несколько слов: «Пострадал ли еще кто-нибудь?».

О себе он в этот момент думал меньше всего.

В результате взрыва в здании райисполкома преступник погиб на месте. Несколько человек получили незначительные телесные повреждения и уже выписались из больницы.

Как сообщили в управлении уголовного розыска УВД облисполкома, виновником взрыва и одновременно его жертвой оказался 35-летний нигде не прописанный В. Кондаков, работавший в свое время взрывником на стройке. Следственными органами проводится расследование преступления.

МАШИНА скорой помощи, останавливая движение транспорта на улицах города своей тревожной сиреной и сигнальными огнями, спешила в военный госпиталь. Там операционная бригада, возглавляемая подполковником медицинской службы В. Кузнецовым, уже была готова вступить в схватку за жизнь отважного лейтенанта. Два часа длилась операция. И здесь, в госпитале, Равиль проявил максимум мужества и стойкости. Медики не услышали ни единого стоана, ни единого крика.

Квалифицированный специалист В. Кузнецов сделал все возможное, чтобы спасти жизнь Равилю. И это ему удалось.

А ДОМА Светлана ждала мужа, улыбающийся во сне Саша — папу со службы.

Зазвонил звонок. Светлана открыла дверь. На пороге стояла женщина в военной форме.

— Здравствуйте, вы — Светлана Борисовна?

— Да, я, а что случилось? С Равилем что-нибудь? Что с ним? Он жив?

— Понимаете, Светлана, Равиль совершил мужественный поступок, он задержал опасного преступника...

— Он жив? — не дала договорить Светлана.

— Жив Равиль, жив, не волнуйтесь. Раен, в госпитале он сейчас...

Немного позже Светлана скажет: «Другого поступка от Равиля я и не могла ожидать. Он по-другому просто не мог. Потому как человек он такой — никогда не пройдет мимо зла, никогда не пройдет мимо чужой беды...».

В настоящее время Равиль Аюпов находится в госпитале. Жизнь его вне опасности, однако многочисленные ранения требуют длительного лечения.

Выздоровляйте побыстрее, товарищ лейтенант. Мы ждем вашего возвращения в строй!

Прапорщик А. ПЕРЕРВА.

„ВЫКРУЧИВАЙТЕСЬ САМИ...“

До подъема оставалось несколько минут. Сквозь окна казармы выднелось восходящее солнце, осветившее верхушки деревьев. А в Москве многие еще не ложились спать, там полночь. Такое расстояние до отдельного подразделения, командует которым капитан Леонид Павлович Селин. В должности он пять лет. За это время его подчиненные сдали много итоговых проверок. Только трижды коллектив занимал место ниже третьего, а так постоянно в «призерах». Результатом, правда, капитан не обольщается, о себе говорит с иронией: «Пока еще в штабах числится подающим надежды. Но вот через год-другой, если не выдвинут, стану бесперспективным. Для поступления в академию нужно, чтобы должность соответствующую занимал, а кто же бесперспективного назначит с повышением?»

Хотя кто его знает: некоторые из тех, кто служил рядом и имел показатели на много порядков ниже, уже на вышестоящей, майоры. Каково?»

Так ли? Может, Леонид Павлович сгущает краски, дали знать личные обиды? Офицеры штаба части, однако, сомнения не развеяли. Более того, назвали конкретно, о ком шла речь, рассказали еще несколько аналогичных случаев. Например, служил где-то на должности заместителя командира подразделения старший лейтенант А. Кебец. Ничем хорошим себя не проявил, напротив — даже имел взыскания. Теперь назначен в эту часть начальником подготовки и службы собак. Кроме пересудов, разговоров о посприании социальной справедливости назначение это ничего не дало. Командование части недоумевает: почему с ним не посоветовались, почему не считают нужным использовать резерв на выдвижение, имеющийся у них? Офицеры ротного звена оценили происходящее как явную несправедливость. Почему, спрашивают они, не назначили в штаб капитана Г. Малевича, который семь лет командует подразделением? Уж он-то достоин этой должности, сумел бы наладить дело и потребовать, если надо, и подсказать, научить. Или взять старшего лейтенанта В. Кадинова. Мог бы быть замполитом батальона, нигде не выезжая, а нет — присылают другого. Выходит, если ты «тянешь ляжку» в подразделении, то и продолжай «тянуть», а чины и звания не про тебя. Справедливо ли это?

Такие разговоры идут. Разговоры создают настроение, с которым люди выполняют служебные обязанности. Думается, вышестоящему начальству безразлично, с энтузиазмом или без него подчиненные

трудятся. В таком случае, наверное, надо было предвидеть, какой может оказаться реакция в низах. Люди здесь терпят многие лишения, трудно с жильем, кое-где его нет вообще, проблема с устройством детей в садики, а жен — на работу. Удаленность от культурных центров, тяжелые климатические условия, большая служебная нагрузка. И чувства, и нервы обострены до предела, люди чутко реагируют на все, а тем более на такие далеко не идеальные решения.

Жена майора Е. Пискунова в его отсутствие интересовалась: когда же будет дан ответ на рапорт ее мужа о переводе по замене. Четырнадцать лет они на Дальнем Востоке. В августе прошлого года офицер попросил перевести его, но ему так никто и не ответил ни да, ни нет. Разве это прибавляет настроения офицеру и его семье? О данном факте знают в небольшом гарнизоне все. И, конечно же, имеют свои суждения. Они не в пользу тех, для кого люди глубинки, похоже, только штатные единицы, которые можно продолжать загружать поручениями. Стерпят, мол, выкрутятся.

Здесь говорят, что фразу «Выкручивайтесь сами, как хотите» слышали от высокого начальства. Произнесена она была по такому случаю. В феврале вместо прапорщика, штатного секретаря бюро ВЛКСМ батальона, должность которого сократили, вожаком стал ефрейтор И. Жарков. Вот тут-то и начали возникать проблемы за проблемой. Солдата записывают в караул, сверху требуют — отставить, надо заседание бюро провести. Жаркову следовало бы выехать в другие подразделения — не может без сопровождающего, не положено самостоятельно разъезжать. Как бы там ни было, преодолевая мытарства, связанные с оформлением проездных, продлутевых, он по разу побывал во всех организациях. Но солдат не относит себя к асам комсомольской работы, считает, что проку от того, что он подлистал протоколы собраний и заседаний бюро да пообщался с активом день, мало. Он вообще не возьмет себе в толк, нужна ли батальонная комсомольская организация? Собрание провести — проблема, оно всегда только делегатское, и большинство членов ВЛКСМ за два года службы на нем попросту отсутствуют не могут. Заседание бюро провести тоже не просто, как не просто приехать на него из разных, неблизких гарнизонов. Секретарь с докладами на собраниях не выступает, ему дали понять, дескать, солдат, что с тебя возьмешь? Короче говоря, потому, что военнослужащего именно данной категории избрали вожаком молоде-

жи батальона, прозвучала та самая фраза. С той поры она все не затихает, больше того, чуть что, задают вопрос: «Опять «выкручивайтесь, как хотите?»

Или вот такое: горит средь бела дня на всем периметре свет. Горит не сутки-другие, даже не неделю. Не помнят уже сколько. Почему горит — история длинная. Однажды поплавились пакетные переключатели в распределительном щите. Щит сам по себе оказался технически неисправным. Прапорщик А. Петречук пытался отремонтировать, но не смог. Единственное, что ему удалось — включить свет. Потом из-за ненастья случилось так, что щит оказался под напряжением. К нему запретила кому-либо подходить. Доложили в часть, администрации объекта. Ждут помощи, возмущаются, считают, во что это выливается государству. Мер никаких. Не слепые, видят все это солдаты, меж собой обсуждают, не без того — и осуждают не своего, конечно, командира, знают: он сделал все, что мог, но... не выкрутился.

Спрашиваем заместителя командира части по тылу майора А. Пономарева: когда заменят щит? Он в недоумении:

— Какой? Я, правда, всего несколько месяцев, как принял дела, но мне никто о нем не докладывает. Я разберусь. Безобразия. Завтра же выеду на место, возьму с собой новый щит и электрика.

Может, все это не так и существенно, может, не стоит того, чтобы писать? «Но это часть нашей жизни, наших проблем. Скрыться от них мы не в состоянии и отмахнуться тоже: они влияют на общий настрой».

Так рассуждают офицеры подразделения, иллюстрируя сказанное картинками из повседневной жизни...

Образцово несет службу рядовой А. Ромалданов. Отличник. Имеет несколько благодарностей за проявленную бдительность. Рядовой Х. Молсагов трижды предупреждал попытки неизвестных проникнуть в запретную часть. По разу — рядовые В. Дубинин, С. Шихалиев, Н. Бадигулов. Об их умелых действиях рассказывали листовки. Их поощрил командир подразделения. Мнение коллектива на этот счет, однако, иное: Молсагов, Ромалданов, Бадигулов, Дубинин, Шихалиев достойны награждения знаком «За отличие в службе» II степени. «Кого же тогда награждать, если не тех, кто отличился на боевом посту?» — говорят солдаты. Между тем в подразделении только сержант А. Гришков имеет знак «За отличие в службе» II степени. Ему его вручил на слете лучших начальников караулов командир соединения за глубокие знания уставов, продемонстрированные в ходе решения летучек. В начале года четверо военнослужащих, правда, получили награды, но они вскоре уволились. Дальше сколько раз ни направляли в штаб части представления — в ответ тишина. С чем это связано? Оказывается, батальон не вовремя присылает документы. В штабе же работают планоно и, если ты, чего доброго, задержал нарушителя, допустим, после двадцатого числа, сам виноват: жди следующего двадцатого, а то и итогов полу-

годия. Срок пришел, знак находит хозяйина, а тот с чемоданом спешит к поезду: служба кончилась. Награда ему приятна, но он уже перестал о ней думать, забыли и сослуживцы, за что он ее удостоился. Такое вот «воспитательное» воздействие поощрения.

Это то, что сопутствует службе.

— Не жалуют нас и комсомольскими наградами, — заметил секретарь бюро ВЛКСМ батальона ефрейтор И. Жарков. — Я лично отвозил в часть выписки из протоколов собраний на нескольких комсомольцев, чтобы их наградили знаком «Молодой гвардеец пятилетки». Помощник начальника политотдела части по комсомольской работе сказал, что знаков нет. А солдаты подходят ко мне и говорят: ты не добиваешься, какой ты секретарь?

**Многих жизненных благ лишены те,
кто служит в глубинке. Обидно за них.
Обидно вдвойне, если обделены они
и вниманием начальников.**

Понятно, не ради наград служит Отчизне советский воин. Но коль они есть и призваны отличать особое усердие, высокую бдительность, то ничего зазорного в стремлении иметь их на мундире нет. Наоборот, казалось бы, командиры должны поощрять желание заслужить знаки солдатской доблести. На проверку получается не всегда так.

Болезненно в подразделении переживают известие, что на неопределенное время запрещены отпуска. В караульном помещении, стоило завести разговор о житье-бытье, ефрейтор М. Уртамбаев тут же задал вопрос:

— Скажите, почему тем, кто заслужил, не предоставляют отпуска? Где в уставе сказано, что за одного наказывают всех? Нам командиры говорят: кто-то где-то опоздал из дому в часть, и вышло распоряжение никого не пускать. Потом где-то нарушили меры безопасности на воде, у нас опять откликнулось. Река рядом, но берег утыкан табличками «Купаться запрещено». А как же нормативы по физподготовке выполнять? НФП разве отменили? Я солдат, надо мной много командиров, все следят, чтобы Уртамбаев не отступил от устава. А сами какой пример подают?

Капитан Л. Селин разводит руками:

— У нас достойные поехать в отпуск есть, среди них шесть женатых солдат, у четверых дети. Когда их пустят домой на побывку — не знаю. Я на рядового Рахметжанова трижды писал рапорты по команде, просил предоставить отпуск — отказали. Причина — в какой-то части военнослужащий опоздал из дому, вот и отменили отпуск.

Командир батальона майор В. Закамов:

— Да, отпуска временно не предоставляются. Это не наша самодеятельность, есть распоряжение сверху.

Заместитель командира части подполковник В. Мальцев подтвердил слова комбата.

— Нет, нас неправильно поняли, — возмутился командир соединения. — Мы не могли отменить отпуска. Сказано было их регулировать. К нам, на Дальний Восток, особенно летом, тяжело добраться, времени на это много затрачивается. Подчас отпуска приходится на период увольнения военнослужащих в запас. Тогда служебная нагрузка резко возрастает. Надо учитывать специфику.

Доводы были аргументированными, логика четкой. Чем дальше, правда, тем более резко звучали упреки в адрес подчиненных, которые «неправильно поняли распоряжение» и «неумело» провели его в жизнь.

Задан был и еще один вопрос:

— Почему нас не пускают в увольнение? На почту, если нужно, — иди, а так вообще-то — нет.

Из объяснений офицеров подразделения и командира батальона вырисовывалась та же примерно картина, что описана выше, только масштаб ее меньший, в рамках гарнизона. Майор В. Закамов не жалел красок, живописуя никчемность устремлений солдат за пределы городка. «Ну что там в поселке им делать? Куда пойти? Кино — оно у нас не хуже».

Парное молоко на солдатском столе — это прекрасно. Только вот кто будет ходить за буренками, носить им сено? Не последний это вопрос для командира таежного подразделения.

И вспомнились слова женского организатора Елены Александровны Гребенюковой:

— Мы никак не можем взять в толк разговоры о «серых шинелях», которые обязаны два года «отдавать свое». Это же молодые люди, некоторые впервые так далеко уехали от матерей. Им не хватает душевного тепла и ласки, отдушины какой-то. Вы знаете, куда бегут они с радостями и печальями? В военторг, к Людмиле Николаевне. Рассказывают ей о себе, о любимых, родных, друзьях. Она о них знает все-все, к дню рождения обязательно привезет нужное имениннику. Не поверите: зуб ли, голова болит — в военторг бегут, не к санинструктору. «Людмила Николаевна, помогите!» Вот мы все вместе идем примочки, полоскания. Говорят, помогает. Думаю, легче им все же от нашего участия, а не от лекарств. С малышами и со школьниками им нравятся. Командиры, правда, всячески противятся общению. Как-то ребяташки приняли участие в конкурсе. Солдаты помогли им клеить поделки. Сделали. И что вы думаете: вместо того, чтобы отправить в часть, их сложили вон туда на шкаф. Пепел от сигарет стряхивают — нашли применение. Такая черствость — диву даешься.

Много разговоров породило непомерно разбухшее подсобное хозяйство. «Свиньи корову съедят нас, — зло шутят в подразделении. — А тут еще коровы, лошадь, которая как бельмо в глазу. Она нам не нужна, только сено пожирает в два раза больше коров».

Раньше в штатах был повозочный. Его сократили, а кобылку оставили: выкручивайтесь, думайте, соображайте, кто будет ухаживать за животным. Нынче для данной цели отрывают солдата от боевой службы, притом не на сутки: хавроньи и буренки хотят есть постоянно и желают за собой хорошего ухода. Тогда отдачу гарантируют.

Видимо, имея в виду последнее обстоятельство, штаб соединения «спустил» вниз грозное распоряжение: выделить пять человек во главе со старшиной «для организации сенокоса и заготовки сена». Норма — пять тонн на корову, четыре — на лошадь и по триста килограммов на подстилку каждой собаке.

В подразделении 6 коров, 1 лошадь, 12 собак. Множим — получается, что-то около 40 тонн сена требуется заготовить на зиму. Сколько травы уложит в валки за день опытный косарь? Центнеров пять. А где они, опытные? Найти их нынче проблема. Выходит, работы предстоит на три месяца, не считая времени на то, чтобы просушить валки, собрать скошенное в копны, а копны — в стога. Такая вот арифметика. Простейшая, а голова у командира от нее пухнет, нервы взвинчены. Непокойны и подчиненные. Как выкрутятся? Угодья не дают — совхозу самому их в обрез. Солдат по штату четверых не хватает, еще пять на сенокос отправить, одного — на свиарник, двух — на ремонт караульного помещения. Кто службу-то нести будет? Если еще раз обратиться к устному счету, получается, что за освобожденных кто-то более 90 часов должен отстоять на посту. Командир выкручивается: оставляет в карауле несколько человек на вторые сутки. Обычно караульных первой смены назначает в другой караул в третью смену, чтобы они успели хорошо отдохнуть. Жалоб обычно нет, ведь на занятия не идти, кирпич не носить, огород не полоть, траву не дергать, полы в казарме не драить. Зато солдат превращается в обыкновенного сторожа. Именно так, не в обиду ему будет сказано: он в том не повинен, что тяжелоет на подъем, теряет навыки ведения меткого огня, затрудняется выполнить нормативы, строевые приемы, забывает уставные требования, неумело действует в резервной группе. Трудно винить тут и командиров подразделений: не они задают задачи. Они их решают. Самостоятельно, кто как может, но с оглядкой на заранее объявленный им ответ «чтобы все было нормально...»

А не пора ли «лишать» их этой самостоятельности, сообщая начать делать дела там, где куется благополучие войск — в отдельном подразделении. И здесь же, на месте, опять же сообщая, в интересах людей решать проблемы. Не взирать со стороны — выкрутятся ли?

Подполковник М. УГОЛЬКОВ.

ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНУ ПРОБЛЕМУ

ПОДПОЛКОВНИК А. ВОВК:

«ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРИЗ
НОСИТ ПОСТОЯННЫЙ,
ПЛАНОВЫЙ ХАРАКТЕР...»

ПОДПОЛКОВНИК С. РУССКИХ:

«ТРУДНО СКАЗАТЬ,
ЧЕМ МЫ ЗАНИМАЕМСЯ
И ЧТО ВНЕДРЕМ...»

С «МЕРТВОЙ»

ТОЧКИ

О необходимости рационализаторской и изобретательской работы в армейских условиях говорить излишне. Это и техническое обеспечение служебно-боевой деятельности подразделений, и развитие творческой мысли, и внедрение в повседневную практику войск достижений науки и техники, и распространение передового опыта обучения личного состава. Сейчас, когда в стране насущные вопросы перестройки связываются воедино с проблемами научно-технического прогресса, армия не может оставаться в стороне.

И никак нельзя согласиться с теми, кто считает, что в войсках шуму вокруг рационализаторов много, а толку мало. Если их деятельностью заниматься по-настоящему, всерьез, то и толк будет, и шуму заметно поубавится. Уверен в этом, хотя и руковожу комиссией по рационализаторству и изобретательству неполных четыре месяца.

Работа КРИЗ строится по четкому, утвержденному плану, мероприятия которого охватывают различные аспекты деятельности почти всех служб и отделений. Качество и сроки их выполнения — на контроле КРИЗ. За последние полтора года внедрено несколько ценных изобретений. Например, стенд холодной и горячей обкатки отремонтированных двигателей автомобилей. Эффект от внедрения — немалая экономия трудовых и моторесурсов, горюче-смазочных материалов. Автор предложения — полковник Д. Мудрик.

Старший техник ИТСО старший прапорщик С. Сотников внес предложение на внедрение индикатора наличия СВЧ по щелевой антенне УН «Мак». Изобретение практически используется во всех подразделениях. Автору соответственно выплачено денежное вознаграждение.

КРИЗ части постоянно оказывает помощь рационализаторам и изобретателям, имеет все возможности для выпуска и распространения необходимых методических материалов. Периодически на основе плана работы КРИЗ рационализаторам предлагаются тематические задания.

Кроме того, комиссия изучает новинки, внедряемые в других частях, к примеру, контрольный прибор наличия часового на посту, и рекомендует их к использованию в подразделениях.

Конечно, не все в деятельности КРИЗ отвечает требованиям, предъявляемым к организации рационализаторской и изобретательской работы. В частности, не проводятся встречи личного состава с лучшими рационализаторами и совещания рационализаторов и изобретателей, в полезности которых трудно усомниться. Не организуется обмен опытом, что, безусловно, негативно сказывается на координации усилий рационализаторов. Многим из них есть о чем рассказать сослуживцам, поделиться интересными задумками, сообща найти решение той или иной проблемы. В дальнейшем подобный обмен планируем практиковать.

Что касается технических кружков, уголков и мастерских рационализаторов, то, говоря откровенно, их нет. И не потому, что у комиссии руки не доходят до организации их работы. Я считаю, они не нужны в части. Как не нужны и месячники по сбору и реализации рацпредложений. Не понимаю смысла таких месячников. Деятельность КРИЗ носит постоянный, плановый характер, в любое время рационализатор может внести предложение на ее рассмотрение, так к чему эти месячники? Получается, будто бы весь год работаем лишь бы как, а на один месяц мобилизуемся и активизируемся.

Есть и еще один вопрос, требующий решения. В составе КРИЗ — восемнадцать человек. Не удивительно, что собрать их вместе для проведения того или иного мероприятия невероятно трудно. К чему такое количество членов комиссии, если это не сказывается да и не может сказаться на качестве ее деятельности в целом?

Не принимает, к сожалению, никакого

участия в развертывании рационализаторской и изобретательской работы и парторганизация части, считая, видимо, это дело не своим, не партийным. И, полагаю, напрасно, ведь коммунисты могут и должны внести свой посильный вклад в совершенствование технического творчества личного состава. Кому, как не им, возглавить движение новаторов, освежить его силы. Это мощный, но пока еще не используемый резерв.

Долгое время рационализаторская и изобретательская работа в части находилась в загоне. Честно признаться, ее почти не было, даже в войсковых смотрах-конкурсах и то участия не принимали. Самокритично оценивая свою деятельность, можем сказать, что этот тяжелый возок удалось-таки сдвинуть с «мертвой» точки. Есть первые результаты, они обнадеживают.

Подполковник А. ВОВК,
председатель КРИЗ части.

Приволжское УВВ.

Напряженное Затяжье

НЕПРОСТОЙ вопрос — чем компенсировать сокращение штатов личного состава, возросшую служебную нагрузку? Думается, в ряду многих факторов, обеспечивающих относительно нормальную жизнедеятельность подразделений и частей в новых условиях, есть и такой — внедрение качественно новой охранной техники, активизация творческой, рационализаторской мысли, повышение роли новаторства и подвижничества. На энтузиастах, говорят, мир держится. И потому подкупают озабоченность председателя КРИЗ части подполковника А. Вовка состоянием рационализаторской и изобретательской работы, его самокритичный взгляд на положение дел.

Настораживает другое: взгляд на положение дел есть, а вот самих дел — практически нет. И под этим углом зрения самокритика и прогнозы недорого стоят. Истина, согласитесь, дороже. Более того, в оценках своих председатель КРИЗ проявляет завидную скромность: «дале-

ко не все еще отвечает требованиям». Надо отдать должное членам комиссии, которую он возглавляет: их высказывания по поводу работы КРИЗ реалистичнее, конкретнее. Судите сами.

Подполковник В. МАТИНЦЕВ: «Чем занимается КРИЗ? Практически ничем. Во всяком случае в последние три месяца я ничего о работе нашей комиссии не слышал. Не довелось как-то... Есть ли план работы? Наверно, есть, а как же без плана, коли все планируем?!»

Логично, откровенно и по существу.

Капитан В. НАЗАРОВ: «Что я могу сказать о КРИЗ? Даже не знаю, что и сказать. Комиссия работает, конечно, есть план. А вот что в нем и в какую группу я вхожу, — затрудняюсь ответить. За чем вы задаете такие скользкие вопросы? Что, конкретное рацпредложение? Не помню. А о задачах, правах и функциях КРИЗ спросите лучше у председателя, ему

В ПОЛЕ МУЖАЕТ СОЛДАТ

■ Каждый ратный день наших войск насыщен непредсказуемыми ситуациями, в которых от воинов требуются высокая бдительность, выдержка, физическая выносливость, умение быстро принимать правильное решение. Такие качества формируются у военнослужащих в ходе боевой подготовки. Поэтому подчиненные сержанта Г. Головачева на занятиях в поле стараются использовать учебное время с максимальной пользой для повышения своего воинского мастерства.

■ Личный пример. . .
Этому в обучении и воспитании подчиненных следуют старшие сержанты С. Дергачев (верхний снимок) и В. Селюков (на снимке внизу). Действия младших командиров на занятиях четки и уверенны. Сноровисто преодолевают они полосу психологической подготовки.

■ Бережно относится к своему оружию рядовой О. Мурашкин. Он понимает, что от его правильного содержания во многом зависит и успех выполнения учебных стрельб.

■ Короткие минуты отдыха на занятиях в поле — еще одна возможность для воинов прикоснуться к процессам обновления, происходящим в нашей стране. О них можно узнать из свежих номеров газет, которые захватил с собой старший сержант В. Лученко (на нижнем снимке — крайний справа).

■ Радость успеха... Мгновение из жизни военного водителя рядового А. Баленкова. Но сколько за ним трудных и долгих часов напряженной работы в учебном городке! Завтра в рейс.

лучше знать. Нет, я не припомню, чтобы кому-то вручали удостоверение на рацпредложение. Да и что нового можно придумать во внутренних войсках? Все равно повсеместно внедряем общеизвестное...»

Это уже позиция, позиция члена комиссии. То, что Владимир Александрович слабо осведомлен о деятельности КРИЗ и любой вопрос, связанный с ней, считает «скользким», — не делает ему и всей комиссии чести. Но ведь капитан В. Назаров убежден, что рационализаторская и изобретательская работа в войсках вообще не нужна, якобы по причине ее бессмысленности и бесперспективности! И если такого неординарного мнения придерживается тот, кто должен активно способствовать развитию технических новшеств, контролировать разработку и внедрение рационализаторских предложений, то что говорить о людях, причастных к рационализаторской работе лишь косвенно?!

Подполковник С. РУССКИХ: «Трудно сказать, чем мы занимаемся и что внедряем. Что-то вроде внедряем, а вот результаты и эффективность... План есть, но я его не видел, не пришлось пока. И на совещаниях не присутствовал. Да, я член КРИЗ, но я специалист служебного собаководства, у нас все природное, никакой техники. Хотя, припоминаю, когда служил в другой части, внедрили автокормушки для собак, дело полезное. А в общем-то не моя это кафедра. Вот автомобилисты — это да, слышал, что-то изобрели...»

Ссылка на автомобилистов — не первая, ими прикрываются многие. Может быть, действительно они — подлинные активисты рационализаторской работы, та ось, вокруг которой все и вертится? Вот и председатель комиссии подполковник А. Вовк рассказал о том, что в минувшем году внедрен стенд холодной и горячей обкатки двигателей автомобилей. Это правда, стенд внедрен, и средний экономический эффект от внедрения — более полутора тысяч рублей в год. Полковник Д. Мудрик, автор рацпредложения и «генеральный конструктор» одновременно, по его словам, подал заявление, как и положено, секретарю КРИЗ. И все, дальше дело не пошло. Не дожидаясь решения КРИЗ, офицер с помощью технически подкованных энтузиастов из числа подчиненных изготовил стенд, который весьма успешно эксплуатируется. Никакого удостоверения на рационализаторское предложение, а тем более причитающегося ему по всем правилам денежного вознаграждения Мудрик не получил.

Впрочем, невниманию, равнодушию КРИЗ не охладили его пыл. Он не стал добиваться положенного, обивая пороги (не перевелись еще альтруисты!), а бескорыстно опять же подал (никуда фактически не подавая) еще одно рацпредложе-

ние и, не откладывая дела в долгий ящик, внедрил его: стенд для обкатки коробок передач с экономическим эффектом более тысячи рублей в год. И, что характерно, работает этот стенд без ведома и резолюции КРИЗ. Правда, выгоды в рублях никакими бумагами не подтверждены, бумаги — прерогатива теоретиков от рационализации, их подсчитал все тот же Мудрик, но в том, что выгода есть — не усомнится даже человек, далекий от техники. Достаточно заглянуть в автопарк.

Капитан Г. БАСАЛАЙ: «Работа КРИЗ в последние год-полтора заметно активизировалась (если это активизация, то чем же занималась комиссия раньше, когда ее возглавлял подполковник В. Кузнецов?! — А. У.) В чем это заключается? Внедрено два рацпредложения старшего прапорщика Сотникова. Почему не оплачено «изобретение» Мудрика — сказать не могу, я не слышал о нем. Нет, права и функции КРИЗ знаю, но назвать не могу. Это вы меня спрашиваете, что такое рацпредложение? Ну, это...»

Кстати сказать, никто из опрошенных членов комиссии, как это ни парадоксально, не знает конкретно, что же такое рацпредложение. Цитирую их высказывания, дабы не быть голословным: «Это что-то по совершенствованию чего-то...», или «что-то новое в техническом отношении», или «какая-то мысль по совершенствованию какой-либо работы» и так далее. Вот такое понимание: кто-то в чем-то что-то изменил. А кто, что и в чем — вот вопросы.

П ОЧТИ все члены КРИЗ в один голос ссылаются на старшего прапорщика С. Сотникова. Мало кто понимает, в чем суть его рацпредложений, они специфичны с технической точки зрения, связаны с ИТСО, но автора знает каждый. Человек-легенда, один из лучших (или всего один?) рационализаторов части, он служит надежным прикрытием для всей деятельности (или бездеятельности?) КРИЗ, члены которой в качестве весомого аргумента своей работы выдвигают два внедренных рацпредложения Сотникова.

Напрашивается резонный вопрос: не слишком ли много — восемнадцать членов комиссии на два рационализаторских предложения одного человека? Подполковника А. Вовка тоже беспокоит многочисленность комиссии, им возглавляемой, он сомневается, и не без должных оснований, в целесообразности объединения такого количества людей под одной вывеской. Его сомнения понятны, с одной стороны. С другой же, недоумение председателя логически необъяснимо. Зачем же было выбирать такую громоздкую, скажем прямо, неповоротливую комиссию? По всем количественным параметрам, оговоренным имеющимися и неотменными приказами, она на две дивизионные тянет. Наверно, изначально рассчи-

тывали на то, что рационализаторские предложения пользуются нескончаемым потоком и обычным составом с ними не совладать. На поверку же вышло, что и один бы управился.

Интересно, что думают о работе КРИЗ те, кто не допущен в святая святых ее, как сказал один из членов комиссии, «видимо, засекреченной деятельности»? Другими словами, каково общественное мнение?

Прапорщик И. МИЛИЦКИЙ, специалист связи: «Знаю, что существует КРИЗ, но чем занимается?..»

Прапорщик В. ОВСЯННИКОВ, техник ИТСО: «Я с этой организацией не связываюсь. Было поначалу, да отбили охотку. Здесь разработаешь что-нибудь дельное, угробишь и время и силы, а потом наша новинка вдруг нам же спускается приказом из УВВ, как их инициатива».

Подполковник А. ГОЛОЛОБ, секретарь парткомиссии: «КРИЗ? Как же, помню, подвели итоги, зачитали приказ и план, кажется».

Итоги чего? Да и что это за план такой, на который кивают все, от председателя КРИЗ до тех, кто ни сном ни духом не ведает о его содержании. А он заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов. Емкий, лаконичный до предела, состоящий из нескольких любопытных пунктов. Следов предыдущих планов работы КРИЗ обнаружить при всем старании не удалось. Одно из двух: или ранее комиссия работала беспланово, или планово не работала.

Итак, пункт первый требует разработать и внедрить средства малой механизации на складах. Сроки выполнения его истекли еще несколько месяцев назад, но не об этом речь. Что это за «средства малой механизации»? Объясняют: тележки какие-то, чтобы не таскать, а возить. Понятно. Но, во-первых, они должны быть внедрены не по плану работы КРИЗ, а на основании соответствующих приказов с достаточным сроком давности. Для повышения боевой готовности части. То, что тележек и ныне на многих складах нет, — это другой вопрос, но ведь должны быть. Выходит, внедрить, в понимании членов комиссии, — значит выполнить приказ, а не разработать и внедрить что-то свое, новое. И, во-вторых, телег этих и двух-, и трех-, и четырехколесных придумано с времен Очакова и покоренья Крыма столько, что не перечест. К чему же изобретать велосипед? Ну да ладно, внедрить так внедрить, был бы результат, а то и по сей день не возят, а носят.

Пункт второй настоятельно рекомендует в крайне сжатые, нереальные сроки изготовить для последующей эксплуатации «табло информации выполнения распорядка дня по общей команде дежурного по части». Ответственный — капитан А. Чебуров, член КРИЗ, чистосердечно

признался: «Понятия не имею, что это за табло такое, как его делать и, главное, зачем оно нужно?» Потом подумал и добавил: «Скорее всего, дело должно выглядеть так. Дежурный по части нажимает кнопку, и напротив соответствующей графы распорядка дня в каждом подразделении загорается лампочка». Красиво? Еще как, особенно если лампочки цветные, словно на новогодней елке. Смех смехом, а что делать ответственному? Как хочешь, так и выкручивайся. Одна надежда на то, что за выполнением плана никто не следит, так что особые неприятности офицеру не грозят.

Пункт третий, сроки реализации которого давно истекли, обязывает подполковника В. Матинцева «внедрить в обучение личного состава насадку для ночной стрельбы из автомата». Сколько существуют насадки, столько их и совершенствуют, процесс естественный и закономерный. И Матинцев не против. Жалко, не знал он о спланированном комиссией тематическом задании и оказанном ему доверии. Не ввели в курс человека.

Думается, нет необходимости анализировать и далее план работы КРИЗ. К тому же это как раз тот случай, когда план и работа идут параллельными курсами, нигде не пересекаясь.

Анатолий Николаевич Вовк, председатель комиссии, убежден, что технические кружки, уголки, мастерские рационализаторов, равно как и месячники по сбору и реализации рацпредложений, не нужны, не уточняя, кому не нужны — ему, как лишняя обуза, или рационализаторам. Что ж, каждый имеет право на собственное мнение. Но видеть проблему по своему и игнорировать распоряжения и приказы старших начальников — понятия разные, не следует путать их во избежание серьезных последствий. Никто не ругает за то, чтобы не сметь свое мнение иметь. Пожалуйста, подчиненному дано право выбора наиболее разумных, целесообразных путей выполнения приказов; право на невыполнение ему не дано.

Нормативными актами и указаниями по организации изобретательской и рационализаторской работы в частях и соединениях однозначно предписывается: техническим кружкам в подразделениях — быть, смотры и выставки рационализаторских работ, месячники по сбору и реализации рацпредложений и совещания — проводить регулярно. Независимо от отношения к этому представителей КРИЗ на местах. Выходит, мало иметь собственное мнение, нужно еще и работать. Как, впрочем, и мало иметь возможности для работы, в частности, для выпуска методических материалов в помощь рационализаторам, нужно такую литературу выпускать, не выдавая желаемое за действительное и пребывая пусть в напряженном, но затишье.

Майор А. УШАР.
Наш корр.

И ОРГАНИЗУЕТ, И ОТВЕЧАЕТ

К ИТОГАМ ОБСУЖДЕНИЯ СТАТЬИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА Е. ДУБИНА «КОМАНДИР — ОРГАНИЗАТОР БОЕВОЙ УЧЕБЫ»

ГОД НАЗАД внимание читателей привлекла публикация генерал-майора Е. Дубина «Командир — организатор боевой учебы» (1987, № 11). Появилась она в переломное время, когда на повестку дня была поставлена необходимость перестройки боевой и политической подготовки, вызванная усложнением задач, решаемых войсками, и перспективой их дальнейшего развития. Читатели горячо поддержали автора по многим проблемам, поднятым в статье. Ломка прежних, устоявшихся взглядов на роль и место боевой учебы в повседневной деятельности войск — веление времени. Это значит, что общественная мысль, отчетливо проявившаяся в откликах на статью, сводится к одному важному выводу — чтобы поднять качество выполнения служебно-боевых задач, надо улучшить обучение личного состава. А это уже аксиома, не требующая каких-либо доказательств. Возникает вопрос: каким путем пойти, какова в этом деле роль командира — организатора боевой подготовки? И здесь как раз мнения авторов далеко не однозначны, что в общем-то вполне объяснимо, поскольку в каждом конкретном случае они учитывали специфику выполняемых служебно-боевых задач, условия дислокации и ряд других немаловажных факторов. Статья вызвала необходимый плюрализм мнений: откликов на нее (опубликованных и неопубликованных) поступило вполне достаточно, чтобы подробнее остановиться на некоторых поднятых в них наиболее существенных вопросах.

Уставное требование о том, что командир-единоначальник в мирное и военное время несет полную ответственность за боевую и политическую подготовку и что он обязан повседневно ею руководить, знают все. Однако на практике далеко не всегда так. Жизнь показывает, что иным командирам сегодня не перестраиваться надо, а заново начинать процесс обучения и воспитания личного состава. Беда

не в том, что в таких коллективах нет условий для занятий боевой подготовкой. Она в другом — в нежелании самих начальников проявлять заботу о подчиненных, их профессиональном росте, в не любви к повседневной работе с людьми, а значит, в неумении готовить их к испытаниям боевой службой. Имена подобных офицеров назывались в ряде публикаций, и нет смысла их повторять.

Откуда берутся такие начальники? Одни приходят в войска неподготовленными с училищной скамьи, а другие быстро теряют командирские качества и по собственной вине, и по вине старших начальников. Такому офицеру кажется, что он «непогрешим, не нуждается ни в какой учебе, мол, хватит и того, что когда-то получил в военном училище... Для такого офицера принцип «Делай, как я» утратил всякую учебно-воспитательную ценность» («С настроем на поиск», 1987, № 12). Очень верно подмечено!

К счастью, подавляющее большинство командиров душой и сердцем преданы военному делу. Среди них немало таких, которые обучение подчиненных ставят на первый план: это офицеры М. Лабунец, К. Бароев, К. Окунев и многие-многие другие, кто твердо стал на путь перестройки. И не словами, не призывами, а делами сугубо практическими. Случаются, конечно, срывы, отдельные неудачи и в передовых воинских коллективах. Ведь жизнь сложна, зигзаги обстановки порой мало предсказуемы, но никакие сбои не страшны, когда личный состав научен действовать самоотверженно в любой ситуации.

Одно дело — понимание насущных времен, другое — их реальная возможность. И здесь-то, в попытке выйти на эти реальные возможности, и кроется главная нить всей дискуссии. Почему? Ответы на многочисленные вопросы авторы ищут (и это правильно) в конкретных и безотлагательных действиях. А вопросов

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ

немало. Это недостаточность методического мастерства офицеров и сержантов, просчеты в планировании боевой подготовки (буквально на всех уровнях), примитивная учебно-материальная база, совершенно не соответствующая духу времени, слабый контроль за учебным процессом, упрощенчество на занятиях и даже срывы их... Словом, проблем много. И они вновь подтвердились в ходе только что закончившихся инспекторских проверок, итоговых занятий, в частности в войсках Приволжского УВВ, УВВ по Северному Кавказу и Закавказью.

Перестройка боевой подготовки — не косметические манипуляции. Процесс этот глубинный, требующий не клича, не порыва, а научного подхода, обоснованных, выверенных практикой решений. Здесь нужны не наскоки и эмоции, а, как подчеркнул во время пребывания в Сибири М. С. Горбачев, практическая работа. К сожалению, некоторые авторы, ратующие за перестройку, пытаются объяснить трудности и просчеты только спецификой местных условий и не выходят на широкие обобщения.

Что же до планирования боевой подготовки в низовом звене (рота-батальон), то тут сплошь и рядом пока можно видеть примеры формального отношения к делу. Это же очевидно, что командиры подразделений, штабы должны и имеют право творчески планировать боевую подготовку. Перестройка как раз и предполагает такой подход. А вот старая болезнь, точнее, боязнь поступить так, как требует время, тормозит этот процесс.

Творчество командира, конечно, ничего общего не имеет с анархией и вседозволенностью. Но, думаю, ни один начальник, никакой вышестоящий штаб не упрекнет командира за разумно принятое решение при планировании и организации боевой подготовки. Не обязательно всякий раз непременно ждать каких-то особых указаний «сверху». Надо предлагать свои решения, свои доводы и аргументы, если это диктуется задачей, временем и обстановкой, хотя во многих публикациях совершенно правильно говорилось о недостатках в планировании, исходящих именно «сверху», из УВВ и ГУВВ. Ряд критических замечаний уже учтен, и соответствующие изменения и уточнения в программу боевой подготовки на новый учебный год внесены.

Для правильного обучения и воспитания, считает полковник В. Грицко (УВВ по Западной Сибири), надо «в первую очередь привести численность личного состава в соответствие с объемом боевой службы и выполняемыми задачами. Во-вторых, сократить срок призыва в войска личного состава и тем самым уменьшить отрыв офицеров и сержантов на учебные сборы по подготовке молодых солдат» («Ждут решения проблемы», 1988, № 4). Об этом же пишет подполковник В. Родионенко: «Еще при переходе на двухгодичную действительную

службу следовало бы призвать производить так, чтобы одни воинские части принимали молодежь только летом, другие — зимой». Проблема, поднятая авторами, а точнее, поддержавшими в этом плане генерал-майора Е. Дубина, весьма актуальна. Решать ее, видимо, надо, но дело это требует серьезного подхода, и рассматриваться оно должно в связи с перспективой развития внутренних войск, в комплексе с другими проблемами.

Многие офицеры с тревогой пишут о состоянии современной учебно-материальной базы в частях и подразделениях. «Сегодня она явно примитивна, многое изготовляется кустарным способом», — замечает майор В. Анишков (УВВ по Уралу) в статье «И планоно, и организовано» (1988, № 3). Такую картину действительно приходится видеть в некоторых воинских коллективах. Однако, положив руку на сердце, скажем, что особенно часто это происходит там, где ни командир, ни штаб практически ничего не предпринимают для ее улучшения. Правы те, кто сетует на плохую учебно-материальную базу. Да, она, безусловно, отстала от требований времени. Все это так. Часть вины ложится и на ГУВВ за недостаточное обеспечение боевой учебы современными средствами и техникой, за низкую требовательность к начальникам, занимающимся этим вопросом. Проблема серьезна. И подходить к ней надо не только чисто иждивенчески, занимая лишь выжидательную позицию, рассчитывая на помощь извне. Снова обращаюсь к опыту передовых командиров. Уже называл полковника М. Лабунца. Разве он имел какие-то привилегии на приобретение учебно-материальной базы? Конечно же, нет. Благодаря личной инициативе командира, его заместителей было все сделано для высокой профессиональной подготовки военнослужащих. Такую же оценку можно дать деятельности полковника А. Трофимова, командира части — инициатора социалистического соревнования в войсках среди мотострелков в уходящем году. Полк выполнял ответственное задание, связанное с событиями в Закавказье. Тем не менее благодаря хорошо продуманной учебно-материальной базе личный состав успешно освоил программу боевой и политической подготовки.

Подобных примеров в войсках немало. Это делает честь инициативным и заботливым командирам. Хотя все мы понимаем, как им было нелегко. Но они использовали все: и шефские связи, и контакты с соседними подразделениями Советской Армии, и творческую мысль рационализаторов и войсковых изобретателей, и т. д. Надо сказать, созданные в таких коллективах образцовые учебные городки, классы, различные приспособления настолько эффективны в деле, что не могут не вызывать уважение к их авторам.

Вопрос еще и в другом. А как используется учебно-материальная база? С полной ли нагрузкой? Увы! Кое-где учебные

городки и площадки давно заросли бурьяном, а приспособления и тренажеры поржавели. И все это в результате безответственности командиров. Думаю, что корреспондентка майора Б. Звонковского «Учебная приказарменная» (1988, № 2) заставила некоторых командиров и начальников пристальнее взглянуть на собственное учебное хозяйство, на отношение к нему.

В ряде публикаций рельефно обозначилась еще одна проблема — слабая роль молодых офицеров, выпускников военных училищ в перестройке. Есть примеры того, как командиры взводов, рот смело используют новую методику в собственной практике. Но есть и другие, показывающие методическую слабость некоторых офицеров, допускающих в результате этого многочисленные ошибки и промахи в организации занятий, в обучении подчиненных. В подготовке офицерских кадров еще немало издержек, избавиться от которых совсем не просто. Тем отраднее, что участники дискуссии переносят акцент с констатации ошибок и упущений на необходимость перестройки учебы в военных училищах на базе современной техники и достижений отечественной педагогической науки.

Для улучшения качества подготовки молодых офицеров предпринимаются серьезные усилия. Это связано с общей задачей — военные вузы должны опережать войска в перестройке боевой и политической подготовки, подавать им пример такой перестройки, и выпускники уже несут в части и подразделения новую методику, опыт лучших преподавателей. Можно назвать тех, кто, работая с курсантами, готовя их на должности командиров и политработников, энергично включился в процесс перестройки. В Орджоникидзевском высшем военном командном Краснознаменном училище имени С. М. Кирова с уважением отзываются о подполковнике Л. Вагнере, а в Высшем политическом училище имени 60-летия ВЛКСМ — о полковнике В. Шишкине, в Пермском высшем военном командном училище — о начальнике учебного отдела подполковнике А. Буракове. Естественно, список офицеров, преподавателей, которые много вносят в повышение эффективности занятий, и прежде всего по важнейшим дисциплинам, например, по тактической подготовке внутренних войск, можно было бы продолжить. И еще. Руководить учебой, направлять передовую научную и методическую мысль должны и обязаны начальники училищ, но они этого, к сожалению, не делают.

Мы сегодня много и смело говорим о недостатках в организации боевой учебы. Это правильно и в духе времени. Да и причины просчетов касаются всех — от младшего командира до командования войска. Но возникает законный вопрос: почему забывается передовой опыт? Надо же идти дальше, учить войска на живых примерах безупречного выполнения воин-

ского долга. А между тем некоторые старшие начальники забывают, что «проблемы», решаемые ими в тиши кабинетов, нередко лежат на поверхности нашей повседневной практики. Вот и многие авторы о передовом опыте говорят вскользь.

Все лучшее, передовое надо всемерно поддерживать. Но на практике часто случается наоборот: добрый почин, пример, достойный подражания, быстро забывается, чахнет, так и не успев принести пользу. Происходит это вследствие инертности мышления, безразличия отдельных начальников и потери чувства ответственности за качество обучения подчиненных.

В ряде частей благодаря творчеству наиболее активных офицеров внедряется новая методика обучения. На занятиях используются учебно-тренировочные карты, опорные конспекты, маршрутные карты и т. п. Но что порой получается? Некоторые начальники, в лучшем случае похвалив руководителя занятий за новшество, тут же о нем забывают. Достоинством других опыт не становится. Почему? Потому что кое-кто сидит да ждет, когда же ему помогут. «сверху»: например, отрецензировать ту же УТК или конспект, размножить их для всех сержантов или офицеров... Думается, такой подход к делу не только ошибочен, но и вреден, поскольку лишает командира самостоятельности, творчества. Штабы частей, УВВ обязаны своевременно оказывать помощь, следить за появлением новых ростков передового опыта, оберегать их, активно изыскивать способы увеличения количества методической литературы, пособий, тех же учебно-тренировочных карт и опорных конспектов... Дело штабов — брать под контроль изготовление учебных пособий, на договорных началах размножать их в местных типографиях или издательствах. Штабы не должны пропускать нового слова в военной педагогике. Ведь прав старший лейтенант В. Егоров («Отыскивая новые пути», 1988, № 9), когда призывает внимательно изучать и творчески, с учетом специфики выполняемых служебно-боевых задач внедрять новую методику. Например, разработанную сотрудниками МГУ имени М. В. Ломоносова и успешно проверенную практически группой военных психологов из ВПА имени В. И. Ленина. Такой подход заслуживает одобрения.

Подводя лишь некоторые итоги большого и полезного разговора, вызванного статьей генерал-майора Е. Дубина «Командир — организатор боевой учебы», ни в коей мере нельзя считать, что обсуждение закончено, а проблема исчерпала себя. Это было бы ошибкой. Перестройка учебного процесса в войсках только началась. И командиров, начальников, организующих боевую подготовку и отвечающих за нее, ждут большие, сложные и ответственные дела. И надо каждому быть их активным участником. Этого требует время.

Генерал-лейтенант Л. ПЕЧЕВОЙ.

«ШТРАФНОЙ» БАТАЛЬОН

КАК БЫ В ШУТКУ
НАЗЫВАЮТ ШТРАФНЫМ
БАТАЛЬОН. НО ДОЛЯ
ПРАВДЫ В ЭТОМ ЕСТЬ.
ВПРОЧЕМ, ВСЕ ПО
ПОРЯДКУ...

ПОСЕЛОК, в котором дислоцируется батальон, хотя и называется Южным, расположен в северных широтах. Дыхание Заполярья ощущается здесь во всем, но больше в людях — сдержанных, но прямых в суждениях, лишенных позы и рисовки. Народ живет и служит здесь, особым комфортом не избалованный. Например, многие убеждены в том, что только для человека нового не очень удобно добираться до поселка.

...Единственная артерия, связывающая Южный со штабом части, — железная дорога. На машине в летнее время не проедешь — топи. Пассажирский поезд, составленный из нескольких вагонов, прибывает один раз в сутки в два часа ночи, а в пять утра отправляется обратно.

Путь утомительный. И расстояние вроде невелико — сто с небольшим километров. А приходится добираться шесть часов: ползет поезд еле-еле, каждому столбит «кланяется». И в вагонах, давно отслуживших свое, чувствуешь себя неуютно. Может, опять-таки без привычки.

Транспортная проблема не самая острая для коллектива контролерской роты, которой командует капитан Н. Купчин. Про нее-то как раз никто слова не сказал. Хватает других. Проживая в отдаленном гарнизоне, люди лишены элементарных удобств, бытовых услуг, нормального обеспечения товарами первой необходимости. В таких условиях как воздух нужна забота со стороны как командования части и батальона, так и администрации колонии-поселения. Но именно человеческого участия и не ощущают подчас военнослужащие. Впрочем, послушаем самих контролеров. Старший прапорщик Н. Терехин:

— Для нас самый больной вопрос — служебная нагрузка. Людей не хватает, получается переработка, порой приходится жертвовать выходными. Все это вносит нервозность в жизнь коллектива.

Одна из причин, по мнению Николая Петровича, такова. Батальон расположен на границе двух областей и именно на территории той, в которой не выплачивается северный коэффициент. К слову, единственный в части. Сумма же надбавки приличная — от пятидесяти до ста рублей.

ТАК ВОТ, исходя, видимо, из некоей «ущербности» подразделения, иные начальники рассуждали: раз там платят поменьше, пусть-ка послужат те, кто допустил проступки. И укоренилось за

Южным неофициальное название — «штрафной» батальон. Даже подразделениями командовали те, кто был направлен на «перевоспитание».

Не избежала этой участи и рота контролеров. По три—пять «провинившихся» порой одновременно служили в ней. При этом не задерживались: одних вскоре увольняли из войск, другие всеми правдами и неправдами пытались побыстрее перевестись отсюда. Никак не шло на пользу делу это временное пребывание в коллективе «варягов» со стороны. Будут ли такие люди болеть душой за подразделение?

Но традиции этой приходит конец. Командир части, а человек он здесь новый, сказал твердо: «Никакого штрафного батальона больше не будет...» Думается, гордые узел разрубят раз и навсегда.

А пока? Пока, несмотря на нехватку людей, командир роты не особо дорожит теми, кто есть. Вот мнение одного из молодых контролеров — сержанта сверхсрочной службы П. Хоружего (нам еще встретится эта фамилия — в роте служат три брата).

— Инструктаж на службу превращается в разнос и накачку. Заведут нервы, как будильник, и отправляют на смену...

Тему разговора Хоружий затронул старую — о настроении людей. Как сказал Петр, а потом и другие прапорщики, капитан Купчин перед заступлением подчиненных на службу даже не удосужится поинтересоваться, все ли могут выполнять поставленные задачи. Разговор с контролером у офицера подчас заканчивается такой тирадой: «Держать вас никто не станет, найдем замену». Вот и уходят иной раз те, кто мог бы послужить. А замену? Не удается ее найти столь быстро.

— Нехватка людей, чрезмерная нагрузка заставляют нас спешить, а значит, ошибаться. Администрация колонии, естественно, проявляет недовольство, — это слова П. Хоружего. А в конце беседы он произнес:

— Скоро заканчивается подписка, проделывать ее желания нет.

Потом спрашивал у многих: есть ли возможность доукомплектовать роту? Есть, слышал в ответ. Но, столкнувшись с рядом проблем служебного, житейского плана, молодые контролеры уходят из войск.

Именно об этом говорил прапорщик П. Вдовин:

— Всюду только и слышишь: служба, служба... А отдохнуть по-человечески негде. Помыться после смены — проблема...

ПРИШЛОСЬ беседовать со старшим из братьев Хоружих — Юрием Васильевичем. Человек он в коллективе приметный — коммунист, начальник войскового наряда. Прапорщик Хоружий о наболеем сказал так:

— Почему велика служебная нагрузка? Да потому, что на плечи контролеров переложили даже то, что должны делать работники колонии. Начальники наши все никак не договорятся, а мы виноваты.

Тот же проблема не новая. Администрация упорно продолжает делить людей на «своих» и «чужих» при распределении продуктов и товаров. А сколько надуманного с дежурным автомобилем. Про «дежурку» — так называют ГАЗ-53 в роте — разговор особый. И вот почему. Путь от подразделения до колонии-поселения недалек, но неудобен: летом — пыль столбом, грязь, зимой — пронизывающий холод. Ехать на полукрытой машине удовольствие мало. Один из прапорщиков сказал так:

— Летом перед службой почистишься, но проедешь в «дежурке», и весь в пыли. Следующий раз подумаешь, прежде чем брать уют: а стоит ли вообще приводить себя в порядок?

В чем видят выход контролеры? Он, по их мнению, прост. Колония имеет четыре автобуса, но, сколько ни просили прапорщички выделять хотя бы один утром и вечером, натываются на стену равнодушия.

Возможно, это лежит за «пределами досягаемости» офицеров батальона, хотя, уверен, при контакте с капитаном внутренней службы Ч. Алиевым вопрос можно решить. Но вот что касается своих проблем, скажем, проверки службы — неужели трудно заранее спланировать для этих целей транспорт? Ведь с севером шутки плохи. Поневолу вспоминаешь слова одного из героев комедийного фильма: «У вас несчастные случаи были?» и ответ самому себе: «Значит, будут...»

НО ВЕРНЕМСЯ к разговору с прапорщиком Ю. Хоружим. Он, как и его младший брат, не собирается проделывать подписку. А ведь фамилия обоих в списке отличников учебы и службы по итогам периода обучения. Может, стоит задуматься командиру подразделения о том, что равноценную замену этим военнослужащим ему не найти? Именно такие контролеры, как братья Хоружие, прапорщички А. Храмцов, В. Иванов, В. Кизеев, ведут за собой сослуживцев. На последней итоговой проверке коллектив заслужил хорошую оценку, что достаточно красноречиво говорит: основная часть прапорщичков — люди добросовестные, ответственные. Но почему же к ним такое невнимательное отношение со стороны командования?

Большинство прапорщичков — заядлые рыбаки и охотники. Но если в других подразделениях не делают из подобного увлечения людей проблемы, то здесь ставят на пути контролеров различного рода бюрократические препоны. Чтобы выбраться на ближнее озеро, обязательно

бери чистый лист бумаги и выводи: «Прошу вашего ходатайства... разрешить мне выезд... С мерами безопасности ознакомлен...» Потом этот рапорт будут рассматривать несколько человек, ставить свои подписи. Все это длится долго, уже, смотришь, и необходимости нет ехать — то погода изменилась, то обстоятельства, а тебе наконец-то говорят — разрешили, выезжай. Правда, могут просьбу и не удовлетворить — вдруг у кого-то будут претензии.

В городе неподалеку есть музей древних фресок — американские туристы были недавно, восхищались памятником старины. Да и гостей со всех концов страны там всегда немало. Но ни один прапорщик в музей не побывал. Почему? Причина та же — не отпускают. И правильными словами прикрываются при этом, ссылаются на соответствующие инструкции, которые гирями повисли на ногах людей.

Долгое время находился в госпитале прапорщик Е. Альхименок. И никто за месяц с лишним не смог проведать сослуживца, хотя такие просьбы командиру подразделения высказывались. Ответ один — не положено.

Сейчас ко многим другим добавилась такая проблема — позвонить по междугородному телефону. Раньше в поселке был свой телефон. По распоряжению из райцентра его убрали. Как быть, если вызвали на переговоры? «Не едем, и все, — сказал один из контролеров, — а то нервозности не оберешься...» По его спокойному тону было видно, что это переболело в душе давно.

А вот собрать прапорщичков в подразделении без всякого повода — для очередного ли разноса, унылого мероприятия — всегда пожалуйста. После бесед с контролерами сложилось такое впечатление, что командир подразделения, да и другие офицеры батальона потеряли чувство меры в работе с людьми, стараются во всем и всегда опекать их.

У ПИСАТЕЛЯ Андрея Платонова есть такие слова: «...Даже для обыкновенного несложного труда человеку необходимо внутреннее счастье».

Почему многие из нас плохие на сегодня работники? Да потому, что очень мало кто счастлив или хотя бы душевно спокоен. Замотаны и задерганы, перенапряжены, выведены из равновесия десятками каждодневных нужд. Спротивляясь обстоятельствам, мы выполняем обязанности, но с каким сердцем, настроением?

Перед отъездом услышал такую рифмованную строчку: «Южный — никому не нужный». Наверное, стоит подумать о том, чтобы слова эти перестали соответствовать действительности. А произойдет это тогда, когда коллектив роты окажется не за чертой, а в зоне внимания. И станет хорошо жить и слушать людям в этом северном поселке с таким теплым названием — Южный.

Майор В. ГОНДУСОВ.

Ордена Красной Звезды УВВ
по Северо-Западу и Прибалтике.

А ВЫСТРЕЛ НЕ БЫЛ СЛУЧАЙНЫМ...

«Пишет вам бывший военнослужащий части. Вы меня, наверное, помните...» — так начиналось письмо из дисциплинарного батальона на имя политработника В. Жилкина. Он-то и поведал мне невестую историю рядового Дениса Тимошука...

Морозную тишину февральской ночи разорвал выстрел. Прибывший на пост начальник караула увидел скорчившегося в углу часового.

— Что с тобой, Денис, — сержант непослушными руками пытался расстегнуть ворот гимнастерки солдата.

— Я случайно, сам не знаю как, — побелевшими губами, испуганно и бессвязно шептал Денис. Сделав раненому перевязку, его тут же отправили в госпиталь.

Вначале командиры и сослуживцы были уверены: саморанение — случайность, и вина Тимошука состоит лишь в небрежном обращении с оружием. Но когда прокуратура возбудила уголовное дело, для многих стало ясно, что все не так просто.

Обвинялся Денис в очень серьезном преступлении — умышленном членовредительстве с целью уклонения от воинской службы.

Постепенно, после многочисленных встреч и бесед с командирами и сослуживцами рядового Тимошука вырисовывалась стройная и взаимосвязанная цепь событий, которые привели к столь печальному финалу.

Служба у рядового Тимошука складывалась удачно. Благодаря доброму и общительному характеру он быстро освоился в воинском коллективе, обязанности свои выполнял добросовестно, отличался дисциплинированностью. В общем, как говорится, не вызывал беспокойства ни у командиров, ни у товарищей.

А он так тосковал по дому и семье, часто вспоминал полторагодовалую дочку, взгляд ее чистых детских глаз... Жена написала, что ждет еще одного ребенка. Как она будет справляться с двумя малышами? Конечно, родители помогут. Но тревога оставалась и росла... И потому, хотя прошло два месяца службы (всего два!), они показали Денису каторгой. Долгими бессонными ночами ему виделся последний год перед призывом в армию. И тоска темной, удушающей волной захлестывала душу. Постепенно в воспаленном мозгу возникло непреодолимое желание — любыми способами попасть домой. Хоть на день, хоть на час — все равно! Но как это сделать, не перешагнув закон? Отпуск? Отпадает — слишком мало прослужил. По состоянию здоровья? Нереально... Выхода Денис из создавшегося тупика не видел.

И ходил темнее тучи. Зло огрызался на шуточки товарищей, которые намекали на нелегкую судьбу «женатиков». В конце концов Тимошук замкнулся, ушел в себя. Беседы командиров и комсомольских активистов оказались запоздалыми.

Несколько позже он узнал, что по закону могут

досрочно уволить в запас: необходимо иметь на иждивении двух малолетних детей. Пишет письмо домой и сообщает об этом. И вдруг из ответного письма жены Денис узнает, что беременность по настоянию врачей ей пришлось прервать. Надежды на скорую встречу с семьей рухнули.

Вот тут окончательно и созрело у него решение нанести себе легкое ранение, выдать его за случайность, получить отпуск домой, так сказать, для поправки здоровья...

Дальнейший ход событий известен.

— Отрезвление наступило лишь в госпитале, — признался он мне потом.

Говорил с трудом, часто прерывал рассказ, и тогда чувствовалось, что воин хочет преодолеть стену непонимания.

— О своих истинных намерениях вы сразу рассказали представителю следствия?

— Сразу, ничего не скрыл. Понял, что совершил преступление, запятым честь не только свою, но и коллектива. И решил смыть это пятно во что бы то ни стало и как можно быстрее, — Денис смотрел мне в глаза, говорил искренне, хотя было ему нелегко. Выступившие на лбу капельки пота выдали внутреннее напряжение.

— Успокойся, Денис, уже все позади, — я умышленно перешел на «ты», чтобы вывести солдата из стрессового состояния. Но Тимошук понял это по-своему.

— Жалеть меня не надо. Не за что. Пусть случившееся со мной для других наукой будет, — он задумался, поправил пилотку,

УСТАВ И МЫ

одернул безукоризненно отглаженное обмундирование, вздохнул и продолжил свое грустное повествование.

— Потом был суд. Но помню его смутно. Будто и не обо мне речь шла. Видимо, сознание отказывалось воспринимать реальность. Три года дисциплинарного батальона — таков был приговор суда. Если бы не отец... — Денис устало прикрыл глаза и надолго замолчал. Задумался и я.

Да, рядовой Тимошук, так рвавшийся домой, не желая беспокоить родителей и жену, решил нести тяжелую ношу один. Опять один. Самолюбие, сыгравшее в его судьбе роковую роль, не позволило обратиться за помощью и советом даже к близким. Ничем не оправданная вера в свои силы отодвинула на второй план веру в людей. Сердце дрогнуло только тогда, когда в зал суда вошел пожилой, седой человек с укором во взгляде: «Что ты сделал, сынок?» «Прости, отец», — онемевшими губами прошептал Денис. Так и прощел весь процесс, стараясь не смотреть в его сторону.

— После приговора я чувствовал себя, как бы в невесомости, обрывки мыслей плавали в холодной пустоте, — продолжал Тимошук. — Перед собой отчетливо видел лишь одну цель — искупить вину честной, добросовестной службой.

— В дисциплинарном батальоне трудно было?

— А как думаете? — ответил Денис и добавил: — Конечно, нелегко, попадать туда не советую никому. — Он задумался ненадолго. — Часто слышишь такой довод, что пребывание в дисциплинарном батальоне не отражается на анкете, мол, судимости-то нет, личное дело чисто. Да разве в этом суть? Ведь груз совершенной ошибки будет давить всю жизнь. И чем дальше, тем больше. По себе знаю.

— Вы полностью отбыли наказание? — несколько переменяя тему разговора, спросил я.

— Отпустили через полтора года. Добился этого

честным трудом, примерным поведением, — спокойно ответил Денис и, усмехнувшись, продолжил: — Но и этого времени хватило с избытком, чтобы понять прописную истину — обойти закон невозможно.

Тимошук тяжело вздохнул, затем твердо сказал:

— Жаль, что для этого пришлось пройти, если так можно выразиться, «дисбатовскую школу».

Денис встряхнул головой, как бы отбрасывая невеселые воспоминания, обратился ко мне:

— Из нашей беседы я понял, что вы собираетесь на моем примере предостеречь солдат от необдуманных поступков?

Получив утвердительный ответ, солдат попросил: — Согласен, думаю, определенная польза от этого будет, но... измените, пожалуйста, мою фамилию. Того человека, который нажал спусковой крючок, нет, он стал другим, и упоминать о нем, по-моему, не стоит.

Я обещал выполнить его просьбу. Но еще раз подчеркиваю, что за ней стоит реальный человек, споткнувшийся и сумевший встать на ноги, трезво оценивший совершенное им и не желающий, чтобы его путь повторяли другие.

При расставании он сказал: «Прежде чем что-то сделать, надо сто раз подумать. Иначе будешь потом всю жизнь казнить себя».

Подошедший политработник кивнул в сторону Тимощука:

— Стараются. Служит хорошо. Командование вышло с ходатайством о досрочном его увольнении в запас...

Ну что ж, заслужил так заслужил. Но выводы из его преступления сделать надо. И не только сослуживцам Тимощука, но и командирам. И очень жаль, что тогда, два с половиной года назад, этому случаю не было дано должной оценки. Кто-то возразит: мол, после драки кулаками не машут, что-де тех людей давно нет — или уволены в запас, или служат в других местах. Да, согласен, точнее, вынужден согласиться, время упущено. Но только в отношении конкретных лиц, а не в оценке реальной обстановки, которая сложилась в этом подразделении.

Состояние воинской дисциплины (это признали многие) вызывает серьезную озабоченность и беспокойство. Еще имеют место неуставные взаимоотношения, есть случаи пьянства. Значит, надо бить тревогу, и чем скорее, тем лучше. Начинать с качественного улучшения индивидуальной воспитательной работы. Ибо душевная слепота, инертность и равнодушие отдельных командиров, партийных и комсомольских активистов и приводят, по моему, к трагедиям, какая случилась с рядовым Тимощуком. Такое не должно повторяться.

**Прапорщик
И. БОЛДИН.**

Привселожное УВВ.

ПОЛУЧЕН ОТВЕТ

начальника ГУМТ и ВС генерал-лейтенанта внутренней службы И. Т. Комова на статью «Ножовка... к «Пиону» [1988, № 7].

Недостатки обеспечения подразделений ИТСО техническими ресурсами имеют место. Так, не хватает мастерских на базе автомобиля ЗИЛ-130, не совершенна их комплектация. К сожалению, исправить это немедленно невозможно.

Что касается снабжения материалами и запасными приборами, то Уральское ОУМТ и ВС получает их столько, сколько просят части. Их заявки в основном удовлетворяются полностью, и недостаток в чем-то — чаще всего следствие несвоевременного оформления заявки или ошибки в планировании потребности. Для устранения этих недостатков, в частности, обеспечения военнослужащих спецодеждой, Уральскому ОУМТ и ВС установлен определенный срок.

СПЕЦИАЛИСТЫ

Не о таких ли специалистах, как старший прапорщик Н. Ларин, прапорщики А. Галискаров и А. Бедрин, сказано: дело мастера боится. Не только технику, но и людей, эксплуатирующих ее, могут настроить эти мастера на рабочий лад. А на службе, согласитесь, дельный совет многого стоит.

■ Специалист первого класса старший прапорщик Николай Петрович Ларин со своими молодыми коллегами: беседа накоротке.

■ Об Александре Петровиче Бедрине в подразделении говорят: золотые руки.

■ Обучая радиомехаников, прапорщик А. Галискаров основной упор делает на практику.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

ПЕРЕСТРОЙКУ механизма социалистического хозяйствования приходится осуществлять на марше при сохранении многих старых подходов. Отсюда — некоторые сбои, накладки, столкновения. И тем не менее наша экономика постепенно набирает обороты.

В 1987 году впервые весь прирост валового (национального) дохода СССР получен за счет повышения производительности труда. Выполнены основные плановые задания первого полугодия 1988 г. В сравнении с соответствующим периодом прошлого года объем промышленной продукции возрос на 4,7 процента против 4,2 процента по плану. Стабильно работают отрасли топливно-энергетического и металлургического комплексов. По стране в целом закупки скота и птицы увеличились на 5, молока — на 6 процентов.

Производство предметов потребления в промышленности стало опережать производство средств производства: темпы прироста группы «Б» в полтора раза превысили темпы прироста продукции группы «А». Такой структурный сдвиг — важный аспект повышения эффективности социалистического производства, поскольку предметы народного потребления всегда результат, а средства производства — всегда затраты.

В первом полугодии текущего года выполнен план товарооборота. Объем платных услуг населению возрос на 17 процентов. Ввод жилья увеличился на 2 процента. Возросла сеть санаториев, учреждений отдыха, туристских гостиниц и баз. Все это реальные плоды перестройки. Как видим, тенденция к оздоровлению социально-экономической обстановки получила развитие и во втором году двенадцатой пятилетки. И это тогда, когда еще буксует перестройка механизма социалистического хозяйствования. Об этом говорили многие делегаты XIX Всесоюзной конференции КПСС. Практические меры по реализации принятых решений сконцентрированы в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на июльском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Статью рекомендуется использовать при изучении темы «Актуальные проблемы радикальной экономической реформы в советском обществе».

I. ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ МЕХАНИЗМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Сейчас руководители всех рангов настойчиво требуют от экономистов глубоких разработок в сфере действия и использования законов социалистического хозяйствования. Характерно в этом отношении выступление председателя колхоза имени Кирова Херсонской области Д. Моторного на XIX Всесоюзной конференции КПСС. «Мы не умеем использовать объективные экономические законы, особенно закон распределения по труду, — сказал он. — И в этом огромная вина ученых-экономистов. Экономическая наука дает рекомендацию методом проб и ошибок».

Действительно, изобретаемые некоторыми экономистами и финансистами нормы отчислений от прибыли, фонда зарплаты, численности работников такие, что чем выше прибыль, тем выше отчисления. Это, конечно, не способствует росту производительности труда и продуктивности. Этим самым экономические рычаги на практике становятся рычагом торможения. Надо вырвать у аппаратчиков узурпированное ими право командовать. Должно стать законом: распоряжаться деньгами может только тот, кто их зарабатывает. Словом, нужны действительно научно обоснованные нормативы отчисления в бюджет и централизованные фонды. Только такие нормативы в состоянии обеспечить планомерное функционирование хозяйственного механизма в новых условиях. А допущенные перекосы надо незамедлительно исправлять.

Механизму действия каждого экономического закона должен соответствовать механизм его практического использования с выходом на юридические законы хозяйственного права. Так, закон тождества труда и собственности входит в практику хозяйствования в виде многообразных форм арендного, бригадного, семейного подряда, когда соответствующий трудовой коллектив обладает правами владения, пользования, распоряжения землей, техникой, трудовыми и финансовыми ресурсами, готовой продукцией. Плата за ресурсы — действенный хозрасчетный рычаг эффективного их использования.

Основной экономической закон социализма, управляющий его высокой социальной целью, разрешая основное противоречие социализма, выступает в практике хозяйствования в виде комплексной эффективности производства. Последняя охватывает необходимость многократного роста производительности труда на прочной базе повышения фондоотдачи, эффективности текущих материальных затрат, качества (полезности) продукции в соответствии с ГОСТами, требованиями госприемки. Закон социалистического накопления, управляющий триллионным фондом капитальных вложений в 12-й пятилетке, представлен в практике хозяйствования системой темпов и пропорций социалистического воспроизводства. Ускорение темпов на основе прогрессивных структурных сдвигов, повышение комплексной эффективности производства, наполнение темпов новым качеством — стратегия КПСС в условиях перестройки.

Особую роль играет увеличение доли предметов народного потребления в годичном продукте, доли фонда текущего потребления в валовом (национальном) доходе. За 15 лет, с 1971 по 1985 год, доля национального дохода, направляемая на потребление, составила в среднем 73 процента. За последние два года она несколько возросла. В ГДР, ЧССР, ряде других социалистических государств используются возможности для направления на потребление свыше 80 процентов национального дохода на основе повышения эффективности накопления, капитальных вложений, фондоотдачи, всей комплексной эффективности производства.

Принципиальное значение в этой связи имеет установка XIX Всесоюзной конференции КПСС: «Социальная переориентация экономического развития, увеличение доли потребления в национальном доходе должны стать стержнем всей структурной и инвестиционной политики, краеугольным камнем формирования темпов и пропорций экономики».

В деле совершенствования оперативного планирования в трудовых коллективах существенно возрастает сейчас роль планов организационно-технических мероприятий, планов социального развития коллективов, коллективных договоров — этих исторических предшественников планов экономического и социального развития. Оргтехпланы, разрабатываемые непосредственно коллективами цехов, бригад, участков с разбивкой по кварталам и месяцам года, вбирают в себя рационализаторские предложения каждого конструктора, проектировщика, технолога, рабочего по повышению производительности труда, фондоотдачи, экономии топлива, энергии, сырья, материалов, по связям с НИИ и КБ, по совершенствованию узлов, технологических операций и т. п. Проекты оргтехпланов защищаются «треугольниками» цехов перед службой главного инженера, контролируются затем советами трудовых коллективов. Ведь никто резервы повышения эффективности своего производства не знает лучше самих рабочих на своих рабочих местах. Этому как раз и отвечает

предельная конкретность оргтехплана, который сейчас получает поистине второе дыхание.

Перестройка механизма социалистического хозяйствования требует также существенного улучшения практического использования закона социалистического применения машин. Они — первый помощник трудового человека в деле усиления творческого содержания труда, его облегчения, расширения производства для повышения народности благосостояния. Важнейшим направлением такой перестройки является организация в масштабах целых городов многосменного режима работы оборудования. По данным Госкомстата СССР, на конец 1987 г. двухсменным режимом работы было охвачено 28,1 процента рабочих, а трех- и четырехсменным — 21,8 процента. Коэффициент сменности в промышленности составил 1,46. За 1987 год высвобождено 112 тысяч единиц оборудования на сумму 681 млн. руб. и 1,4 млн. квадратных метров производственных площадей. Удельный вес продукции машиностроения, освоенной в СССР впервые, в общем объеме товарной продукции увеличился в 1987 г. втрое против 1985 г., хотя и достигает еще 9,1 процента. Налажен серийный выпуск новых гибких производственных модулей, автоматических линий для механообрабатывающего и кузнечно-штамповочного производства, дизельного автомобиля ЗИЛ-4331 грузоподъемностью 6 тонн, переднеприводного автомобиля класса ВАЗ-2109. Выпущена крупная промышленная партия комбайна «Дон-ротор», изготовлен не имеющий аналогов конвертер с комбинированной продувкой емкостью до 370 тонн.

Процессом распределения предметов потребления в нашем обществе управляет закон распределения по труду, особенно по его качеству. Сложность практического применения этого закона в том, что необходимо соблюдать принцип «в каждом отдельном случае», поскольку способности каждого работника индивидуальны и конкретны. Поэтому и надо строго соблюдать соответствие индивидуального трудового пая индивидуальному трудовому вкладу. И здесь особенно нужна настоящая юридическая служба, поскольку этим законом определяется заработная плата, премия, на которые живет семья. Важно добиться, чтобы заработная плата в порядке обратной связи воздействовала на рост производительности труда, фондоотдачи, экономии текущих затрат, качества продукции, хозрасчетного дохода. Поскольку последний и зарплата выступают в денежной форме, нужен общественный контроль за мерой труда и мерой потребления. Действует и закон стоимости — закон, обеспечивающий работу каждого коллектива на потребителя, а не на склад. Отсюда его обратное воздействие на хозрасчетную деятельность трудовых коллективов, особенно на реализацию продукции потребительского назначения, поскольку дело приходится иметь с массовым потребителем-держателем денег свидетелями о доле индивидуального пая потребителя в общественном богатстве и доходе.

II. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛНОГО ХОЗРАСЧЕТА

Основное в перестройке механизма социалистического хозяйствования — это обеспечение на деле, фактически самостоятельности управления, планирования всеми процессами жизнедеятельности каждого трудового коллектива, его полной самостоятельности в сфере производства и обмена, в социальном развитии. Это властно диктуется самой природой главной производительной силы социализма, которая является воплощением единства собственника, производителя, хозяйствующего субъекта (направителя планомерности) и потребителя. Каждый отряд главной производительной силы: научные работники, конструкторы, проектировщики, технологи, инженерно-технические работники, рабочие и служащие, колхозники, студенты — должен работать по законам реального, полного хозрасчета с учетом специфики данной сферы, отрасли, региона. Судьба перестройки решается в трудовых коллективах, на рабочих местах. Именно здесь и должно быть обеспечено действительное хозяйствование всем и каждому так, чтобы хозяйствующий субъект стал подлинным хозяином, творческой личностью. Обеспечить всем и каждому работу по его специальности, по индивидуальным и конкретным способностям, в соответствии с конкретным опытом работы в данном коллективе — вот самая глубокая сущность социалистического хозрасчета.

Нельзя сказать, что у нас не было хозрасчета. Он был, только формальный и неполный. Формальный — так как коллектив не мог полностью распоряжаться своим доходом, а зарплата была от него оторвана. Неполный потому, что хозрасчет не охватывал всех элементов применяемых производительных сил, ресурсов, а ограничивался только текущими материальными затратами. Текущие издержки производства необходимо неуклонно снижать на каждую натуральную единицу продукции. Иначе не будет расти прибыль как денежная форма прибавочного продукта — результат повышения относительной производительности труда, всей комплексной эффективности производства. Прибыль — финансовый рычаг, финансовый ресурс хозяйственной самостоятельности коллектива. Однако нужные ему материальные ресурсы производственного и потребительского назначения производит общество в целом как единый народнохозяйственный комплекс. Вот об этом никому не следует забывать.

Чем больше мы будем получать хлеба в расчете на один трактор, комбайн, автомобиль, на каждый гектар посевной площади, тем выше будут фондоотдача и выработка тракториста, комбайнера, водителя на уборке урожая. Чем выше будут надои молока на фуражную корову, суточные привесы бычков на откорме, настриг шерсти с одной овцы, яйценоскость курицы-несушки, то есть фондоотдача в животноводстве и птицеводстве, чем выше выработка доярок, скотников, чабанов,

птичниц — тем быстрее решим продовольственный вопрос. То же самое относится к овощеводству, садоводству, виноградарству, чаеводству и т. п.

Почему самостоятельность управления, в том числе планирования, хозяйствования каждого трудового коллектива, каждого его подразделения, работника — основной элемент перестройки хозяйственного механизма? Объективная причина в том, что конкретны и многообразны в своей индивидуальности способности членов трудовых коллективов. Чем выше их квалификация и конкретный опыт работы, тем успешнее они могут выполнить самые сложные и ответственные задачи. Наряду с этим труженикам приходится повышать эффективность производства в самых разнообразных, порой неблагоприятных, почвенно-климатических, горно-геологических, рельефных, транспортных условиях. Различны и техническая оснащенность труда, возрастная структура оборудования и т. п.

Вся эта совокупность конкретного многообразия условий хозяйствования и есть действительная экономическая причина, порождающая необходимость самостоятельности хозяйствования повсеместно. Самостоятельность порождает свои формы. Таковыми являются: самоуправление, самостоятельность способностей, самоснабжение и самосбыт, самофинансирование и самокупаемость. Каждая из этих форм имеет свое специфическое содержание, соответствующее региону, отрасли, коллективу.

Находящийся в процессе перестройки механизм социалистического хозяйствования начинает оказывать положительное воздействие на решение многих социально-экономических проблем, на обстановку в трудовых коллективах. Предприятия, уже переведенные на полный хозрасчет и самофинансирование, более высокими темпами наращивают производительность труда, прибыль, снижают себестоимость продукции. Весь прирост объема промышленного производства получен ими за счет роста производительности труда при снижении численности промышленно-производственного персонала. Увеличение прибыли достигнуто в основном за счет снижения себестоимости и сокращения материальных затрат.

Успехи могли бы быть более весомыми, если бы не были допущены серьезные недостатки в формировании госзаказа, применении нормативов. Не все коллективы оказались готовыми работать самостоятельно и ответственно. До сих пор сохраняются серьезные упущения в использовании наличных производственных мощностей, поскольку они не везде задействованы в систему полного хозрасчета.

Необходима подлинная самостоятельность хозяйствования в условиях действительного демократического централизма, ибо демократизм централизма — в его научности, которая нужна каждому трудовому коллективу, каждому труженику как непосредственная производительная сила.

П. МАЛЫШЕВ,
доктор экономических наук, профессор.

В ТЕЧЕНИЕ года под рубрикой «Что может ротная парторганизация?» на страницах журнала шел заинтересованный разговор. Актуальность его подтверждается тем, что проблемы ротных коммунистов не оставили равнодушными, как свидетельствует почта, не только профессиональных работников, но и выборный партийный актив. Да это и понятно. Перестройка, свежий ветер перемен не могли не коснуться самого многочисленного партийного звена, каким являются ротные партийные организации, объединяющие в своих рядах около шестидесяти процентов коммунистов войск.

Рота всегда была центром партийно-политической работы. А первостепенная роль здесь принадлежит ротным партийным организациям. И об этом речь шла в материалах секретаря парторганизации роты прапорщика Р. Шакировой «Если можно, не переводите...» (УВВ по Уралу), лейтенанта А. Камышанова «Возвышая ответственность» (УВВ по Западной Сибири), майора Н. Могученко «Ядро коллектива» (УВВ по Северо-Западу и Прибалтике) и в других публикациях.

Однако надо отметить, что пока далеко не везде еще партийные организации рот стали политическим ядром воинских коллективов. Коммунисты в них есть, а ядра нет. Нет той цементирующей силы, которая бы сплотила горстку партийцев-единомышленников в одно целое, способное повести за собой солдатскую массу. Нередко вместо такого единого целого встречается нечто расплывчатое, бесформенное, безликое, далекое от конкретных, революционных установок XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции, от требований сегодняшнего дня. А с этим мириться нельзя никак.

Не претендуя на истину в последней инстанции, хотелось бы высказать ряд соображений по поводу того, что надо, чтобы ротная партийная организация на деле стала политическим ядром воинского коллектива.

На первое место, думается, нужно поставить организационное укрепление ротных партийных организаций. Оно вытекает из роли, которую они играют в жизни войск. Поэтому настаивают раздающиеся в последнее время все громче и громче голоса: а не ограничиться ли в ротах созданием партгруп или не отказаться ли вообще от парторганизации? С такой постановкой вопроса невозможно согласиться. В условиях возрастания роли партии в революционном процессе политорганы должны в первую очередь проявлять заботу об укреплении ротных партийных организаций, ибо это та важнейшая ячейка, где решается судьба перестройки.

СИЛОЙ УМЕНИЯ

ЧТО МОЖЕТ
РОТНАЯ ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ!

Порой кое-где спрашивают: а что в действительности могут ротные партийные организации, если в их составе нередко три-четыре коммуниста?

Да, сомнение не беспочвенное. Несмотря на то, что более сорока процентов ротных партийных организаций насчитывают десять и более человек, причем во многих из них даже есть партийное бюро, процент малочисленных организаций остается еще значительным. Но и к партийной работе вполне применимо суворовское: «не числом, а умением». И войсковая практика наглядно подтверждает это. Вот один из типичных примеров. В парторганизации, которую возглавляет капитан А. Голенищев, семь коммунистов, а добрых дел ими сделано столько, что не под силу подчас партийному коллективу в двадцать-тридцать человек. Здесь качественно выполняются служебно-боевые задачи, четко налажена система обучения и воспитания личного состава, созданы нормальные бытовые условия. Подразделение вот уже в который раз подтверждает звание отличного. Как тут не вспомнить слова В. И. Ленина: «Партия — сознательный, передовой слой класса, его авангард. Сила этого авангарда раз в 10, в 100 раз и более велика, чем его численность».

Возможно ли это? Может ли сила сотни превышать силу тысячи?

Может и превышает, когда сотня организована.

Организация удесятеряет силы...»

Вождь видел силу коммунистов в их организации. И если ротный партийный кол-

лектив действительно организация, а не просто место сосредоточения коммунистов, значит, он может многое, он — сила!

В то же время политорганам нельзя забывать и о росте численного состава партийных организаций, рассматривая это как одно из условий повышения их активности и боевистости. Искусственно же увеличивать парторганизацию роты за счет прикрепления к ней коммунистов управления батальона или части, как еще практикуется в некоторых местах, не стоит. Это противоречит принципам партийного строительства. Коммунист должен находиться на партучете в том первичном звене, где он служит. Здесь надо идти по пути закрепления коммунистов в подразделениях, приема в партию лучших военнослужащих, и в первую очередь офицеров, прапорщиков.

Постановление ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе Ташкентской областной парторганизации по приему в партию и укреплению партийных рядов», материалы XIX Всесоюзной партконференции дают четкие ориентиры в этой деятельности. Кроме того, необходимо строго выполнять требования Центрального Комитета об учете при приеме в партию мнения коллектива, где трудится вступающий. Значение ротной парторганизации в вопросах роста партийных рядов исключительно велико, ибо здесь, как нигде, глубоко и всесторонне знают людей. Здесь каждый на виду.

Активность партийной организации во многом зависит и от того, кто ее возглавляет. Если секретарь безынициативный, ленивый, спит на ходу, может ли он расшевелить коллектив, мобилизовать его на решение выполняемых задач? Конечно же, нет! Такой секретарь должен уступить свой пост другому вожаку — авторитетному, активному, энергичному, обладающему организаторскими способностями, тому, кто умеет отстаивать интересы коллектива, боится душой за дело, стремится постоянно искать новое. О подобном ротном партийном вожаке — прапорщике В. Болотном рассказывалось в статье майора Н. Могученко «Ядро коллектива». И настоящих лидеров партийных коллективов в войсках сегодня немало.

К сожалению, мы имеем примеры и другого рода. Нередко на должность секретаря избирают человека с целью «списать» на него ответственную, нелегкую нагрузку, рассуждая так: пусть выбирают кого угодно, лишь бы не меня. По этой причине иногда во главе парторганизаций оказываются люди неавторитетные, а то и с партийными взысканиями или не имеющие годичного партстажа, как это было в частях, где служат политработники офицеры А. Лапенков, М. Сахибгареев.

Правы авторы корреспонденций в том, что главными условиями повышения активности парторганизаций являются примерность коммуниста, его авангардная роль. Чего греха таить, чуть ли не в каждой роте встречаются коммунисты пассивные, которых годами не вытащишь даже на

трибуну, стремящиеся отсидеться за спиной своего товарища. Такие люди часто забывают об обязанностях члена партии, о тех весомых словах, которые писали они в своих заявлениях, вступая в КПСС. Для них членство в партии — это, в первую очередь, возможность занять определенную должность, получить выгоду. Так, в роте, где секретарем старший лейтенант Н. Уринбаев (Приволжское УВВ), пять коммунистов из шести имели дисциплинарные взыскания, а коммунист лейтенант А. Белогородцев, вступивший в неслужебную связь с осужденным, — и строгое партийное. О какой же авангардной роли этой парторганизации может идти речь?

В партийных организациях войск накоплен немалый опыт усиления спроса с коммунистов за выполнение партийного и служебного долга. Он хорошо раскрыт в статьях «Возвышая ответственность» лейтенанта А. Камышанова, «Коммунисту поручено...» капитана В. Козел и в других. Действенной формой повышения активности, ответственности коммунистов являются их отчеты перед партийным коллективом. Вместе с тем кое-где и в этом важном деле много формализма, показухи, увлечения количественной стороной в ущерб качеству.

Стремление отдельных секретарей, нередко с благословения вышестоящих партийных органов, за короткий промежуток времени охватить отчетами всех коммунистов должной пользы не приносит. Они превращаются в очередное мероприятие для галочки. Ненормально и то, когда в парторганизации за год ограничиваются заслушиванием лишь одного-двух коммунистов. Отчет коммуниста должен готовиться основательно, всесторонне, чтобы он на деле стал для него школой воспитания, выноситься на ротное партийное собрание, как правило, в качестве основного вопроса. Редки в некоторых парторганизациях повторные отчеты коммунистов. Бывает, что никто не интересуется, как после него член партии, кандидат в члены КПСС устраняет недостатки. Правильно поступают в тех партийных коллективах, когда по отчету коммуниста принимается партийная характеристика, в которой всесторонне отражена его деятельность.

Формированию активной жизненной позиции коммуниста способствует и практикуемая в ряде парторганизаций личностная оценка его. Ее дает перед началом партсобрания секретарь, анализируя, как тот или иной товарищ участвует в общественной работе, в воспитании сослуживцев, каков его вклад в укрепление воинской дисциплины, решение задач боевой службы.

Исключительно важную роль в активизации позиции коммуниста играет его идейная закалка. Кто он: проводник политики партии или обывательской, иждивенческой морали, воинствующий марксист или соглашатель, боец переднего края или сторонний наблюдатель, плетущийся в хвосте событий? Партийной организации следует

знать, что коммунист читает, как работает над собой, как пропагандирует установки партии, как относится к политической учебе. Забота об идейной закалке партийца — первейшая задача партийного коллектива.

Ничто так не влияет на активность коммуниста, как пренебрежение его мнением. Нередко мы встречаемся с фактами, когда продуманные, дельные предложения с трибуны партийных собраний остаются без внимания, повисают в воздухе. Так поступать — значит обречь партийную организацию на пассивность, бездеятельность. По каждому предложению, замечанию коммуниста должно быть принято решение и о его реализации сообщено всему коллективу.

Парторганизация не может выполнять роль авангарда, политического ядра воинского коллектива без расширения демократии, гласности, критики и самокритики. Каковы же основные пути демократизации партийной работы? Это, в первую очередь, создание таких условий, чтобы каждый коммунист чувствовал себя равным среди равных, имел возможность свободно высказаться по любому вопросу и внести предложения. Правильно делают в тех партийных организациях, где принимаемое решение является плодом труда всех коммунистов и где на очередном собрании обязательно информируют о его выполнении.

Забываясь о демократизации партийной жизни ротного коллектива, необходимо смело и решительно изживать бытующие кое-где административно-командные методы деятельности. Некоторые вожаки, получив партийную власть, начинают разговаривать с коммунистами в приказном тоне, повелевать, что, конечно, никак не вяжется с демократизацией.

«Партийные организации и партийные комитеты на всех уровнях, — говорил М. С. Горбачев на XIX Всесоюзной партконференции, — должны стоять на страже развития критики и самокритики, выступать с принципиальных позиций». Далеко не во всех ротах идет с таких позиций разговор. Приглушенно звучит критика в адрес вышестоящих коммунистов-руководителей, не дается решительный отпор тем, кто зажимает критику, преследует за нее. Сейчас, как известно, нет запретных зон для критики, как нет и лиц, которых нельзя критиковать. Однако критика должна быть справедливой, доброжелательной, в интересах дела, недемагогичной. Развитие демократии, гласности ни в коей мере не может подменяться всепроцентством, вседозволенностью, либерализмом. Демократия — это прежде всего строжайший порядок в нашем партийном доме, высочайшая партийная дисциплина для всех, кто какую бы должность ни занимал.

И еще одно, на наш взгляд, важное обстоятельство. Сила партийной организации — в связи с массами. Только опира-

ясь на воинский коллектив, на общественные организации, и в первую очередь комсомольскую, коммунисты могут добиться успеха. В некоторых ротах партийцы работают оторванно от людей, не советуются с ними, решают все свои вопросы келейно, не вынося их на широкое обсуждение. Работа таких парторганизаций обречена на провал. Закрытых собраний в партийной организации роты быть не должно: прием в партию, рассмотрение персональных дел коммунистов, других вопросов, как правило, надо проводить открыто, с приглашением беспартийных товарищей. Необходимо, не скрывая ничего, говорить о недостатках и упущениях.

В то же время нельзя ограничивать руководство комсомольской организацией лишь присутствием коммунистов на ее собраниях, заседаниях бюро ВЛКСМ, хотя это тоже важно. Здесь постоянно должно быть единство действий, причем не старшего с младшим, а равного с равным. Не опекать комсомольцев, а больше помогать им, советоваться с ними, идти навстречу их начинаниям, искать в них своих единомышленников. Ротная парторганизация ближе всех к комсомолу, и эта близость должна стать источником деловитости, энергичности, сплоченности комсомольских рядов.

Одна из действенных форм руководства комсомолом — работа коммунистов в выборных органах ВЛКСМ. Конечно, речь здесь идет о коммунистах комсомольского возраста. К сожалению, кое-где избирают в состав бюро ВЛКСМ тридцати — сорокалетних коммунистов. А порой выдвигают в эти органы... заместителей командиров рот по политчасти.

И еще один, немаловажный фактор, влияющий на уровень партийной работы, — отношения между секретарем парторганизации и заместителем командира роты по политчасти. Кое-где ротные политработники пытаются поставить себя над секретарями, командуют ими, занимаются назидательностью, сковывают инициативу. Замполит — ближайший помощник, наставник, советчик партийного вожака. Он глубоко вникает в деятельность парторганизации и совместно с секретарем организует выполнение принятых решений и стоящих задач. Не руководит, а организует. И там, где эти два партийца работают согласованно, дружно, творчески, там результаты не замедлят сказаться.

Перестройка требует сегодня коренного обновления партийной работы во всех ее звеньях, в том числе и в самом низовом — ротной парторганизации. Ротные партийные коллективы — это те кирпичи, из которых сложено партийное здание войск. И чем крепче каждый кирпич, чем тщательнее отточены его грани, тем крепче и монолитнее наш общий партийный дом.

Полковник Н. ЗАХАРЧЕНКО.

«НЕФОРМАЛЫ, ШЛГ ВПЕРЕД!..»

600

ОТ НИХ исходил густой смешанный запах помидар и спиртного. Они поминутно вскакивали, выбрасывали вперед руки с растопыренными пальцами, выкрикивали отрывочные фразы, улюлюкали, визжали. Их разноцветные прически напоминали петушьи гребешки. Одежда — кожаные или дерматиновые куртки и узкие брюки — навязчиво блестела белым металлом: клепками, цепочками, шипами. Вели себя парни так, будто в огромном переполненном зале кроме них не было зрителей, хотя легко угадывалось, что всем существом своим они «играют на публику».

— Каково впечатление от «Юрай Хип»? — спросил в антракте один из нас паренька-«петушка», который сидел ближе.

Тот с деланным равнодушием окинул взглядом любопытного военного, несколько секунд помедлил, будто сомневаясь, стоит ли снизойти до объяснения. Потом спросил:

— Записи старого «Хипа» слышали? Этот — уже не тот «Хип», — разочарованно кивнул в сторону сцены. — А «Земляне» — вообще лажа (ансамбль «Земляне» выступал вместе с английской рок-группой «Юрай Хип». — Ред.).

— В армию скоро?..

— Что? — рот паренька вдруг перекосило, словно раскусил лимон. — Скоро. Пошла она... — и отвернулся. С этой минуты собеседник, осмелившийся напомнить о неприятном, потерял для него всякий интерес.

Та встреча на концерте всплывает в памяти всякий раз, когда нет-нет да и узнаешь: виновник ЧП в подразделении — бывший так называемый неформал.

...Рядовому Плотникову можно было позавидовать. Фигура Аполлона. Раздевался до пояса и играл мышцами — заставлял «оживать» любую жилку своего торта. Ежедневно «качал железо». Но почему-то всегда один, в сторонке, молча. В его тумбочке, на двери и в ящике, на пестрых вырезках из журналов красовались западные супермены. В контакт с сослуживцами всту-

пал неохотно. Если что нужно было — подходил и сухо требовал: «Дай...». За целый год ни с кем не сблизился, не подружился. В возникающих все чаще конфликтах с солдатами младшего призыва был груб, угрожал «размазать по стенке». Командиру взвода как-то признался: «В наше время сила — это все». А однажды в стычке с сослуживцами схватился за оружие, совершил тяжкое преступление. Осужден судом военного трибунала. Следствие выяснило: до призыва Плотников состоял в группе культуристов, исповедовавших культ грубой силы, культ героев-одиночек...

«Настоящими солдатами не стали». Это нередко можно услышать о тех, кто, прежде чем надеть военную форму, проникся психологией самостоятельных групп и объединений вроде панков, хиппи, нацистов, фарцовщиков... — всевозможных команд отрицательной направленности. В таких «командах» создавалась питательная среда для усвоения мелкобуржуазного мировоззрения, мещанской психологии, чуждых социализму идеологических взглядов.

Западные идеологи, учитывая прежде всего потребность молодежи в самоутверждении, тягу ко всему новому и отсутствие у части ее развитых духовных потребностей, интересов, недостаточный уровень культуры, — используют моду. Именно через моду (на определенные нормы, стиль общения, музыку, прическу, одежду и т. д.) классовый противник внедряет в молодежную среду антигуманное, потребительское, индивидуалистическое и эгоистическое отношение к нашему обществу, старшему поколению, к целям и смыслу собственной жизни.

По данным НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ, в стране насчитывается более 30 тысяч самостоятельных групп и объединений. 70—80 процентов участвующих в них — комсомольцы. 60—70 процентов таких объединений имеет связи в других городах... Происходит заметная политизация самостоятельных движений.

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОБЛЕМА: ВЗГЛЯД НЕ СО СТОРОНЫ

В весьма сложных отношениях с молодежным неофициальным движением оказался призванный воспитывать юношество комсомол. Хотя и авторитетно заявление первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. Мироненко на II пленуме ЦК ВЛКСМ о том, что никакой альтернативы или конкуренции комсомолу объединения молодежи по интересам не составляет нигде, кроме воспаленного воображения людей, утверждающих это, — все же надо признать печальный факт: души, устремления тысяч и тысяч членов союзной молодежи — не с комсомолом.

В нашем блокноте высказывания военнослужащих — бывших членов различных команд:

«Комсомол берется за «большие» дела, а до простых забот рядовых комсомольцев у него руки не доходят...».

«Комсомол — это сплошь скучные собрания, где один что-то читает по бумажке, остальные сидят в зале на задних рядах и зевают...».

«...Говорят о формализме, но как только доходит до дела, забывают о словах, сказанных против формализма, и работают по старинке».

«Комсомол интересуется передовиками и отстающими, а среднее звено выпадает. Всевозможные «команды» как раз из этого звена и набираются».

Замечания отчасти справедливые. Но есть выражения и порезче.

Конечно, было бы неправильно полагать, будто все молодые люди, которые состоят в этих объединениях, являются их активными участниками. Исследования НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ показывают, что большинство юношей и девушек, примыкая к группе, часто не понимают сути, целей и интересов ее участников. Стремясь не отстать от товарищей, они подражают лидерам во внешней атрибутике, поведении. Многих привлекают демократизм общения, возможность самовыражения, желание послушать новейшие музыкальные записи, посмотреть западные видеофильмы и т. п., интересы, которые не могут или не хотят удовлетворить комсомольские организации и учреждения культуры.

Общие интересы, как известно, сблизят. Не удивительно поэтому, что уже на учебных сборах молодые солдаты ищут себе друзей не только среди земляков, но и из тех, чьи увлечения близки им.

Беседуя с рядовым С. Кисловым, призванным из Горького, комсомольский работник спросил его о причинах неприязни к сослуживцу рядовому В. Войтенко. Тот ответил: «С ним не о чем поговорить. Он даже не знает, что такое «Эй-Си, Ди-Си» (сам же рядовой Кислов назвал около 100 рок-ансамблей). Но суть в другом: часто таким, как рядовой Кислов, «не о чем по-

говорить», к сожалению, и с комсомольскими активистами, политработниками. Мы долго искали в войсках комсомольскую организацию, где бы работа с участниками самодетельных групп велась интересно, а главное — системно. Но так и не нашли. Беседы с комсомольскими работниками, активом в управлениях войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири, Уралу, Средней Азии и Казахстану, Северному Кавказу и Закавказью и других показали, что большинство из них не только не учитывают в своей деятельности новые явления в молодежной среде, но и не имеют о них ясного представления. Встречаются и иные ситуации. Секретарь комитета комсомола одной из частей старший лейтенант А. Касперук (сейчас он на другой должности), вытащив из сейфа пухлую папку с вырезками из газет, хвалился: «Вот сколько собрали материала о неформалах...». На деле же оказалось, что комсомольские «активисты» ни разу даже не попытались использовать имеющуюся информацию для откровенного разговора на волнующие солдат и сержантов темы.

В отношении к солдатам, пришедшим на службу из самодетельных команд, в войсках, на наш взгляд, явственно прослеживается несколько ошибочных позиций. Первая, пожалуй, самая распространенная.

«Неформалы? У нас?.. — искренне удивляется политработник в звании полковника. — Это они на «гражданке»... А здесь — все одинаково подстрижены». Не правда ли, почти по Чехову: «у нас» этого не может быть, потому что «здесь» этого не может быть никогда... Увы! По данным того же НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ, более 50 процентов участников неофициальных групп — молодые люди до 17 лет, более трети — до 20 лет. От них не отмахнешься. Они идут «к нам». Постричь всех одинаково — еще не значит решить все проблемы. Примеры с рядовым Плотниковым, другими подтверждают это.

Иные политработники и комсомольские активисты убеждены, что девиз «не пущать» по-прежнему актуален, что даже разговоры о всяких неформальных группах надо запрещать, дабы не создавать им «ненужную рекламу». Таким образом, все неформалы записываются в негатив.

Но, как известно, многолетнее запрещение ни к чему хорошему не привело. И потом, существует немало молодежных объединений и групп («Миросердие», «Патриот», «Руслан», группы спасения памятников культуры и др.) с целями и делами социально полезными, благородными. Таким в обществе, как говорится, «зеленый свет».

Не надо забывать и решения XX съезда комсомола, повнимательнее читать материалы II Пленума ЦК ВЛКСМ. На последнем, в частности, говорилось, что у комсомольцев никто не отнимает

права удовлетворять свои личные интересы и склонности в любом объединении или общественной организации, если их деятельность не противоречит Уставу ВЛКСМ.

Некоторые комсомольские активисты, что огорчительно, уже в начале разговора о неофициальных группах пожимают плечами, обнаруживают полнейшее незнание интересов современной молодежи.

А ведь для того, чтобы человека успешно воспитывать, надо его хорошо знать. А. С. Макаренко предупреждал, что наиболее опасным элементом в воспитательной работе является не тот, который обращает на себя особое внимание, а тот, кто прячется.

Вспоминая наказ великого педагога, политработник офицер В. Манкевич считает, что начинать серьезное знакомство, изучение призывников надо уже на сборном пункте и особенно по пути следования в часть. Именно в этот период новички охотно идут на контакт с офицерами и сержантами, часто делая личным, сокровенным. Потом они, к сожалению, как бы закрываются, и работать становится труднее.

— Разобравшись в увлечениях и запросах молодых солдат, — сказал в беседе с нами комсомольский вожак одной из частей офицер Г. Дешин, — мы стремимся помочь им уяснить свое место в обществе и подразделении. Не боимся, например, привлечь поклонников рок-музыки к участию в художественной самодеятельности, пропаганде музыкальных новинок.

— Молодежными движениями я интересуюсь давно, — рассказывает командир взвода лейтенант И. Хрыкин, — читаю о них все, что встречается в периодике. Хорошо усвоил, например, что представители так называемой «системы», к которой относят себя хиппи, панки и прочие, пытаются провозглашать пацифизм — носят и рисуют «пацки»: трехпалую лапку голубя на фоне земного шара. Им недосуг разбираться, кто прав, кто виноват, кто действительно борется за мир, а кто саботирует эту борьбу. Решают: «Все виноваты!» и всеми правдами и неправдами избегают военной службы. Объясняют: «Антигуманно». Конечно, если бы служба состояла в том, чтобы тебя целыми днями кормили плюшками со сгущенным молоком и иногда ласково просили пострелять в свое удовольствие, я уверен, Вооруженные Силы для многих представителей «системы» потеряли бы свою «антигуманность».

— Однажды, — продолжает рассказ лейтенант Хрыкин, — я увидел в своем взводе на учебных сборах молодого паренька с осветленными полосками волос над висками и ушами. Сразу понял: панк. Держится несколько обособленно, глаза внимательные, умные, настроенные. Подошел я к нему не сразу, разговор начал издали. Потом как

бы между прочим стал спрашивать о «системе». И Сергей Ерохин, так зовут солдата, разговорился. Оказался действительно панком...

Мы нашли рядового Ерохина в кулонном наряде. Беседовал с нами, как показалось, искренне, охотно. Родом из города Старая Русса, где кроме панков «подвизались» другие команды — металлисты, стилиги, мажоры, или хайлайфисты («хай лайф» — высокий образ жизни. Это дети богатых родителей. Их атрибуты — внешнее благополучие: автомобили, японские видео- и радиоаппаратура и т. п. — Ред.). Панки Старой Руссы объединялись вокруг тамошней панк-рок-группы «Комфортабельный гроб».

Спрашиваем Сергея:

— Осветленные полоски волос — это что, так сказать, антураж, за которым вызов норме, или причуда юности?

— Скучно быть серым. Мы приходили на дискотеки, ложились посреди зала и весь вечер лежали. Чтобы отличаться от всех, особенно от мажоров. Их мы презирали.

— Дрались?

— Нет, город у нас сравнительно небольшой, почти все друг друга знают. Если и возникали конфликты, то разрешалась обычно мирным путем. Выпивали. Наркотиками баловались единицы.

— Каким в вашей группе было отношение к службе в Вооруженных Силах?

— О, все косили, как могли.

— ?

— «Косили» — значит уклонялись от призыва. Справки о шизофрении себе делали. Один даже достал справку о двух судимостях. Разговоры о службе вертелись вокруг «стариков» и «молдых», об издевательствах... Но службу уже почти месяц и ничего подобного ни разу не видел.

— После службы опять в панки?

— В институт. Я ведь учился в политехническом, но бросил по глупости...

Старший лейтенант Хрыкин сказал нам на прощание:

— К Ерохину пока претензий нет. К нему отношусь внимательнее, чем к другим, но внешне обхожусь так же, как со всеми остальными. Надо дать ему почувствовать себя равноправным членом коллектива, проявить себя. Похвалил его как-то за старание, вижу — это придает ему силы. Думаю, если с ним работать постоянно, получится неплохой солдат.

С поклонником «тяжелого металла» старшим сержантом А. Лапуцем мы встретились за полчаса до его заступления на боевую службу. Александр рассказал, как до призыва фанатично увлекался «металлическим роком» в своем родном Вильнюсе: кассеты с записями групп «Кисс», «Экзепт», «Металлика» заменяли ему весь мир. Но когда пришел служить, по его словам, стал видеть жизнь шире, себя — значитель-

нее в общественных делах. Появился вкус и к современной советской эстрадной музыке — группам «Зодчие», «Рондо», другим.

— По-прежнему мне нравится «Хэви металл», — признается Александр. — Его звуковая насыщенность, внутренний накал. И это, представьте себе, совсем не мешает служить. Отношу себя к умеренным металлистам.

Заметим, в 1986 году объединение металлистов раскололось на две части — «умеренных» и «бешеных». Первые осуждают исполнительское мастерство ансамблей, беседуют об актуальных проблемах современного мира, нашего общества, дискутируют о направлениях эстрадной музыки. «Бешеные» агрессивны по отношению к другим группам молодежи, на черной униформе носят браслеты и ошейники с большими шипами, которые при случае используют в драке. Группа представляет определенную опасность для общественного порядка.

— Я слышал, — сказал нам старший сержант Лапуца, — что в некоторых частях отношение к многим солдатам со стороны офицеров, комсомольского актива негативное только потому, что те были металлистами. Им не доверяют. И напрасно. Большинство металлистов неплохие ребята, по-настоящему любят Родину. Не доверять им — это ошибка.

Секретарь бюро ВЛКСМ батальона рядовой С. Попов рассказал, что в свое время рядовой Лапуца в батальоне встретили хорошо, хотя и несколько настороженно. О том, что он металлист, узнали еще на учебных сборах. Но Александр не только слушал рок-музыку, говорил о ней, — он примерно служил, проявил себя неплохим организатором. Сейчас он — заместитель командира взвода, группкомсорг, член бюро ВЛКСМ батальона, награжден знаком «За отличие в службе» II степени. Это еще раз говорит о том, что неформал неформалу рознь...

В партийных документах мы находим целую программу деятельности комсомольских организаций подразделений и частей по коммунистическому воспитанию молодежи. «Молодежь, — отмечалось на XIX Всесоюзной партийной конференции, — все больше становится не просто участницей общенародной борьбы, но ее ударной, инициативной силой».

Поэтому вовлечение солдат в активную общественную работу с первых дней службы, с учетом их интересов, увлечений и запросов, развитие стремления к творчеству, самовыражению, демократизации общения в условиях строго регламентированной воинской жизни — ответственнейшая задача комсомольских организаций. Она требует серьезной перестройки стиля деятельности комсомольских организаций, отказа от довлеющих над нею стереотипов, превращение комсомола в подлинно самостоятельную организацию. Толь-

ко так можно добиться, чтобы ребята, придя в воинские коллективы из молодежных групп и объединений, органически вливались в организацию ВЛКСМ.

Нет сомнения в том, что начатое партией революционное обновление всех сфер нашей жизни будет благотворно влиять на советскую молодежь и создавать основу эффективной борьбы с группами отрицательной направленности. В подразделениях необходима хорошо налаженная работа по изучению процессов, происходящих прежде всего в группировках подобного типа, своевременный вывод молодых солдат из-под влияния экстремистки и противоправно настроенных лидеров. Тут нужен, разумеется, дифференцированный, индивидуальный подход, а он возможен, если офицер-воспитатель, комсомольский активист владеет достаточной информацией о них, знает этих лидеров, если умеет отличить от откровенно противоправных другие неформальные группы. И дело здесь, как нам представляется, не только в том, чтобы иметь такую информацию и искренне желать помочь новичкам направить энергию на скорейшее овладение своей специальностью, оружием. Дело также и в том, чтобы самим активистам постараться изменить свою психологию, по-новому взглянуть на молодежные проблемы и саму молодежь, освободиться от инерции в мышлении, старых стереотипов.

...Где-то в подразделениях по крупице, по зернышку накапливают опыт работы с участниками неофициальных групп и объединений, идет непростая, требующая терпения, знаний, гибкости борьба за умы и сердца молодых парней, а где-то...

«Сержант построил нас в одну шеренгу, — пишет с учебных сборов своему товарищу нозичок. — Потом пришел старший лейтенант и приказал: «А ну-ка, панки, металлисты, наркоманы и прочие неформалы, шаг вперед!» Но никто, конечно, не вышел, потому что говорил он так, будто искал врагов».

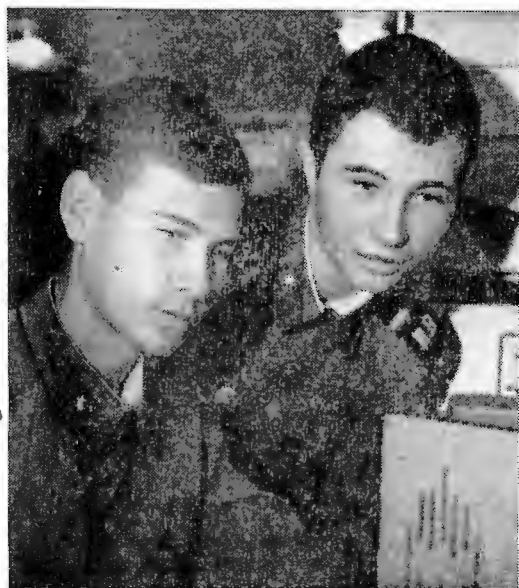
Что ж, участников неофициальных групп действительно надо «выдвинуть» вперед — повернуться к ним лицом. Но при этом не бросать клич: «Ату их!», а терпеливо, настойчиво помогать им становиться настоящими солдатами. И даже тому пареньку-«петушку», для которого служба, как говорится, хуже горькой редьки.

Майор С. ШЕВЦОВ,
майор В. ШОШИН.

МЕСТО В ОБЩЕМ СТРОЮ

Комсомольская организация сильна теми, кто берет на свои плечи большую ношу, кто идет впереди, увлекая за собой остальных. В подразделении связи, недавно успешно выполнившим служебные задачи в Закавказье, в числе таких комсомольцев называют солдат и сержантов, которых вы видите на снимках. Инициативно действуют на тактических занятиях ефрейторы В. Кобыжча, группкомсорг взвода, и А. Шалабодов (верхний снимок).

Помочь сослуживцу — рядовому П. Кулябину — считает своим долгом ефрейтор Д. Вешнев (снимок внизу слева). Старший сержант С. Лученко и рядовой В. Коптев развертывают местный радионотопункт.

А ЧТО ВМЕСТО РЮМКИ?

■ УРОКИ ОДНОГО ПРОСТУПКА

■ ЧТО НЕ ВМЕСТИЛОСЬ В ПРОТОКОЛ СОБРАНИЯ

■ ЕСЛИ ДОСУГОМ ЗАНЯТЬСЯ ВСЕРЬЕЗ

СЛУЧАЙ, обсуждавшийся на комсомольском собрании роты, был необычным, можно даже сказать — из ряда вон выходящим. Комсомолец Иван Калинин, сержант, командир отделения, вместе со своими подчиненными рядовыми Вадимом Мосеенко и Николаем Мезенцевым, воспользовавшись беспечностью суточного наряда, употребили спиртное. И произошло это в подразделении, где работа по профилактике пьянства оценивалась довольно высоко.

Слабым утешением для членов бюро ВЛКСМ, группкомсорга взвода служил тот факт, что вся эта троица лишь недавно была переведена в подразделение, а по прежнему месту службы все они, пожалуй, за исключением сержанта, характеристики имели незавидные. Более того, для Мосеенко «путешествовать» из роты в роту — дело привычное. Разболтанный, еще до армии познакомившийся не только с рюмкой, но и с наркотиками, исключенный из рядов комсомола за пьянство, он время от времени вроде бы брался за ум, но вскоре, едва догляд ослабевал, принимался за старое. Вот и на этот раз все рассчитал заранее. Учел, что, пока он в кухонном наряде, контроль за ним будет не тот, что Мезенцев в кочегарке все подготовит к «встрече» и когда дежурный уйдет на проверку караула...

На заседании бюро ВЛКСМ Калинин исключили из рядов ВЛКСМ. Не остались виновные и без дисциплинарного воздействия. Но, как справедливо замечали комсомольцы, корни проступка уходили гораздо глубже недисциплинированности употребивших спиртное, небдительности дежурного по роте младшего сержанта А. Усманова, кстати, тоже привлеченного к комсомольской ответственности.

В ходе принципиального разговора прозвучала критика в адрес и комсомольских активистов во главе с сержантом Василием Ивановым, и коммунистов роты офицеров А. Киреева, В. Бондаренко. Ведь дело не только в том, чтобы пресечь попытку солдата или сержанта приобрести спиртное, удержать его за руку, а сделать так, чтобы человек не пил по своей воле и другого удерживал от неверного шага.

Нельзя сказать, что мало мероприятий антиалкогольной направленности проводилось в роте. Регулярно здесь выступа-

ли медицинские работники, партийные и комсомольские активисты проводили беседы, демонстрировались личному составу документальные фильмы, готовились устные журналы, участие в которых принимали порой даже родители, братья солдат, склонных к употреблению спиртного. Тем не менее, анализируя проделанное, нельзя не прийти к мысли, что образно говоря, «стрельба» велась по площадям, в то время, как душа каждого отдельного солдата, сержанта зачастую оставалась в потемках. Конечно, мероприятия оставались в ней след, но до подлинных причин, толкнувших иную к рюмке, активисты не доходили.

Взять того же Ивана Калининчика. В целом производил он неплохое впечатление на офицеров, сержантов. Грамотно руководил отделением, зарекомендовал себя хорошим помощником начальника караула. Но только в ту роковую минуту рядом с ним оказался почему-то не комсомольский активист, не товарищ — сержант, а Мосеенко, его земляк. Месяца, что находился в роте Калининчик, ни командиру, ни коммунистам, ни комсомольцам не хватило, чтобы сказать в его адрес доброе слово, тогда как землячок попал в большую точку: «Коль тебя перевели, то, как ни пыхти, здесь всегда будешь пасынком».

Присутствуя на заседании бюро ВЛКСМ, выслушивая его членов (может быть, не всегда до конца продуманные выступления, порой излишне эмоциональные, но искренние, с болью за свой коллектив, его доброе имя), в то же время я не мог не отметить какую-то неуверенность и растерянность активистов.

Спору нет, трудно комсомольцу заглянуть в душу своему же сверстнику. Порой и не всякому опытному политработнику она открывается. Но с другой стороны, и это меня беспокоило больше всего, от многих выступлений веяло холодком скептицизма: мол, где уж нам, горбатого могила исправит. Может быть, поэтому и подумалось тогда: не здесь ли разгадка поведения группкомсорга рядового Юрия Федорощева? У него на глазах приложился к стакану бывший комсомолец М. Аллабердыев. Сам группкомсорг наотрез отказался стать его собутыльником, но сослуживца не удержал да еще и из ложного чувства товарищества пытался скрыть проступок.

ТРЕЗВОСТЬ — НОРМА ЖИЗНИ

Вспомнился и другой случай. Как-то в соседней роте невольно стал свидетелем разговора двух солдат о том, что зря исключили из комсомола рядового Вадима Фролова.

— Не думают у нас о дальнейшей судьбе человека, вот и калечат ее, — запальчиво заметил один из них.

А дело было так. Поначалу Фролов служил исправно, неоднократно поощрялся, в том числе и краткосрочным отпуском на родину. Но лишь вернулся в часть, последовали один за другим серьезные дисциплинарные проступки. Не без труда удалось докопаться до причин резкой перемены в его поведении: дома он, оказывается, развелся с женой. Много времени и сил потратили командиры, комсомольские активисты младший сержант Юрий Падурец и ефрейтор Юрий Нагибин, чтобы помочь Фролову взять себя в руки. Но ведь за проступки надо и отвечать.

Услышав разговор в курилке, захотелось поднять протокол комсомольского собрания, на котором рассматривалось персональное дело Фролова. Еще раз читался в скупые строки: мнение единое у всех выступавших. Голосование прошло также единогласно: сто процентов — за исключение. А где же в таком случае были те двое «заступников»? Выходит, только в кулуарах их заботит судьба сослуживца?

По-всякому можно истолковать эти факты. Но вывод напрашивается сам собой: далеко не все комсомольцы, несмотря на горячие призывы, решаются говорить то, что думают. Кое-кому мешают все тот же скептицизм: «Правильно ли меня истолкуют, поддержат ли, поймут ли?»

Зыбкости подобной внутренней позиции, к сожалению, содействуем и мы сами — коммунисты, политработники. Ведь кто нередко проникает в комсомольский актив? Тот, кто умеет красиво писать и не менее красиво говорить. И вот урок.

Строгое комсомольское взывание понес рядовой Владимир Пихтерев — бывший член бюро ВЛКСМ роты. Ох как ретиво он громил с трибуны оступившихся. Но едва оказался в стороне от командирского глаза, и сам не устоял перед «зеленым змием»...

Наряду с необходимостью совершенствовать индивидуальный подход, встает перед комсомольским коллективом и не менее важная проблема, которую можно сформулировать примерно так: «А что вместо рюмки?»

Специфика нашей службы такова, что военный городок находится вдалеке от населенных пунктов. Здесь не сходишь в увольнение, не посетишь кинотеатр или музей, да и сам городок, стесненный сельскохозяйственными угодьями, не имеет даже футбольного поля. И в казарме на все роты батальона лишь одна ленинская комната.

Можно много говорить об объективных трудностях, но, думается, правильнее ставить вопрос так, как это делали члены бюро ВЛКСМ сержант А. Рошкович и ефрейтор Ю. Нагибин: «Наш досуг должен

быть таким, чтобы каждый в нем мог проявить себя. Чтобы не одни члены бюро тянули воз, а все глядели». И отраднo, что их слова не повисли в воздухе. В недавнем вечере чествования отличников, например, приняла участие добрая половина личного состава подразделения. О передовиках боевой службы, боевой и политической подготовки говорили командир роты, командиры взводов и отделений, сослуживцы, особенно те, кому отличники помогают в становлении. Комсомольские активисты и командиры готовили и зачитали развернутые характеристики мастеров боевой службы. Заканчивающим армейский путь вручили памятные адреса, фотографии. В честь передовиков был дан концерт художественной самодеятельности, в котором участвовало немало и тех, кто до этого дня предпочитал больше держаться в тени.

Интереснее стали и спортивные мероприятия. Вместо лишь традиционного забега на один километр организуются ныне военно-спортивные эстафеты. Дни спорта включают в себя различные игры, состязания в силе, ловкости, сноровке на полосе препятствий, строевом плацу, гимнастических снарядах, волейбольной площадке, гиревом помосте. В нынешнем году в каждой роте появился свой спортивный уголок. Организована секция борьбы самбо, которой руководит перворядник лейтенант С. Осовский. И уже есть результаты. Рядовой А. Довранов стал недавно чемпионом части по этому виду спорта, а рядовой Б. Базаров и старший сержант Д. Курбанов — призерами.

Увлечательно прошел в один из выходных конкурс на лучший солдатский альбом. Запомнились личному составу праздник строевой песни, культпоход на природу.

Было время, когда кое-кто у нас мечтал вспрыснуть свой день рождения. Какой злослон поставлен сегодня на скользком пути? Прежде всего комсомольские активисты стараются в этот день отдать должное имениннику, тепло поздравить от всего коллектива. Ему предоставляется возможность после службы посидеть в кругу друзей за праздничным столом. И, например, рядовой Т. Асранов на свое двадцатилетие приготовил узбекский плов, а на юбилей рядового К. Хоммадова сослуживцы пробовали туркменские манты. В общем, тут начинает вырисовываться традиция.

— Борьтесь против пьянства — это бороться за здоровый образ жизни, — заметил на очередном бюро ВЛКСМ сержант В. Иванов. Мысль верная. Разделяют ее в других наших ротах. И положение улучшается.

Старший лейтенант В. КОСТЕНЕВИЧ,
заместитель командира батальона
по политчасти.

*Ордена Красной Звезды УВВ по
Северному Кавказу и Закавказью.*

ПРАПОРЩИК

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

На плацу, где размести-
лась галерея портретов
мастеров боевой службы,
фотография старшего пра-
порщика Леонида Конева
— в первых рядах. И это
не случайно: он лучший
в части начальник карау-
ла, удостоен государст-
венных наград, знака «За
отличие в службе» I и II
степени.

Фото старшего
прапорщика Н. Белоненко.

ПОСТОЯННО НА ВИДУ

МОЖНО ЛИ в течение года завоевать такой авторитет в коллективе, чтобы тебя безоговорочно признали лидером, избрали в совет и товарищеский суд чести прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы, членом партийной комиссии? Можно, и прапорщик Анатолий Семенович Поляков продемонстрировал это на деле.

Во взводе контролеров, куда его назначили на должность заместителя командира, показатели по боевой и политической подготовке были не лучшими. На низком уровне находились эффективность и качество боевой службы. Откуда вообще было взяться хорошим результатам, если дисциплина среди личного состава хромала на обе ноги. Разболтанность, склонность некоторых прапорщиков к спиртному, словно ржа, подтачивали организм коллектива.

Анатолий Семенович с первых дней стал активным помощником командира в наведении порядка. Лейтмотивом его выступлений перед сослуживцами, его практических дел была ясная мысль о необходимости улучшать индивидуальную воспитательную работу, всячески крепить дисциплину. Это и есть, утверждал прапорщик, то звено, ухватившись за которое можно поднять показатели по всем остальным разделам служебно-боевой деятельности взвода. Не без участия и настойчивого совета Полякова данные вопросы еще раз обсудили на партийном собрании и заседании бюро ВЛКСМ. Наметили конкретные мероприятия, определили сроки и лиц, ответственных за их реализацию. Коммуниста Полякова рекомендовали избрать в состав совета прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы. Хотя и говорят, что один в поле не воин, но факт остается фактом: общественная организация заметно оживила свою деятельность, стала остро, а главное, своевременно реагировать на малейшие отступления контролеров от уставных требований. При этом не разныи учинялись, а действовал метод убеждения. Поляков им умеет пользоваться. Сколько раз приходилось наблюдать, как он беседует с прапорщиком А. Лебедевым, допустившим пьянку. Подчас их разговор выходил из спокойного русла. Стороны горячо доказывали что-то друг другу. Так рождалась истина в сознании одного из них: мои поступки влияют на весь коллектив.

А кто изменил жизненную позицию прапорщику А. Григорьеву? Он тоже был рабом «зеленого змия». На этой почве постоянно происходили ссоры в семье. Наконец, дошло до того, что жена оставила Григорьева. Только совет прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы, и особенно Поляков, не отступились, пока товарищ не бросил пить. Ныне Григорьев на хорошем счету, сошелся с женой, обрел уверенность в себе, в своих силах.

Не забудет уроки Полякова и прапорщик В. Каспрук, тоже молодой контролер. Учеба проходила не в классах, а прямо на месте несения службы. Вначале Анатолий Семенович показывал, как надо осуществлять прием документации и камер, а также прием и досмотр охраняемых. Затем наблюдал за подчиненным, как он это же делает, указывал, в чем тот ошибся, как избежать погрешностей в работе. Служба новичка обнадеживает.

Но контролеры — не единственная забота Полякова. Нередко его можно увидеть рядом с секретарем комсомольской организации роты ефрейтором В. Виртом. Сидят, внимательно изучают протоколы собраний и заседаний бюро ВЛКСМ. Поляков семь лет возглавлял партийную организацию, поднатерел в этом. Сегодня учит Вирта, как правильно оформить документы. Для меня, заместителя командира роты по политчасти, это помощь. К тому же Анатолий Семенович регулярно встречается с солдатами, разъясняет им решения XIX Всесоюзной партконференции, просто беседует о службе.

А то он занят с начальником караула прапорщиком О. Козловым: рекомендовал его в партию, а теперь помогает молодому коммунисту.

Короче говоря, прапорщик Поляков постоянно в гуще масс, в заботах и работе. Печется не о себе. Все это видят и понимают. Потому так притягательна его личность, близки жизненные установки. Наиболее важные сам он формулирует так: — Нужно устава держаться. Иметь твердый характер, волю, быть требовательным. Тебя поймут, если поступаешь по справедливости. Самый строгий контролер — совесть и закон. Наша служба требует быть независимым. Значит, никаких поблажек нарушителям режима. Честность и неподкупность — это главное. Я, сколько служу, стараюсь быть в отличниках.

Что правда, то правда. Посмотрите на его мундир. Там красуется знак «За отличие в службе» I и II степени. Честь по труду. Познакомьтесь с результатами, достижениями дружного контролерского коллектива. Они не идут в сравнение с теми, что были ранее. Это также во многом благодаря прапорщику Полякову.

Лейтенант С. РЕШЕТНЯК.

УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

ПРАВА И СТИМУЛЫ

С БОЛЬШИМ интересом ознакомился с публикациями под рубрикой «Раздумья о нашей службе» (1988, № 6) и хотел бы поделиться своими соображениями по обсуждаемой теме. На мой взгляд, старший прапорщик Э. Полковников, автор заметки «Власти у нас хватают», несколько переоценивает силу личного примера. Конечно, принцип «Делай, как я!» выверен практикой, временем, и сомневаться в его жизнеспособности нет оснований. Но, думается, выход, который предлагает Полковников, — каждому старшему контролеру, начальнику войскового наряда быть образцом выполнения служебного долга — это один из методов воспитания. Есть и другие, не менее эффективные — убеждение и принуждение. И не стоит всецело уповать на сознательность подчиненных, дескать, люди они в большинстве своем зрелые, должны все понимать. Должны, но, к сожалению, понимают не все. Права нужны старшим контролерам, именно права командиров отделений, чтобы они не только являлись примером, но, когда надо — принуждали. Вот тогда и спрос повысится, и результаты улучшатся.

В подтверждение этой мысли — пример. Не так давно я назначен командиром взвода контролеров.

Заручившись поддержкой командира роты, решил провести эксперимент. Взвод поделили на два отделения и на добровольных, можно сказать, общественных, демократических началах поручили эти отделения старшим контролерам прапорщикам Т. Рахматову и В. Джалилову.

Предвижу недоуменный вопрос: кто позволил мне,

вернее, нам, самовольно видоизменять штатную структуру взвода, дробить его на части? Отвечаю: фактически никто ничего не менял, не перекалывал ответственности со своих плеч на чужие. Реорганизация носила чисто условный, договорный, опять же демократический характер. Считайте так: Рахматов и Джалилов стали общепризнанными наставниками контролеров, лидерами, как более опытные. Наставничество устало не запрещено, штатом не ограничено, напротив, оно всячески поощряется.

Конкретно распределили обязанности и дружно взялись за работу. Не скажу, что все пошло гладко, как по писаному. Вскоре юридическое, уставное бесправие самостоятельных командиров отделений, то есть наставников, дало о себе знать. Первый звонок — конфликт между прапорщиками В. Джалиловым и К. Хваном. Последнему эксперимент пришелся не по нраву. Да и Джалилов слегка охладел к новой нагрузке, натолкнувшись на сопротивление сослуживца.

Поговорили по душам с обоими и вроде бы пришли к согласию. Но если бы одной-двумя беседами решались все проблемы, не жизнь была бы, а мечта. Нет-нет да и сказывается условность характера командирства моих помощников. Армия есть армия, она не терпит условностей, а требует строгой регламентации.

И еще один момент. Охотно подписываюсь под заметкой капитана С. Лепихина «Каждому по труду», опубликованной в этой же подборке. Судите са-

ми. Проводим серьезную, кропотливую работу, определяем передовиков социалистического соревнования, хвалим их, ставим в пример, изредка, по большим праздникам вручаем подарки. И все. Столь ли крамольна мысль о материальном стимулировании ратного труда? Ведь он хотя и ратный, но труд! К примеру, служебная активность прапорщиков К. Бердибекова, К. Хвана, младшего сержанта сверхсрочной службы Ш. Усманова по конкретным показателям выше, чем младшего сержанта сверхсрочной службы В. Ахмедова. А в ведомости они ежемесячно расписываются примерно за одинаковые суммы. Справедливо? По-моему, нет.

Или такое предложение: выплачивать единовременное вознаграждение не к концу года, как принято теперь, а ежеквартально. Преимущества налицо. Допустил, например, прапорщик отступление от правил несения контролерской службы или дисциплинарный проступок — вознаграждения ему не видать. Оно справедливо делится между лучшими контролерами по ходатайству совета прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы. В этом есть и резон, и, что немаловажно, демократическая обоснованность. Повышаются заинтересованность каждого в результатах своего труда, роль актива в решении различных вопросов жизнедеятельности коллектива. Может быть, я ошибаюсь. Что ж, убедите меня в обратном.

Старший прапорщик
Ш. КАРИМБАЕВ.

УВВ по Средней Азии
и Казахстану.

А ОПЫТ НЕ ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Так уж у нас повелось, что на партийных и комсомольских собраниях можно нередко услышать, мол, все упирается во второй взвод. И социалистические обязательства он не выполняет, и на боевой службе заметно отстаёт от первого, и с воинской дисциплиной здесь далеко не все прапорщики и военнослужащие сверхсрочной службы в ладах.

Так в чем причина? Два взвода выполняют одни и те же задачи, на одном и том же объекте, но если за службу в первом взводе подчиненные старшего прапорщика Владимира Ивановича Тихонюка держатся, как говорится, руками и ногами, то во втором — у прапорщика Владимира Бугаева — мало того, что несколько должностей не укомплектовано, ряд военнослужащих уже сегодня заявляют о намерении уйти из него по окончании подписки. Конечно, пытаюсь ответить на наш вопрос, можно говорить и о различии в командирских, человеческих качествах Тихонюка и Бугаева, о неравномерности распределения партийного и комсомольского актива в подразделении, на что практически на каждом собрании ссылаются комсомольцы отстающего взвода. Но я причину поискал бы не здесь.

...После заседания совета прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы, где младшему сержанту Юрию Сорокину сослуживцы отказали в ходатайстве о продлении подписки, встретился с ним.

— Я и сам понимаю, — признался Сорокин, — что не получается из меня толковый контролер. Претензий к решению товарищей нет. Обидно, конечно, ведь командир отделения прапорщик Леонид Сахарцев да и группкомсорг прапорщик Юрий Шунько делали все, чтобы научить меня специальности. И другие... — Он огорченно махнул рукой. — Но мне, понимаю, за оставшийся месяц до увольнения не изменить отношения к себе войскового наряда.

— А не попроситься ли во второй взвод? — спросил я.

— Нет, уж лучше в запас...

Многое прояснил для меня этот разговор. Человеку отказывают в праве служить рядом такие же контролеры, и он не держит на них зла, потому что дает себе отчет: с ним возились все, помогли во всем. Он винит в происходящем только свою рассеянность, несобранность, которые так и не смог преодолеть за без малого два контролерских года.

Случай с Сорокиным в общем-то не типичен для этого воинского коллектива. Например, с Сергеем Лозовым все получилось иначе. Службу он начинал вместе с Сорокиным, младшим сержантом. А ныне Сергей — прапорщик, один из наиболее грамотных контролеров, имеет на своем счету девять поощрений. Не последнюю роль в его судьбе сыграла комсомольская группа, где он теперь — заместитель группкомсорга.

В этом взводе все привыкли делать сообща. Здесь крепкая партгруппа во главе с прапорщиком Романом Голятом, каждый коммунист приучен к самостоятельности и инициативе, потому и авторитетен. Тихонюк — секретарь партийной организации роты, старший прапорщик Виктор Данилушкин — секретарь партийного бюро батальона, прапорщик Алексей Ветохин — секретарь бюро ВЛКСМ роты. Представители этого взвода составляют две трети совета прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы подразделения, в нем трудятся и четверо из пяти членов бюро ВЛКСМ роты.

Нет, не согласен я с теми, кто видит недостатки у соседей только в таком вот «раскладе» партийного и комсомольского актива. Выбирают ведь в свои руководящие органы сами коммунисты и комсомольцы, выбирают лучших. Тут прежде, думается, надо разобраться, что же позволило подчиненным Тихонюка сплотиться, завоевать прочный авторитет.

Возьму только один аспект — как опирается командир взвода на комсомольскую группу. Владимир Иванович хорошо понимает, что комсомольцы — это сплошь молодые контролеры, которые требуют постоянного внимания, заботы. Поэтому идет он к ним на собрания совсем не за

тем, чтобы «отметить свое присутствие», а чтобы еще раз убедиться, в чем конкретно людям нужна помощь.

Прозвучали своевременные предложения по дальнейшему совершенствованию материальной базы для занятий, особенно по тактике внутренних войск. И вот теперь мы можем отметить, что в роте один из лучших в части служебных городков, есть электрифицированный макет объекта.

Или комсомольцы дружно высказались за создание нового спортивного городка. Когда предложение было поддержано, они провели несколько комсомольско-молодежных субботников. Ныне городок существует, служит всему батальону.

А взять взаимодействие — не на бумаге, а на деле — между комсомольскими организациями роты и ИТУ. О нем в полный голос опять же заговорили в этом взводе. А теперь отмечают, что объединенными комсомольскими силами построены хороший тир и уютный спортзал, приведен в порядок поселковый стадион. Постепенно поднимается комсомольская аллея, где шелестит ветвями сотня молодых березок, посаженных в честь XX съезда ВЛКСМ.

Коммунист Тихонюк умеет слушать своих комсомольцев, вовремя поддержать их, в чем-то подискутировать, поспорить с ними. Стараются поглубже проникнуть во внутренний мир подчиненных, узнать обстановку в семьях. Нельзя сказать, что Владимир Иванович совершает что-то сверхъестественное, но то, что он никогда не забудет поздравить подчиненного с днем рождения, знаменательным событием в семье, похлопотать насчет жилья, похозяйничать о направлении достойного на учебу — этого у него не отнимешь.

К сожалению, вот таких чисто человеческих качеств порой недостает командиру соседнего взвода прапорщику Владимиру Бугаеву. И комсомольская группа здесь страдает, на мой взгляд, тем же.

Уже больше года, как объявлено прапорщику Евгению Шевченко комсомольское взыскание — строгий выговор с занесением в учетную карточку «за недостойное поведение в семье». Только снимать его комсомольцы не торопятся. Взыскание стало их реакцией на заявление жены и тещи прапорщика. Теперь те молчат, а комсомольская группа молчит, поскольку обстановкой не владеет. А не подобное ли отношение привело к тому, что взвод потерял прапорщика Николая Калину — в недавнем прошлом хорошего контролера. Знали комсомольцы, что стал попивать их товарищ, да помалкивали, рассудив, что ничего страшного, ведь делает он это не на службе.

Нередко приходится слышать, что того или иного прапорщика или сержанта не вытаскишь на общественные мероприятия. Мол, чуть что — звучат отговорки: занят по дому, ребяташек некогда воспитывать. Но вот строили спортивный городок, и среди других непременно находились пра-

порщик Анатолий Синева, у которого четверо детей, прапорщик Сергей Солоденко, Рамиз Исмаилов — у них их по трое. Был здесь и Дмитриев, у которого тоже трое.

А все потому, что люди попросту не могут не прийти на мероприятие, организованное комсомольской группой. Группкомсорг прапорщик Шунько не сторонник призывов, лозунгов, общих слов о высокой морали и нравственности. На дела комсомольцев он и поднимает в основном делама. Потекли батареи в доме у недавних новоселов прапорщиков Александра Ферта и Закарии Юсуфова — товарищи пришли на помощь, заварили трубы, сменили радиаторы. Произошел несчастный случай с прапорщиком Исмаиловым — комсомольцы оказались рядом, навещали, интересовались здоровьем, рассказывали о том, как идет служба в его смене. Или в квартире у того же Дмитриева сел простенок. Опять же в свой выходной товарищи помогли с ремонтом. И все это делается, естественно, спокойно, без лишнего шума. Ну а за добро человек, разумеется, платит добром. К тому же дружба между военнослужащими переходит в дружбу семьями.

Думаешь о передовиках, об их хороших поступках ивольно-невольно понимаешь, чего же не хватает их соседям. Вот группкомсорг прапорщик Сергей Новик часто глядит по сторонам, выискивая «объективные» причины недостатков, болезненно реагирует на критику, а того никак не усвоит, что начинать надо с себя. Разве мало в группе комсомольцев, которым по силам высокие рубежи в службе контролерской, в учебе? Разве мало не желающих жить по принципу: «день прошел — и слава богу»? Это и прапорщики Виктор Терещенко, Виталий Блинников, Александр Головань, сержант Владимир Никоненко. Но много ли сделал Сергей, чтобы поставить на службу коллективу их знания, способности? Толком ничего. Какое мероприятие ни предложи — он почему-то считает, что для прапорщиков оно не подходит. Тематический вечер — видите ли, по нему, дело солдатское, викторина — тоже. А почему бы не провести диспут? Неужели не о чем поспорить 25—30-летним мужчинам? Да хотя бы о смысле жизни, о видении перспектив в ней. Может, это бы и стало первым шагом на пути сплочения коллектива. Однако Новик и тут только пожимает плечами.

Что и говорить, непросто быть молодежным вожаком у прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы. Но ведь за опытом Сергею и не надо ходить за тридевять земель. Перед глазами группкомсорг первого взвода прапорщик Юрий Шунько с его негромкими, но очень нужными и полезными делами.

Прапорщик А. КЛЮЧУК,
заместитель командира роты
по политической части.

СНИСХОЖДЕНИЯ НЕ БУДЕТ

Очень хотелось бы начать с браурной ноты: мол, в нашей части постоянно сокращается количество происшествий среди прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы — владельцев личного транспорта. Но, увы, происшествий, допущенных в нетрезвом состоянии, за последние годы меньше не стало.

Казалось бы, и Указ Президиума Верховного Совета СССР об усилении борьбы с пьянством, и новые правовые нормы, направленные на повышение эффективности мер общественного воздействия, дисциплинарной, материальной, административной и уголовной ответственности за нарушения, связанные с пьянством, должны были принести реальные позитивные результаты. Однако вопреки логике их нет. Плохо работаем? Может быть, с себя вины не снимаем. Но ведь и прапорщики и военнослужащие сверхсрочной службы прекрасно знают, что за управление транспортным средством в состоянии опьянения, равно как и за передачу управления автомобилем нетрезвому человеку, виновный наказывается лишением права управления на срок от одного года до трех лет. Знают и то, что ответственность при подобных обстоятельствах наступает независимо от степени опьянения, квалификации водителя и продолжительности управления. Важен факт: человек в нетрезвом состоянии, говоря канцелярским языком, привел в движение автомобиль.

Знают и нарушают, опираясь на Указ и нормы, бросая вызов коллективу, пятая его часть своими проступ-

ками. Так, прапорщик С. Скорев (ныне — бывший прапорщик) решил «традиционно» отметить благополучное завершение ремонта своей автомашины. Сказано — сделано. А затем провел небольшие испытания — сделал «круг почета» по территории двора, прилегающего к дому. Был задержан инспектором дорожно-патрульной службы ГАИ и лишен права управления транспортным средством на двенадцать месяцев. Немного стоили те по-детски наивные оправдания, которые Скорев привел в свою защиту, что-де и выпил-то он чуть-чуть, «для запаха», и проехал всего несколько десятков метров. Как знать, чем могли закончиться эти «испытания», не окажись поблизости инспектора.

Однако урок Скореву не впрок. Едва минуло полгода, он вновь сел за руль «Москвича», предварительно приложившись к бутылке. Как результат, вторично задержан, исключен из членов КПСС, приговорен к лишению свободы сроком на один год условно и после вступления приговора в силу уволен с действительной военной службы.

Надо ли говорить, что происшедшее со Скоревым стало известно всем в части, имеющим автомобиль или только собирающимся их приобрести. Каждый мог бы из случившегося сделать необходимые выводы. К сожалению, печальный пример бывше-

го сослуживца не стал наукой для прапорщика В. Сладкова.

Ранее он уже был наказан командиром части за управление транспортным средством в нетрезвом состоянии. Тогда, видимо, подошли к нему чересчур мягко, решив не лишать права на управление автомобилем и ограничиться привлечением к дисциплинарной ответственности. А лишиться стоило. Может быть, наказанный более строго, Сладков не рискнул бы испытывать судьбу дважды, не допустил дорожно-транспортное происшествие, не был бы привлечен к уголовной ответственности.

Что это, низкая сознательность, полное отсутствие самоконтроля, неоправданная вера в русское «авось»? Привыкли некоторые военнослужащие к увещаниям коллектива, к уговорам, к тому, что мы называем профилактической работой. Привыкли настолько, что нередко относятся к ней, как к досадной необходимости: мол, вам надо — вы и проводите, и будьте довольны, что мы выслушаем ваши нравоучения. Забывают, что есть Закон, нарушать который никому не дозволено. Надеются на снисхождение командира, общественной, поблажки своих товарищей. Но любителям спиртного — владельцам личного транспорта снисхождения не будет. Независимо от прежних заслуг.

Капитан
В. ЩЕЛИН.

НА РАЗВИЛКЕ

Признаюсь сразу — в гости напросился сам. Как писать о человеке, не поговорив с ним? Попросил о встрече знакомого политработника. Он не отказал в помощи, предложив:

— Нужно взять с собой баян, вернуть его хозяину.

Водитель принес из казармы незачехленный инструмент, осторожно положил на заднее сиденье автомобиля.

В дороге я думал о предстоящей встрече. Как же случилось, что после пятнадцати лет службы прапорщик Боровикин был уволен из войск? Не слишком ли суровое наказание понес отец троих детей?

Биография у него самая обыкновенная. Отслужил срочную, решил остаться в подразделении. Зарекомендовал себя

хорошо. О нем говорили: золотые руки. Умело чинил сложные узлы и агрегаты, знал и слесарное, и столярное дело.

Прапорщик Боровикин был зачислен в штат оружейно-пулеметной мастерской. Вскоре женился. Появился первенец.

Но как-то исподволь начала проявляться у Владимира тяга к спиртному.

Замечено: зачастую человек пьет от собственного безволия. Не может отказать друзьям, которых появляется все больше и больше. Хотя друзьям ли? Здесь скорее подходит другое определение: собутыльники. Вот с кем повелся Боровикин.

Впрочем, была причина выпивок, связанная с так называемой «служебной необходимостью»: Боровикину постоянно приходилось что-то «доставать». Расчет

НА ТЕМЫ МОРАЛИ

ПЕРЕВЕРТЫШ

Это партийное собрание в роте проходило на редкость бурно. Рассматривали персональное дело коммуниста, совершившего тяжкий проступок на службе. Один из выступивших прапорщик А. Князев выразился без обиняков:

— О Таппасханове я был совсем другого мнения и никак не мог даже подумать, что он, человек, убеленный сединами, с большим жизненным опытом, способен на подобное... на предательство.

За что же так беспощадно судили сослуживцы товарища?

...Старший прапорщик А. Таппасханов со сменой прибыл на КПП колонии, чтобы заступить на службу. В это время на охраняемом объекте силами администрации ИТУ и личного состава подразделения проводился обыск помещений: выявляли и изымали запрещенные предметы. Поинтересовались и у прибывшего наряда: нет ли при себе чего-нибудь неположенного? Контролеры единогласно ответили: нет, как можно? Между тем, когда им предложили все же предъявить для осмотра принесенные с собой сумки и свертки с едой, у начальника войскового наряда старшего прапорщика Таппасханова обнаружили среди съестного чай и спиртное.

Такова суть его проступка, который товарищи и расценили безоговорочно как

предательство. Бесспорно, этот случай не типичен для абсолютного большинства наших контролерских коллективов. Однако он заставляет о многом задуматься: допустил-то его не новичок в службе, еще не разобравшийся, что здесь к чему, а человек, находящийся в строю внутренних войск двадцать два года, коммунист с изрядным партийным стажем.

Как и у мифического Януса, у старшего прапорщика Таппасханова оказалось два лица. Одно, вполне пристойное, для всех: таким он был в повседневном общении с сослуживцами. В подразделении о нем ничего предосудительного вроде бы никто не мог сказать, хотя и в чем-то особо выделить все же затруднялись. Партийные поручения выполнял, правда, инициативы какой-то от него тоже не видели. Будучи когда-то неплохим сварщиком, помогал, если просили, в решении хозяйственных проблем роты. С начальниками держал себя неизменно вежливо, порой даже слишком учтиво. На замечания в свой адрес с заученной готовностью твердил: «Виноват... Исправлюсь». Ни с кем в коллективе не конфликтовал, равные отношения сложились у него со всеми сослуживцами. Чем не душа-человек? Доверили ему нелегкие, прямо скажем, хлопотливые обязанности начальника войскового наряда...

ный эквивалент при этом использовался один — бутылка. Спиртное помогало решать многое...

Владимир был отзывчив на просьбы. Помочь собрать новый диван, отремонтировать карбюратор мотоцикла — пожалуйста. За работу снова и снова наливали...

Определенную негативную роль в жизни Боровикина сыграл и небольшой коллектив оружейно-пулеметной мастерской. Офицер, возглавлявший этот участок, не принял своевременных мер к подчиненному, не остановил его на скользком и пагубном пути. Да и другие оказались равнодушными к судьбе сослуживца.

Как тогда оценивали Боровикина? На службу приходит вовремя, обязанности выполняет. Остальное — чем занимается человек после службы, как ведет себя дома — никого не интересовало. Теперь прапорщики говорят, что надо было в то время Боровикина серьезно одернуть. Но этого не случилось. Если и при-

менялись меры воспитательного и дисциплинарного воздействия, то они носили половинчатый характер. Не было активной борьбы за человека. Почему? Не принято было выносить сор из избы. Мол, разбирайтесь, но только без лишнего шума. Вот и терпели нарушителя. А когда за проступки Боровикин был переведен на нижестоящую должность, то и это сделали тихо, «по-семейному».

В новом коллективе к прапорщику отнеслись неплохо, ему был доверен отдельный участок работы. Но именно это и не способствовало искоренению вредной привычки. Ведь известно — где простор, там и разгуляться легче. «Организуя» необходимые материалы для ремонта технических средств, Боровикин не забывал о своем пагубном пристрастии.

Образ жизни военнослужащего наложил отпечаток и на его семью. В ней участились раздоры: на спиртное уходило немало денег, где там заботиться о жене и детях...

Однако было у него и другое, невидимое окружающим лицо, а вернее, личина. Когда она у него оформилась, он и сам бы, вероятно, не сказал. Но она существовала, эта личина у старшего прапорщика, его аморальная черта, — склонность к стяжательству. Таппасханов видел, что некоторые люди вокруг него в труде более чем скромны, а между тем живут припеваючи. «Умеют жить», — говорили про таких, кто с осуждением, а кто и с одобрением. В числе последних оказался и Таппасханов. Восхищение «умельцами», зависть к ним постепенно переросли у него в довольно устойчивое стремление к наживе, к извлечению выгоды из той самой службы, одно из слабаемых которой как раз и состоит в перековке людей, из-за стяжательства ставших преступниками.

Впервые вторая сторона облика Таппасханова обнаружилась, когда его уличили в попытке завязать неслужебные отношения с осужденными. Случилось это лет восемь назад. Тогда тоже состоялось партийное собрание, недоуменно возмущались товарищи. Корыстолюбца наказали в партийном и дисциплинарном порядке. И он, покаявшись, надолго притих, а точнее, притаился. Старался ревностной службой восстановить пошатнувшееся доверие к себе, как-то заставить сослуживцев поверить, что злключение с ним — случайный срыв. Но мало-помалу, по мере того как притуплялся острота происшедшего с Таппасхановым и забывалось возмущение его проступком, начали возвращаться к нему те черные мысли. Уж больно близко лежали «лакомые кусочки», как же мимо них пройти да не урвать. «Ну, раз попался по неопытности,

впредь надо умнее да хитрее быть». И все сильнее припекала жажда наживы. Вспомнить бы ему, что «сколько веревочке ни виться»... Но, видать, такая уж натура двуличия, что человек редко может остановиться в неправедном деле.

Предательство всегда рассматривалось и рассматривается как злодеяние. И возмездие за него рано или поздно настаивает. Последовало оно и за новый проступок старшего прапорщика Таппасханова. И снова как тут не задаться вопросами: знал ли он всю серьезность доверенного ему дела, ведал ли, что пронос таким, как он, лицом запрещенных предметов на территорию охраняемого объекта квалифицируется как должностное преступление? Никогда не мог не знать и не ведал. Как и всем его сослуживцам, Таппасханову о недопустимости неслужебных связей с осужденными, о вытекающих из этого последствиях не единожды твердили офицеры, партийные активисты. И делалось это не ради галочки, не потому, что, скажем, за Таппасхановым числился старый грешок, а в интересах службы, в интересах людей, ее несущих.

Нет, не вял этим напоминаниям, разъяснениям, предостережениям командиров, политработников начальник войскового наряда, не проникся чувством ответственности, не утвердился в его сознании истинные понятия о смысле службы, о долге, законности. Не колыхнул его душу и разговор на открытом партсобрании подразделения, где всего за пять дней до проступка коммуниста обсуждался вопрос «О состоянии и мерах усиления борьбы с нарушениями социальности и неслужебными связями, повышении надежности охраны объектов и режима содержания

В один из дней Боровикин в нетрезвом виде управлял мотоциклом и был остановлен сотрудником ГАИ. Пришлось держать ответ на суде чести прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы. Его во второй раз понижают в должности.

Удерживали Боровикина от пьянства разными способами. Как баянисту предложили участвовать в художественной самодеятельности. Да сначала и сам Боровикин этого пожелал. Но ненадолго его хватило. «Зеленый змей» тогда уже крепко держал его в своих объятиях. С тех пор и пылился баян в подразделении...

А человек продолжал катиться вниз. И остановить падение оказалось делом весьма трудным. Если в коллективе оружейно-пулеметной мастерской не торопились что-либо предпринять, то в контролерском подразделении — последнем месте службы Боровикина — с ним нячиться не стали. Повсеместно ужесточал-

ся спрос с пьяниц, все больше набирала обороты борьба за трезвый образ жизни. Военнослужащий не нашел в себе сил перебороть порок, и коллектив избавился от него самым решительным образом.

Передо мной — протокол заседания совета прапорщиков, где было принято решение ходатайствовать перед командованием об увольнении Боровикина из войск. За его скупыми строками не видно тех эмоций, которые кипели в ходе заседания. Немало нелицеприятного услышал в те минуты Боровикин. Единодушны были сослуживцы в том, что таким, как он, нет места в войсках.

...Мы остановились у подъезда дома. Дверь открыл мальчишка лет девяти — сын Боровикина. Появился Владимир, пригласил в квартиру.

Завязался разговор. О случившемся Боровикин рассуждает здраво. Понимает, что на службу ему возврата нет. А все же проскакивает в разговоре: «Но вот если бы теперь...»

осужденных в свете требований МВД СССР». Кстати, эти требования были доведены до старшего прапорщика под роспись. Поставил он свою подпись и в знак того, что ознакомлен со статьей Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей уголовное наказание за неслужебную связь с осужденными.

Заведомо пошел на преступление, ничто его не остановило, непреодолимой оказалась страсть к наживе, стремление, пусть и противозаконными путями, потуже набить кошелек. И не нашел мужества Таппасханов признать за собой такой порок, когда держал ответ перед коммунистами на партсобрании. Ничего вразумительного не смог сказать он в объяснение своего проступка, лишь извинения да просьбу не судить строго услышали от него товарищи.

Но судили строго, по высшему счету. Решение партийцев было бескомпромиссным и единогласным: «За нравственную и профессиональную деформацию и попытку вступить в неслужебную связь с осужденными исключить А. А. Таппасханова из членов КПСС». Совет прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы также единодушно постановил ходатайствовать перед командиром части об увольнении старшего прапорщика Таппасханова из внутренних войск.

Что ж, вполне закономерный конец двуличника-перевертыша.

В нашей службе много противоречий. Мы знаем немало примеров самоотверженных и решительных действий личного состава, который, проявляя высокую бдительность, принципиальность, неподкупность, срывает замыслы перебросов, провозов на охраняемый объект запрещен-

ных предметов. Но, как видно из происшедшего с Таппасхановым, кое-кто из военнослужащих все же идет на противозаконие. В связи с этим стоит коснуться здесь и такой проблемы: почему, скажем, не повлиять на Таппасханова вся та воспитательная работа, которая велась в подразделении, не дошли до его сознания правильные, нужные слова и тяга к наживе перевесила чувство долга?

Можно, наверное, аргументировать это тем, что случившееся в роте — результат и известного формализма во влиянии на военнослужащих, и неумения воспитателей дойти до каждого человека, заглянуть во внутренний, духовный мир подопечных, выравнивать намечающиеся нравственные перекосы. Следует упрекнуть и партийную организацию в том, что мало заботилась об обеспечении примерности коммунистов, не поддерживала среди них атмосферу принципиальной взыскательности, требовательности друг к другу. Все это будет несомненно справедливым. Но хотелось бы помимо этого поднять и еще одну, как правило, редко рассматриваемую причину подобных происшествий на службе.

А она, на наш взгляд, в том, что в роте, в партийной организации слово не всегда подкрепляется делом. Попробуем разобраться в ситуации. Таппасханов попал на КПП с запрещенными предметами в период обыска в зоне, значит, в иные дни у военнослужащих, сотрудников ИТК не требовали предъявить пронесимое к осмотру, и они имели возможность проходить через КПП по сути дела бесконтрольно. То есть порядок тут был далеко не четкий, оставляющий лазейку для

Себя не выгораживает. И хотя решение об увольнении из войск считает чересчур жестким, вину чувствует.

Нынешние его думы — о предстоящей работе.

— Куда собираетесь устраиваться?

— Работу найти можно, были бы руки.

Что же, все правильно. Но как трудно с годами становится искать место в жизни, свою дорогу, что называется, снова обрести себя. Это понял Владимир. Но прозрение его запоздало.

...А музыкальный инструмент мы вернули хозяину. Бережно принял его Владимир из рук солдата, прошелся по клавишам. Видимо, баян был добрым напоминанием о службе, товарищах. Пятнадцать лет ведь просто так не вычеркнешь из жизни...

Капитан В. ШЕВЧЕНКО.

Ордена Красной Звезды

УВВ по Северо-Западу и Прибалтике.

людей нечестных, для тех самых «умельцев» жить, для нестойких к соблазнам. И кто знает, кроме самого же Таппасханова, может, он уже не раз воспользовался той лазейкой, прежде чем попасться?

Тут логичен вывод: ведь самый строгий запрет, сколько о нем ни напоминай, вряд ли остановит человека, решившего нарушить его, если он не увидит еще и прочного барьера на своем пути. Будь же на КПП скрупулезно продуманная, постоянно действующая система прохода людей, не оставляющая никакого шанса для ее нарушения, вряд ли возникло бы у Таппасханова желание «попытать счастья».

И еще одно. На том самом собрании немало говорилось, что Таппасханов очернил коллектив, свел на нет все усилия сослуживцев выйти в передовики среди других подразделений. Трудно ли предположить, а не скрывалось ли за таким, в принципе-то здоровым, желанием коллектива его невнимание к судьбе отдельного человека, к образу его мыслей, устремлений? Не может быть того, чтобы в подразделении не знали кто есть кто. Знали, конечно, но акцента на это в работе с людьми скорее всего не было: нередко ведь за красивым фасадом скрыта неприглядная внутренность здания. Вот и тут, не преваляла ли забота о внешнем благополучии коллектива над заботой об укреплении нравственности каждого человека? Иначе, может, и не лишился бы партийного билета и погон военнослужащего бывший контролер.

Капитан И. КУБЫШЕВ.

*Ордена Красной Звезды УВВ по
Северному Кавказу и Закавказью.*

ИВАН КИВАЕТ НА ПЕТРА

В непрестом положении долгое время находится командир взвода контролеров старший прапорщик А. Мещеряков, приславший в журнал письмо со словами отчаяния. И ему есть от чего впасть в уныние. Его большая семья, состоящая из восьми человек, живет в полуразвалившемся аварийном доме, а перспективы улучшить ей жилищные условия равны нулю. Не потому, что Анатолий Филиппович, прослуживший в войсках 20 лет, и его многочисленные домочадцы не имеют права на это. Все дело в бюрократической чехарде, в которую они вовлечены и которая не позволяет выяснить, кто же должен решать их квартирный вопрос!

Войсковики отказывают в помощи, ссылаясь на то, что военнослужащим подразделений по охране ИТУ и других объектов жилья площадь предоставляется администрацией этих учреждений. А руководитель учреждения отсылает командира взвода к его прямым начальникам: дескать, мы полностью выделяем части жилую площадь по совместному с ней договору... Вот уж поистине «Иван кивает на Петра».

К письму старший прапорщик приложил две справки — за подписями начальника ИТУ и заместителя командира части — о том, что ни в исправительно-трудовом учреждении, ни в части Мещеряков на очереди не стоит.

Так и ходит человек со своими жалобами по кругу. А не пора ли должностным лицам части вспомнить о своих обязанностях по отношению к подчиненным, в частности, проявлять заботу о них! Надо же в конце концов распутать клубок противоречий и дать человеку однозначный ответ: в какую ему дверь стучаться.

НАША СПРАВКА. В соответствии с требованиями директивы Министра внутренних дел СССР от 26 апреля 1988 года № 21 военнослужащие подразделений внутренних войск по охране ИТУ, ЛТП, нуждающиеся в жилье, учитываются в списках очередников соответствующих ИТУ, ЛТП. Они подлежат обеспечению квартирами наравне с начальствующим, инженерно-техническим составом исправительно-трудовых учреждений. Для контроля за исполнением этого решения в состав жилищных комиссий ИТУ, ЛТП включаются военнослужащие подразделений внутренних войск.

РЕПЛИКА

ВЕСОМЫЙ ВКЛАД В ПОБЕДУ СОВЕТСКИХ ОЛИМПИЙЦЕВ В СЕУЛЕ ВНЕСЛИ СПОРТСМЕНЫ-ДИНАМОВЦЫ, СРЕДИ КОТОРЫХ НЕМАЛО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК. ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЮ РАССКАЗ ОБ ОЛИМПИЙСКОМ ЧЕМПИОНЕ ПО КЛАССИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ АЛЕКСАНДРЕ КАРЕЛИНЕ.

СИБИРСКИЙ БОГАТЫРЬ

«Аплодисменты пронесли по трибунам, когда появилась делегация СССР. Во главе с красным флагом в руке шагал Александр Карелин.

Здесь среди журналистов установилась такая же олимпийская атмосфера благожелательности, как среди спортсменов. И потом в автобусе на пути со стадиона пришлось давать иностранным коллегам справку о нашем знаменосце. Ему 21 год. В прошлом сезоне он завоевал Кубок мира по классической борьбе в самой престижной весовой категории — до 130 килограммов. А рост у него 191 сантиметр. В общем, настоящий богатырь и настоящий спортсмен!» — так писала «Правда» 18 сентября 1988 года, рассказывая об открытии XXIV Олимпийских игр в Сеуле. В спортсмена, который шел впереди делегации СССР, верили все. Ждали его побед. И не ошиблись в нем.

...Стремительно складывалась спортивная жизнь Александра Карелина. Он молод, но ярких страниц в его биографии уже немало.

Не знаю, как у кого, но у меня лично до сих пор стоит перед глазами фрагмент финального поединка Александра Карелина на тбилисском чемпионате СССР по классической борьбе в феврале этого года. Именно фрагмент, а не вся схватка, потому что уже на третьей минуте динамовец из Новосибирска одержал чистую, безоговорочную победу над двукратным чемпионом мира 26-летним Игорем Росторочкиным из Караганды.

У этой победы, после которой Александр был впервые увенчан золотой медалью чемпиона СССР, была своя любопытная предыстория.

Примерно в тот же период, когда Игорь Росторочкин выиграл титул чемпиона мира, во весь голос заявил о себе и юный Саша Карелин, ставший победителем юниорского первенства мира. А через год они уже сошлись на ковре в Кубке СССР. Борец из Казахстана оказался сильнее. Но именно тогда он и увидел в Карелине своего будущего конкурента. Только это будущее представлялось Росторочкому очень

отдаленным. Но новосибирский динамовец сумел предельно спрессовать время. Огромной волей, неудержимым желанием выиграть, титаническим трудом на тренировках он доказал, что сейчас ему нет равных в стране среди борцов-классиков в супертяжелой весовой категории...

Саша родился и воспитывался в Новосибирске в рабочей семье. Отец — Александр Иванович, шофер по профессии, в молодости увлекался боксом, стремился и сына приобщить к спорту. Саша не без успеха попробовал свои силы в плавании, легкой атлетике, штанге, неплохо бегал на лыжах. Может быть, он так и остался бы обычным развитым пареньком, если бы однажды в школу не пришел тренер, набравший желающих заниматься классической борьбой. Так четырнадцатилетний Карелин попал в секцию ДСО «Буревестник» при Новосибирском электротехническом институте.

Его первый наставник, у которого Саша, кстати, занимается и по сей день, — заслуженный тренер РСФСР Виктор Михайлович Кузнецов сразу обратил внимание на завидные физические данные новичка. «Хороший из него получится тяжеловес», — сказал тогда тренер, — только бы не разочаровался, не бросил борьбу». Опасения опытного педагога были не случайны. Осенью мальчишки валом валили в секцию классической борьбы, но, потренировавшись неделю-другую, многие находили себе занятие попроще. С Карелиным, к счастью, такого не случилось.

После десятилетки он успешно окончил автотранспортный техникум, а сейчас заочно учится в институте физической культуры. Несмотря на дефицит времени, круг его интересов широк. Любит классическую музыку, романсы, не без удовольствия слушает концерты современных рок-ансамблей. Как только представляется возможность, выезжает на природу, чтобы, как сам выражается, подышать тишиной. Его редко увидишь без книги в руках.

Чемпион XXIV Олимпийских Игр по классической борьбе Александр Карелин.

Три года назад Александра призвали на действительную службу во внутренние войска. И здесь командиры отметили его исключительную дисциплинированность, исполнительность, собранность и похвальную инициативу. Рядовому Карелину было присвоено звание «сержант». Потом стал прапорщиком внутренних войск и очень этим гордится. Карелин защищает спортивную честь ВФСО «Динамо». Его победы на борцовском ковре яркие, впечатляющие: завоевал титул чемпиона СССР, а до этого дважды становился сильнейшим на юниорских чемпионатах мира и Европы, выигрывал Кубок мира и Спартакиаду народов СССР, триумф на первом для него взрослом первенстве Европы в Норвегии.

Небольшой городок Колботн прилепился на самом краю серых норвежских фьордов. Именно сюда в середине мая со всех концов Европы съехались борцы классического стиля, чтобы под сводами спортивного комплекса «Милле Париж» выявить сильнейших. И в самой «престижной» весовой категории — до 130 кг — право защищать спортивную честь нашей страны было доверено динамовцу из Новосибирска Александру Карелину.

Начал Александр свержуединительно. Итальянский борец Ф. Валгунер уже в первом периоде получил три предупреждения за пассивную борьбу и должен был покинуть ковер. Но... попросил разрешения продолжить борьбу. Такое допускается, если не возражает соперник. Советский богатырь был великодушен — согласился. И через полминуты тушировал итальянца.

В полуфинале Карелину противостоял сильный румын Ион Григораш. Саша уложил его на лопатки за 10 секунд. Чемпион мира-86 швед Томас Юхансон, когда

пришла его очередь бороться с нашим богатырем, готов был в ковер закопаться, только и заболтался о том, чтобы хоть как-то продержаться минуту-другую. Потом он даст интервью: «С ужасом вспоминаю чемпионат. С ковра ушел еле живым...»

В финальной схватке за звание чемпиона Европы в супертяжелой весовой категории Александр встретился с хорошим борцом Красимиром Радоевым (Болгария). И «управился» с ним до перерыва — чистая победа!

Столь блистательное выступление не могло не способствовать тому, что обычно сдержанные норвежцы в полном смысле слова влюбились в Карелина. И не только огромная физическая сила, филигранная техника сделали нашего борца на чемпионате очень популярным. Жителей Колботна очаровало характерное русское добродушие Саши, умение быть интересным собеседником. Правда, у норвежских болельщиков были и «серьезные претензии» к нашему гиганту: «возмущались» они тем, что Карелин слишком уж быстр в деле. 80 крон платили зрители за входной билет во дворец, а насмотреться на славного русского богатыря (прямо-таки былинного Илью Муромца) не могли — ни одной схватки за весь чемпионат не провел он по полному регламенту.

Несмотря на свои громкие спортивные титулы, огромную популярность, он остается к собственной славе весьма равнодушным. Этого же мнения придерживается и его тренер В. Кузнецов. Вот его слова, сказанные до Олимпиады:

— Мне вроде бы неудобно хвалить своего ученика. И все-таки хочу подчеркнуть: Саша — парень на редкость скромный, и успехи, даже такие, которых он уже достиг, не вскружили ему голову. И потом у нас впереди главная цель — Олимпийские игры в Сеуле.

И вот олимпийский ковер. В финале старые соперники: Карелин и жаждущий реванша за недавнее поражение болгарин Рангел Гуеровски. Начало схватки не в пользу Александра — 0:3. Но к перерыву Саша сокращает разрыв — 2:3. Рангел понимает, что ему не вырваться из железных объятий противника, хитрит, пассивничает, поглядывая на табло. Счет равный — 3:3, и за 27 секунд до свистка арбитра Александр проводит молниеносный прием — Гуеровски повержен!

В кратком интервью чемпион Олимпийских игр скромно ответил на вопрос корреспондента:

— Я простой парень, сын простых родителей... Два дня назад мне исполнился 21 год... И я еще не понял, что случилось...

А случилось то, что Александр Карелин вззошел на вершину спортивной славы.

Майор А. ДРОГНЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Недавно А. Карелину было присвоено воинское звание «лейтенант».

Родной дом был, можно сказать, рядом, последние километры выстукивал к нему поезд. Проплыл мимо окон знакомый переезд, желто-красной листвой вспыхнул перелесок, копны сена вдоль речки стоят вроде бы в таком же порядке, как и год назад...

Рядовой Кошкин едет в отпуск. Два дня пути позади, и уже сегодня вечером он откроет знакомую калитку, попадет в объятия родных. О своем приезде он им не писал, и встреча будет неожиданной... А потом он оседлает свою «Яву» и помчится в Березовку. Аленка тоже ничего не знает и, ионечно же, очень удивится: кто это бросает камешки в форточку?

Кошкин улыбался, глядя через стекло на вспаханное под пары поле, но видел сейчас, думается, совсем другое.

В тамбур вышел и встал рядом с ним старичок, сосед по купе. Место на нижней полке он занял ночью, войдя в вагон в областном центре, но за весь день они так и не познакомились. Мечтами о доме и свидании с девушкой жил Кошкин, да и попутчик его думал о чем-то своем. Общей темы для разговора не находилось.

И только теперь они впервые услышали голоса друг друга.

— На побывку или совсем? — спросил старик.

— В отпуск, — ответил Кошкин. И добавил: — Уже почти приехал. Чуть больше часа осталось.

— Уж не в Березовку ли?

— Нет, — мотнул головой Кошкин и заинтересованно взглянул на собеседника.

Березовка — деревня небольшая, в полсотни домов, и почти всех жителей ее знал солдат. Ведь оттуда до его Марьевки всего шесть километров, и тому же родственников, знакомых там полно. И так часто в Березовке бывал, а уж когда с Аленкой встречаться начал...

Но лицо старика было ему незнакомо.

— А разве вы из Березовки? — спросил Кошкин.

— Нет, я издалека. К сыну еду, в гости, если можно так сказать.

— Мне там каждый знаком, — полувопросительно сказал солдат.

— Но его вы не знаете. Если из деревни в сторону райцентра ехать, справа от дороги братская могила стоит.

— Под Березовкой три братских могилы...

— Но я о той говорю, на которой табличка «Имена погибших не установлены». Да-да, не установлены. Хотя, знаю, и в двух других могилах много безымянных бойцов лежит, но наш Алексей — в этой. Жена моя это определила. Сердцем, говорит, материнским чуть. Ни в военкомате помочь не смогли, ни красивые следопыты. А она определила.

Отсюда, из-под Березовки, прислал Алексей в августе сорок первого домой последнее письмо. И все. Ни похоронки, ни извещения, что пропал без вести, на него не приходило. Война закончилась, и поехали родители Алексея под эту самую Березовку. Узнали, что за один день боев полегло здесь два батальона, все — от бойцов до командиров. В одночасье и хоронили их деревенские женщины. Там, где были три линии обороны, и выросли три могилы. Одна — у поста через речку, вторая — у карьера, где камень до войны добывали, третья — на перекрестке дорог, на краю поля со сгоревшим хлебом. На нее, на третью, мать Алексея и указала; здесь он, мол. И пока не умерла два года назад, постоянно сюда ездила. В гости к сыну. Он, говорила, васильки больно любил, а их в поле много растет.

— Я, — закончил старик, — попытался было разузнать, где точно Алеша лежит, да не получилось ничего. Часть его только формироваться начинала, и бойцы раньше погибли, чем в списки попали, и такое было на войне.

— Так, может быть, — спросил Кошкин, — сын ваш вовсе не под Березовкой похоронен?

Старик помолчал, потом сказал:

— Не все ли равно, где? А сюда ездил и буду ездить. Все они — сыны...

Желтая луна горит над полем, отражается в холодной речке, в никелевых боках «Явы», стоящей на обочине степной дороги. И сидят под луной на скромной голубенькой скамейке трое: маленький седой старик, рослый широкоплечий парень и девушка, его невеста. Сидят и молча смотрят на ухоженный холм, поросший васильками. А над тем холмом и в ночи сияет жемчужная звезда.

Прапорщик В. ВЕЛЬМИСКИН.

ПРОБА ПЕРА

ЛЬГОТЫ ДЛЯ ПРАПОРЩИКОВ, УВОЛЕННЫХ В ЗАПАС ИЛИ ОТСТАВКУ

В РЕДАКЦИЮ ОБРАТИЛАСЬ ГРУППА ПРАПОРЩИКОВ С ПРОСЬБОЙ РАССКАЗАТЬ О ЛЬГОТАХ, КОТОРЫЕ ПРЕДОСТАВЛЯЮТСЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ, УВОЛЕННЫМ В ЗАПАС ИЛИ ОТСТАВКУ.

ВЫПОЛНИТЬ ПРОСЬБУ ЧИТАТЕЛЕЙ МЫ ПОПРОСИЛИ СТАРШЕГО ОФИЦЕРА-ЮРИСКОНСУЛЬТА ГУВВ МВД СССР ПОДПОЛКОВНИКА В. ОСТАПЕНКО.

Служба в Вооруженных Силах СССР связана со многими трудностями и лишениями, требует от личного состава полной отдачи сил и знаний, высокой дисциплинированности, самоотверженности. Учитывая все это, Советское государство установило для военнослужащих сверхсрочной службы, прапорщиков, мичманов, уволенных с действительной воинской службы в запас или отставку, и их семей определенные льготы. Они регламентируются Положением о льготах для военнослужащих, военнообязанных, лиц, уволенных с воинской службы в отставку, и их семей, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1981 г. № 193. Назовем основные из них.

Льготы по налогам и сборам.

В случае увольнения военнослужащих с действительной военной службы по болезни льгота по освобождению от налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР, предоставлявшаяся им и их женам в период прохождения воинской службы, сохраняется в течение одного года со дня увольнения.

Военнослужащие запаса, привлекаемые Министерством обороны для обучения в автохозяйствах и организациях ДОСААФ, профессионально-технических учебных заведениях, учебных комбинатах автомобильного транспорта общего пользования,

освобождаются от взимания сборов за прием экзаменов по Правилам дорожного движения и навыкам вождения средств автотранспорта, а также от сбора за выдачу удостоверения на право управления транспортными средствами.

Жилищные льготы.

За прапорщиками, мичманами и военнослужащими сверхсрочной службы в течение первых пяти лет пребывания на действительной военной службе в качестве прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы сохраняется право на жилую площадь, занимаемую до поступления на военную службу.

Прапорщики, мичманы, военнослужащие сверхсрочной службы, уволенные в запас или отставку по состоянию здоровья, возрасту или сокращению штатов, состоявшие на службе в Вооруженных Силах СССР не менее двадцати календарных лет, при смене места жительства обеспечиваются исполкомами местных Советов народных депутатов жилой площадью в первую очередь, но не позднее, чем в трехмесячный срок со дня прибытия к месту жительства, избранного с учетом существующего порядка прописки.

Прапорщикам, мичманам и военнослужащим сверхсрочной службы, уволенным в запас или отставку по состоянию здоровья, возрасту или сокращению штатов, выдаются денежные ссуды на индивидуальное жилищное строительство в размерах, предусмотренных действующим законодательством. Исполкомы местных Советов народных депутатов оказывают содействие в отводе земельных участков, строительстве индивидуальных домов на средства военнослужащих и отпуске строительных материалов по государственному ценам. Кроме того, они обеспечивают прием в жилищно-строительные кооперативы в избранных городах и населенных пунктах тех военнослужащих, которые достигли предельных возрастов пребывания на действительной военной службе, установленных Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности», или которым до достижения указанных возрастов осталось не больше трех лет. Для решения вопроса о приеме военнослужащих в ЖСК, проезд в место расположения этого кооператива и прописка по месту его нахождения не требуются.

В Москве и Московской области, в Ленинграде, Киеве и Минске, в курортных местностях указанные военнослужащие могут вступать в ЖСК на тех же условиях, но при наличии у них (согласно действующему законодательству) права на прописку.

Льготы в области образования.

За лицами, призванными на действительную военную службу в период обуче-

СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

ния в учебных заведениях, при увольнении в запас сохраняется право быть зачисленными для продолжения учебы в то учебное заведение и на тот курс, где они обучались до призыва на действительную военную службу с назначением стипендии со дня восстановления в учебном заведении до результатов очередной экзаменационной сессии.

Военнослужащие, уволенные с действительной военной службы, пользуются преимуществами при поступлении в профессионально-технические и высшие учебные заведения, а также на курсы по обучению соответствующим профессиям.

Льготы по перевозкам.

Уволенные в запас или отставку, а также члены их семей (жены, несовершеннолетние дети, совершеннолетние дети — учащиеся, состоящие на иждивении, дети-инвалиды I и II групп, родители военнослужащего и его жены, состоящие на иждивении: отец старше 60 лет, мать старше 55 лет или отец и мать инвалиды I и II групп независимо от возраста; братья и сестры, дед и бабушка военнослужащего, состоящие на иждивении военнослужащего) в течение шести месяцев со дня увольнения с действительной военной службы имеют право на получение воинских перевозочных документов для следования от места своего жительства и перевозку домашних вещей к избранному месту жительства.

Льгота предоставляется для перевозки имущества грузовой скоростью по железнодорожным, водным или автомобильным путям сообщения в количестве не более 650 кг на военнослужащего и 200 кг на каждого переезжающего члена семьи, а всего на членов семьи не более 1000 кг.

Имущество может быть перевезено и багажом, но в этих случаях указанные нормы уменьшаются вдвое. Имущество может быть перевезено также и в универсальных контейнерах по железнодорожным, водным или автомобильным путям сообщения: в трехтонном контейнере — при составе семьи до четырех человек и в пятитонном (двух трехтонных) — при составе семьи четыре человека и более.

Льготы по труду и социальному страхованию.

За военнообязанными, призванными на сборы или привлеченными к командирским занятиям, сохраняется за время сборов (командирских занятий), включая и время нахождения в пути до воинской части и обратно, занимаемая должность (работа), и им выплачивается по месту работы средний заработок.

Эти лица не подлежат увольнению с работы со дня получения повестки о призыве до возвращения со сборов (командирских занятий), кроме случаев полной ликвидации предприятия, учреждения или организации. В этом случае положенный им заработок или другое материальное обеспечение за время сборов (командирских занятий) выплачивается ликвидируе-

мым предприятием, учреждением, организацией или их правопреемниками, либо министерством, государственным комитетом, ведомством, которому они были подчинены.

Если военнообязанный заболел во время сборов (командирских занятий) и продолжает болеть по окончании их, за ним в установленном порядке сохраняются место работы и должность, а со дня окончания сборов (командирских занятий) вместо заработной платы за этот период ему выплачивается пособие по временной нетрудоспособности в соответствии с действующим законодательством.

Военнообязанным, направляемым военкоматами на диспансерное, амбулаторное или клиническое обследование, за все время нахождения в медицинском учреждении сохраняются место работы, учебы, занимаемая должность и средний заработок или стипендия.

Рабочие и служащие (кроме временных и сезонных), а также колхозники, призванные на действительную военную службу, но затем досрочно уволенные в запас или отставку, имеют право возвратиться на прежнее место работы (должность), если со дня призыва их на действительную военную службу прошло не более трех месяцев, не считая времени, необходимого для проезда к месту жительства.

Время нахождения граждан на действительной военной службе в рядах Вооруженных Сил СССР засчитывается в их общий трудовой стаж, дающий право на пенсию по старости, а также в непрерывный трудовой стаж и стаж работы по специальности в календарном исчислении — день за день.

Исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов, руководители предприятий, учреждений, организаций, колхозов и учебных заведений предоставляют уволенным в запас или отставку военнослужащим сверхсрочной службы, прапорщикам и мичманам с учетом их специальности работу не позднее месячного срока со дня обращения.

Рабочие и служащие из числа уволенных в запас или отставку военнослужащих сверхсрочной службы, прапорщиков и мичманов пользуются при прочих равных условиях правом преимущественного оставления на работе при сокращении численности или штата работников.

Лицам, имеющим право на льготы, по их просьбе выдаются удостоверения по установленной форме.

Удостоверения выдаются воинскими частями и местными органами военного управления. Удостоверения могут также выдаваться исполнительными комитетами районных, городских Советов народных депутатов, а также поселковых и сельских Советов народных депутатов, если у них имеются сведения, необходимые для выдачи таких удостоверений.

В случаях, когда льготы могут быть предоставлены на основании имеющихся данных, они должны предоставляться и без указанных удостоверений.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Капитан И. КОЗЛОВ.

ПОВЕСТЬ

10

— Ну что, устроим громкую читку? — спросил Кривец и положил письмо перед Зикеевым. — Читайте, Виктор Максимович. Ибрагимову тоже ведь послушать надо, да и мы с Осадчим еще раз в смысл написанного вникнуть попробуем.

Почерк был аккуратный, буквочка к буквочке, читался легко.

— «...У нас во взводе прапорщиков служит много хороших товарищей, взять хотя бы тех же Мануйлова, Христича, Шумейко и других. Все в роте по многу лет, пользуются авторитетом, доверием, а тем не менее командиром взвода назначили к нам человека, можно сказать, со стороны, старшего прапорщика Войткова. Прослужил он мало, а уже успел проявить себя с негативной стороны: занимается денежными поборами. Ни замполиту Зикееву, ни командиру Ибрагимову до этого и дела нет, хотя они и знают о неблагоприятных действиях Войткова. Но, видно, боятся связываться с ним потому, что у того «рука» в управлении войск. Где социальная справедливость? Получается, если у кого нет блата и знакомств, тот ничего не добьется, а у кого покровители — тому все...»

— Ну, — спросил Кривец, когда письмо было дочитано, — кто первый сей документ комментировать будет? Командир?

— Я в роте недавно, товарищ подполковник, и не знаю о Войткове ничего, кроме его деловых качеств. Никто со стороны мне не подсказывал, кого на должность командира взвода назначать. Я принял такое решение и считаю его верным.

Кривец ровно и спокойно возразил:

— Не надо, Ибрагимов, похваляться тем, что так мало о человеке знаете. Кроме деловых качеств, есть еще моральные. Письмо об этом как раз. Думаю,

Окончание. Начало в № 11.

некоторые его строки нуждаются в пояснении. Так вот, у Войткова действительно есть связи в управлении войск. Тайны из этого делать не буду, скажу все, как есть. Полковника Янина знаете? Янин в конце войны командиром взвода был. История давняя, пересказывать ее нет смысла, но на главном остановлюсь. В одном из боев Янину спас жизнь его подчиненный, Войтков, отец вашего прапорщика. Себя под пули поставил, прикрыл телом командира. Живым остался, но руку ему в госпитале отрезали. Выписался, вернулся в свое село, женился, четверых детей, как мог, на ноги поставил. Я знаю его немного, скромнейший человек. Пенсию получал — копейки, хотя имел право на большее. Янин помог и с пенсионными делами разобраться, и работу по силам подыскать. Можно его осуждать за это? Теперь — о Федоре Войткове, младшем из четверых. Срочную два года в тайге служил, от рядового до сержанта путь прошел, в партию его приняли там. Не писарем был, заметьте, и не при штабе сидел. И в вашу роту Янин его не пристраивал, не курорт здесь, сами знаете. Нужны были сюда люди — вот Войтков и приехал. Квартиру, насколько мне известно, ждет на общих основаниях, трудится вроде неплохо. Таково предисловие. А теперь поговорим о денежных поборах, как пишут в письме. Было такое, капитан Ибрагимов?

— Было, товарищ подполковник.

— Почему же нам не доложили? — Осадчий, сидевший на месте командира роты, хлопнул ладонью по столу, да так, что звякнули ложки в пустых уже стаканах. — Мы их в инициаторы предлагаем, в отличники тянем, а тут такое, оказывается, творится!

— Рассказывайте, — лениво, в своей манере, приказал Кривец.

А рассказывать в общем-то было почти не о чем. В день, когда старшего прапорщика Войткова назначили командиром взвода, к нему подошло несколько сослуживцев: надо, мол, Федя, обмыть высокую должность. Понимаем, что вод-

ка сейчас дорогая, потому сбрасываемся по троячку с носа... Собрал Федор деньги, свои доложил, пошел в магазин и купил... несколько банок зеленой краски и малярные кисти. Давайте, мол, мужики, не дурью маяться, а делом заниматься, забор покрасим, скамейки в спортгородке. И договоримся, что забудем о вашем предложении. Все закончилось тем, что поворчали на него прапорщики до вечера, а на другой день над собой же хохотать начали. Забор красят, а сами аж заливаются от смеха, вспоминают вчерашнее, да еще и привирают чуть-чуть.

Понятное дело, стала история с обмыванием должности всем известна. С Войтковым и командир, и замполит поговорили, отругали за то, что не теми методами, какими надо, с пьянством борется. Посоветовали и вернуть деньги всем, кто из заначек троячки доставал, но сами же прапорщики запротестовали. Так о чем было докладывать?

Начальник политотдела слушал Зикеева, не перебивая. И вопрос задал неожиданно Осадчему:

— Что будем делать, Валерий Константинович?

— Думаю, товарищ подполковник, надо встретиться с теми прапорщиками, кто давал Войткову деньги, среди них и найдем автора письма.

— Найдем. А дальше?

— Но ведь сначала надо установить истину, товарищ подполковник.

— Истину по анонимке? Вам ли, Валерий Константинович, объяснять, что с анонимками мы вообще работать не обязаны, что, может быть, по своей прихоти только я и даю ход этому письму... Ну да ладно, договаривайте, как хотите ее установить.

— Я уже поговорил с несколькими прапорщиками. Пока все объясняют случившееся примерно так же, как и старший лейтенант Зикеев. Но исходя из того, что некоторых я не увидел...

Кривец редко всплывал, но когда такие минуты были, глаза его становились узкими колючими щелчками, четче выступали морщины на краснеющих щеках.

Так произошло и сейчас. Голосом, в котором уже чувствовался металл, он сказал:

— Исходить во всех случаях надо только из одного: что порядочных людей вокруг нас больше, чем подлецов. Только из этого! Если мы перестанем доверять большинству...

Дверь канцелярии открылась, вошел дневальный, держа в руках поднос со стаканами чая:

— Разрешите, товарищ подполковник?

Когда солдат ушел, Кривец непонятно кому задал еще один вопрос:

— Почему мы так мелко живем, а? Дела стоящего у людей нет, что ли? Как в песочнице играемся. Пишем, нашптываем, из ничего проблемы выдумываем. Рауучились, видно, просто жить, привыкаем каждый свой и чужой шаг анализировать, смыслом нагружать... Так? Ладно, день только начинается, у каждого дел по горло, так что приступим...

11

Виктор обедал обычно дома, Маша уже знала, что приходит он десять минут второго. Но сегодня все же не удержалась, позвонила ему в роте:

— Ты не задержишься? Обязательно приходи, новости есть.

О беде с Караваевым Маша узнала в три часа ночи — в это время вернулся из больницы муж. А утром она побежала по магазинам за покупками — с понедельника в отпуске, есть время, чтобы гостинцев для родственников закупить, не с пустыми же руками к ним ехать. Заглянула в магазин к Наде Ширяевой. Она девочка открытая, каждому ее слову верить можно. Не встречалась она вчера с Караваевым, да и не обещал он никакой встречи. Тем более, что в субботу расстались... плохо, что ли? Собрались по парку побродить, уже шли туда, и все нормально было. Вдруг он остановился посреди аллеи, стал бормотать, что в роту срочно надо, не объяснил толком, зачем, повернулся и ушел. И ушел, между прочим, не в ту сторону, где рота находится.

— Навстречу нам как раз люди из автобуса прошли. Я внимание на девочку одну обратила, не из наших, — говорила Надя. — Плащик французский, сумочка французская, сапожки — только на картинке такие видела. Так вот, похоже, из-за нее Вадим и разволновался так. Стал как вкопанный, смотрит ей вслед. Потом сразу начал про роту выдумывать. А она идет и оглядывается на него...

То, что Маша услышала от Ширяевой, она почти слово в слово передает Виктору. Виктор заканчивает обедать и все время смотрит на часы:

— Это, Машенька, их дело. Может, у той «француженки» такие ножки были, что и я бы не удержался, побежал вслед за нею, а?

— Ты не побежишь, — Маша подливает ему чаю. — Ты не из той породы.

— Так ведь и Караваев не из той, ты же его знаешь. Разве его плащиками заманишь?

— А он не за плащиком и пошел, мне кажется. Послушай, что я еще узнала...

Из овощного Мапа пошла в промтоварный, это на другом конце села. Продавщицей там работает Тая Братко, жена того водителя, который солдата в больницу доставил. Понятно, что сразу десяток вопросов Маше задали: кого сбили, да как он там, да правда ли говорят, что пьян был?

— Так это тот, который с Ширяевой встречался? — переспросила завмаг, Ксения Яковлевна. — Видела я его в субботу. И знаете где? Возле нашего магазина. За магазином, вернее. Там, где тара валяется. Я-то магазин уже замкнула, иду домой, глядь — у пустых ящиков солдат стоит. Летом там частенько алкашки собирались, укромное место. Гоняла их, гоняла — все равно. А этот вроде не пьяный был. Залез на ящик перевернутый, шею вытянул, как журавль, рассматривает что-то через забор.

— А что у вас за забором, Ксения Яковлевна?

— Ничего интересного, две трехэтажки, которые осенью заселились. Я сначала думала, уж не на девок ли он через окна глазееет — есть такие любители, — так смеркаться только начало, свет в комнатах не горел. И что меня еще удивило — рядом с ним прошла, а он меня будто и не заметил. Глаза в одну точку нацелил, лицо застыло. Может, накололся он, наркоман, а? Ты спроси у своего Виктора...

Виктор держал в руках чашку с чаем, но, пока Маша говорила, так и не отпил ни глотка.

— Что же получается? — спросил он жену. — Значит, эта длинноногая прелестница...

— Откуда ты взял, что она длинноногая?

— Ну, если вся из себя «француженка», то обязательно должна быть длинноногой.

Маша засмеялась:

— А Ширяева, знаешь, как о ней сказала? Сапожки, говорит, блеск, а ноги кривые.

— Вы своих соперниц всегда с дефектами представляете. Так что же высматривал мой Вадим? Эта незнакомка вошла в один из двух домов...

— Вошла часов в пять или около того. По крайней мере Вадим убежал от Надежды в половине пятого, а ходу сюда — минут двадцать. Завмаг же его видела в восьмом часу: в субботу магазин закрывается в семь часов. Не мог он, Витя, два часа на ящиках стоять только затем, чтобы увидеть свою прелестную незнакомку еще раз, даже если учесть, что у него воображение поэта и художника.

— Логично. А если это не незнакомка? Может, землячка его? Поначалу не узнали друг друга, потом он ее догнал, разговорились, побродили, зашла она в дом к родственникам или знакомым. пообещала выйти...

— Думала я об этом, Витя. Все равно не сходится. С чего бы парень девушку ждал у разбитых ящиков? Там грязь, нечистоты. По аллейке бы прошелся, на лавочке бы посидел. Нет, тут что-то другое. А главное, не пойму я, Витя, почему Вадим собрал ребят в роте, что собирается с Надеждой идти в гости. Ведь он же никогда-никогда не врал!

12

Шмаров нутром почувствовал, в кого будет стрелять Бес — в Ярему, иудой тот оказался. Но ждал Шмаров пули и в свой адрес. Неосознанно, просто ждал — и все. Спиной почувствовал, как прожужжал над ним рой свинца. Похвалил себя — вовремя свалился, вовремя вжался в траву.

Десятка два автоматов ударили по кустам, откуда стрелял Бес, кто-то швырнул туда гранату. Через минуту, когда все затихло, Шмаров встал с земли и увидел, как бойцы вытаскивали на поляну что-то изорванное, лохматое, окровавленное, лишь отдаленно напоминавшее человека. И еще он увидел Ярему, у которого пулями было снесено полголовы, и «ястребка», сидящего рядом, зажимающего рану на своем плече. Кровь лилась по его пальцам.

Потом офицер подвел Шмарова к тому, бесформенному, окровавленному: «Узнать можешь?» Шмаров кивнул. Бес. И удивился: зачем тот стрелял? Ведь прорвался же, ушел бы, отсиделся, скрон бы себе построил. Может, раненным был? А услышал о том, как Ярема о золоте говорит, и...

О золоте спросил Шмарова и офицер. Точнее, не о золоте. «Вы с Яремой закапывали кассу?» «Он сам, я был в стороне», — соврал Шмаров. «Не знаете, среди денег не было бумаж, документов?» Дурак, подумал Шмаров, там ящик золота, камней, а он — о бумажках. Ответил: «Не знаю, но, кажется, не было, Бес все бумажки еще с утра спалил, когда стало известно, что мы окружены».

До вечера он сам о золоте и не вспоминал. И кто знает, может, вообще о нем не вспомнил бы никогда, если бы вечером в сарай, где их всех держали, не привели выловленного в лесу Гуся. Тот подсел к Шмарову и ночью, когда все заснуло, зашептал ему:

— Ну что, наше теперь золото? Я ведь знаю, что ты его с Яремой зарывал. Я один знаю, больше никто! Бог даст, вырвемся на свободу...

Вот тогда Шмаров и сказал себе: а точно, золото есть! А Беса нет. Годы, проведенные за колючей проволокой, проведенные в мечтах о том, как выкапывает он, Шмаров, ящик, как пересыпает с ладони на ладонь богатство в виде желтых семечек, напротив вычеркнули из его памяти Гуся. Лагерь развелинили их, и, казалось, навсегда. Разве мог Шмаров предполагать, что Гуся выпустят чуть раньше и что Гусь будет, как охотник, поджидать его возвращения и в пятые-

сят восьмом, и позже, все годы. И сейчас...

Не спит Шмаров, ворочается с боку на бок. Завтра утром придет Гусь, за окончательным ответом придет. Можно, конечно, что-нибудь придумать и в этот раз, чтоб продлили срок, перебросили в другую зону. С третьего барака, знает Шмаров, три соплика подкуп делают. Знает он и то, что ничего у них не получится, чувствует нутром, что следят оперы за подкопом. Попасться на нем, что ли? Добавить вроде должны немного. Но ведь неизвестно же, и жизни сколько осталось. Может, жизни-то меньше осталось. Сколько ж раз откладывать можно? Зубов уже почти нет, голова лысая.

Но жалко делиться. Еще жалче, если пырнет там, в лесу, Гусь ножом...

13

Теперь вот только приходит то, что называется опытом. Теперь начинаешь понимать, как мельчил вчера, как часто понапрасну суетился, как, самое страшное, не верил в светлые головы других. Почему? Не только потому, что мало знал их, эти головы. Считал, точнее, просто был уверен, что должность обязывает его следить за тем, как идет дело в части, и в связи с этим быть ментором, быть грозой, ревизором. Поздновато он понял, что не следить за делом он поставлен, а делать это дело, и что не исполнителей надо в людях видеть, а единомышленников. Поздновато потому, что уже пятьдесят пять, и на последнем совещании высокое начальство словно бы случайно заинтересовалось, что собирается Кривец на гражданке делать. Не зря, конечно, поинтересовалось.

Самостоятельно, почти независимо от него решают люди те задачи, которые он ставит, — о чем же еще мечтать начальнику политдела? Он знает этих людей, изучил их, как себя, он понимает их — и Ибрагимова, и Зикеева, и Осадчего, если говорить конкретно.

Осадчий — еще ревизор, никому не верит, но любит поиграть в либерала, прикинуться протастком, рубахой-парнем. А он не протаст. Грамотен в теории, никакого объема работы не страшится. Вот только людей не ценит. Впрочем, что значит «вот только»? Это же главное. Рано, рано Осадчему за стол Кривца садиться...

Кривец тряхнул головой, словно отбиваясь от атаковавших его нехороших мыслей, и вновь начал вслушиваться в разговоры прапорщиков, с которыми он сидел сейчас в беседке. Выходит, пить они в общем и не собирались. Саму идею скинуться по тройку предложил прапорщик Шведов, а он, всем известно, спиртное и на дух не переносит, даже пиво не пьет. В шутку ляпнул, а шутку взяли и поддержали...

— А если бы все же Войтков купил водку, а не краску, что бы вы делали, шутники? В туалет бы ее вылили?

Прапорщики взвзобой ответили:

— Где ж ее купишь... Сухой закон в

районе... Два года никто ни одной пьянки не допустил... Строго с этим...

— Водки нет — к бабе Шуре пошли бы, за самогонкой. Или изъяли у нее аппарат?

Ему что-то отвечали, а он протягивал ладонь с пшеном синицам и думал, что надо бы не так поступить. Надо бы приехать, самому вычислить, кто написал анонимку, — это совсем нетрудно, — и потолковать с писакой с глазу на глаз: что ж ты, мол, паразит, делаешь, чего на людей клеветнешь? И не надо ни коллективных бесед, ни собраний. Это же как в семье, когда свой ребенок набедакурит, незачем принародно распекать его, дело же не в том, чтобы больнее наказать, а в том, чтобы научить соображать.

Скорее всего, написал кто-то из новичков, костяк прапорщиков здоровый в роте. Командиры тут толковые, что Ибрагимов, что Зикеев. И жена у замполита — чудная девчужка. Та, о которой можно сказать: с мужем служит. Вот от чего еще стабильность в службе идет: от жен. Надо бы пристальнее к этим вопросам приглядываться. Хотя чего уж там: о пенсии надо думать, а не о семьях чужих.

Дрогнула рука, синица, сидевшая на ладони, испуганно вспорхнула ввысь, осуждающе взглянула оттуда на Кривца. А тот, распрощавшись с прапорщиками, поспешил в ГАИ, где его уже ждали.

Старший лейтенант Марат Исаханов открыл желтую дверцу своего «уазика», сам сел за руль, рядом с подполковником.

— Ничего с Караваевым мы не выясним, товарищ подполковник, честно говорю. Видите, дорога какая? Лужа на луже, ухаб на ухабе. Солдата сбили вечером, а мы утром сюда приехали. По статистике же за один час проходит сорок машин... Вот здесь его подобрали, выбоину видите, у самого тротуара? Видно, кто-то решил объехать и заскочил на пешеходную дорожку. Освещение тут ночью плохое, плюс ко всему туман был, и ни одного свидетеля. Дохлое дело виновника найти, честно говорю. А потом, с воином-то вашим все в порядке, очухался уже, говорят? Мои с ним беседовали, он ничего не помнит. Как в кино: шел, упал, очнулся, перелом. Но у него и перелома ведь нет, синяками отделался.

— А если бы не отделался? — спросил Кривец. — Тогда бы нашли виновника?

Марат прижмурил один глаз, хитро взглянул на подполковника.

— Тогда бы шумо от нас больше было, только и всего, если честно. Вы же сами видите, товарищ подполковник — что тут найдешь? Но искать будем!.. Вас к роте подвести или к зоне?

— К роте, — сказал Кривец. А про себя подумал: вообще-то надо в больницу съездить, к Караваеву. Хотя дело с ним и ясное, а проведать солдатика не мешало бы. Вообще-то, слава богу, что без ЧП обошлось. Самоволки не было, пьянки не было, увечья нет. Иначе пришлось бы шею подставлять... Хотя перед увольнением чего бояться-то?

«Ну вот, — облизнул пересохшие губы. — Вспомнил о пенсии своей — и в горле аж запершило. Отчего? Чего боюсь, дурак? Отдохну ведь от всего...»

14

Возвратившись из дому в роту, Виктор поведал о разговоре с женой майору Осадчему. Действительно, мол, интересно получается, сплошные загадки, да и только. Почему Караваев от девушки своей убежал, зачем на ящики карабкался, для чего соврал, что в гости идет?

— Это, Виктор Максимович, само собой прояснится, когда солдат из больницы выйдет, — сказал Осадчий, не отрывая глаз от лежащих перед ним бумаг. — С ним все ясно, яснее и быть не может, и, насколько я понял, Кривец вни? в ситуацию, никого винить не собирается, а потому и оправданий искать больше не надо, понятно? Давайте лучше делом займемся: проанализируем работу партийной организации.

— Да я ведь не оправдываюсь, я — о другом, — начал было Виктор. — Понимаете, или я совершенно не знал своего солдата, или...

— Не напрашивайтесь на комплименты, — холодно улыбнулся майор. — Я уже убедился, что подчиненных своих вы знаете. Что же касается области загадок — это уже не заботы замполита, пусть их компетентные органы разгадывают. Хотя чего там гадать? Каждый из нас ведь не всегда логично поступает. Вот и Караваев... Бог с ним, в душу каждому не влезешь.

— Но мне кажется, Маша в чем-то права. Она ведь тоже Караваева знает неплохо.

— Откуда?

— Литературный кружок в роте ведет. Да и вообще, как-никак жена замполита.

— Ну что ж, это ее личное дело — как свой досуг проводить, — заключил Осадчий. — Пусть хоть частное расследование начинается. А вы, Виктор Максимович, должны жить иными категориями. Более серьезными, не замыкаться на частностях. Обошлось все с Караваевым — и ладно! Он у вас не один в роте.

— Понимаю, — сказал Зикеев. — Но я очень хотел бы все же побывать сейчас в больнице, письмо ему из дому передать, приветы от сослуживцев.

Осадчий пожал плечами: мол, поступи, как знаешь, раз не хочешь прислушаться к мнению старшего.

Виктор в палате у Караваева был недолго. О ночном происшествии почти не говорили. Солдат сам мимоходом упомянул: услышал за спиной гул мотора, даже не оглянулся — и так почувствовал, что на него мчится машина. Отпрыгнул в сторону — и пришел в себя только в больнице.

— Из-за меня куча неприятностей у всех, да? — спросил он, немного помолчав.

— Никаких, — заверил его Виктор. — Даже отпуск мне не отложили, иду со среды.

— К маме по пути не заедете? Я ей подарок купил, в тумбочке лежит...

Потом у Зикеева был короткий разговор с врачом. Парень, без сомнения, на ноги станет скоро, так что по поводу этого тревожиться нечего.

— Что плохо, — заулыбался врач, — тайны он военные разгласил, когда его только привезли. Сообщил, к примеру, чем вы роту в воскресенье в обед кормили. Гусей резали, так ведь?

— Так, — недоуменно сказал Виктор.

— Ну вот, видите! Парень сам с собой разговаривал, когда я к нему впервые подошел. «Гуси, гусь...» Нянечка еще смеялась: такой худенький, а все о еде.

15

На транспортном КПШ — голубой «Зил», старый знакомый рядового Кима. Два часа назад он уже осматривал его. Тогда все было в норме. Скорее всего, и сейчас с машиной полный порядок. В том смысле, что ничего запрещенного к провозу водитель не припрятал. Однако надо проверить. Надо.

Месяц назад на занятиях по специальной подготовке Ким прошляпил. При беглом вторичном осмотре кабины не заметил, что на рычаг переключения скоростей накручен новый набалдашник. Был он сделан по принципу чернильницы-непроливайки и заполнен сероватым веществом. Руководитель занятий пояснил тогда же: при помощи подобного ухищрения в одну из колоний пытались провезти наркотики. Часовые замысел «прочитали». А Ким дал маху.

В голубом «Зиле» набалдашник старый. Ничего в нем не изменилось, в голубой «Зиле». «Бардачок» пуст, в сиденьях ничего не зашито, под сиденьями так же вразброс валяются ключи и промасленные тряпки. Тряпок, впрочем, вроде больше, чем было раньше. Или кажется? Да нет, не кажется. В первый раз ветошь была уложена вот в эту квадратную банку. И теперь она ими до краев забита. Грязная,

в руки брать противно. А надо на нее взглянуть. О черт, тяжелая, что-то в ней лежит вместо тряпок.

Потом Ким увидел это «что-то» и почувствовал, как на лбу внезапно выступил пот. Водитель «Зила», маленький, худой старикашка, которого звали все Тараканом, страдальчески хлопнул себя по бедрам:

— Ё-моё, совсем забыл, патроны у кореша на перепелку достал. Езжу-то вдоль поля с просом, и там этой перепелки!.. Вот память, а? Забыл, каюсь.

Начальник караула прапорщик Мурыгин, появившийся у машины, взглянул на патроны, спросил Таракана:

— А ружье-то у вас точно шестнадцатого калибра? «Ижевка» небось?

— Шестнадцатого, — голос шофера обрел уверенность. — Я иных не признаю. Шестнадцатый — это то, что надо на все случаи.

— А эти патроны — двадцатого калибра, — сказал Мурыгин. — И дробь: такой не перепелок, а лосей валить можно.

Таракан лихорадочно сглотнул слюну, давась словами, зачастил:

— Товарищи... Мужики... Из-за такой ерунды — и топить меня хотите? Полсотни дам, ё-моё, и патроны забирайте.

— Полсотни мало, — сказал прапорщик.

— Я набавлю двадцатку, честное слово, завтра подвезу.

— Мало, — сквозь зубы сказал Мурыгин. — Ты что ж, гнида, в такую сумму кого-то из нас оцениваешь? Свинец или в меня полетит, или в товарища. Так думаешь, я продам его, да?

...Чуть позже прапорщик Мурыгин и прапорщик Маликов, встретившись у стены котельной, обсудили это событие. Патроны сами по себе — это, понятное дело, ничто. Но два дня назад был переброс: обрез кто-то в зону кинул, двадцатый калибр. Патроны как будто специально к нему. Есть над чем оперативникам подумать.

Шмаров, штукатуривший как раз эту стену, ни разу не оглянулся на говоривших. «Это уже кое-что, — думал он. — Ружье подобрость и уговорить шофера провезти патроны мог один человек. И этот же человек мог на машине ожидать тех, кто готовится к побегу через подкоч. У Гуся машина есть. А что, могут и поверить, если получат такую информацию. А могут и не поверить. Не хватает здесь чего-то. Но в принципе это ход: самому освободиться, а его засадить. Хотя бы на короткое время. Как?»

16

Возвратившись в роту, подполковник Кривец встретился там с майором Осадчим. Тот был явно не в духе, сидел, насупившись. На расспросы начальника политотдела отвечал неохотно, но из этих ответов Кривец вскоре понял причины такого настроения своего зама. Осадчий продолжал работать с анонимкой. Запланировал на завтра провести собрание пра-

порщиков и хотел, чтоб перед ними выступил Ибрагимов: объяснил, что именно деловые качества Войткова, а не какие-то иные соображения, послужили главной причиной тому, что старшего прапорщика назначили командиром взвода. А ротный заартачился. «Давайте, — говорит, — еще полковника Янина пригласим, пусть он перед негодяем оправдывается».

— И некоторые прапорщики тоже непонятную позицию заняли. В один голос возражать начали: чего, мол, мы с трибуны о Войткове говорить будем? Что он толковый командир — это и так все знают.

— А они письмо читали? — спросил Кривец.

— Нет, но я своими словами пересказал его. Не пойму, Анатолий Алексеевич, чего они артачатся? Ну что им, так тяжело десятков слов произнести?

— Я думаю, не тяжело. Только они не понимают, зачем действительно собрание, выступления? Что они дадут уму и сердцу? Анонимка, я так думаю, не повод для митингований.

— Но должны же мы как-то работать с письмом! — Осадчий вытащил из кармана конверт, покрутил его в руках. — Выводы какие-то сделать, меры принять.

— А для себя вы уже сделали вывод? С Войтковым поговорили, пощупали, что он за человек?

— Для себя, Анатолий Алексеевич, это одно, а вот если очередное письмо в управление, а то и в Москву пойдет, то тут не о личных симпатиях спросят.

Кривец взял уже надоевший ему листок с красивым почерком, бегло пробежал по нему глазами и сказал:

— Что ж, сделаем так, чтоб не было ни второго, ни третьего письма. Ну-ка, берите авторучку, чистый лист и пишите такой текстик: вот, мол, какое письмо пришло в политотдел, прочтите его и выскажите свои соображения на бумаге, прикрепленной тут же, возле письма. Можете, товарищи, не ставить ни дат, ни подписей.

— Все-таки лучше, если бы с подписями, — Осадчий склонился над столом, выводил красным фломастером буквы на ватмане. — Во-первых, такое могут написать, что... А, во-вторых, нас же могут и спросить: уж не сами ли насочиняли?

— Вот как, — сказал Кривец. — Мы, значит, не верим прапорщикам, нам не поверит наше начальство... Бросьте вы это, Осадчий. Давайте руководствоваться здравым смыслом, исходить из того, что верить надо. И потом, из нашего начальства никто ведь высказываний сослуживцев анонимщика не прочтет, если сам в роту не придет. Пусть и письмо в коридоре роты повисит, и ватман, так сказать, с рецензиями на него. Так оно для дела лучше будет, думаю.

— И что?.. И все?.. С письмом?

— Все! Ставьте на нем точку. И давайте включаться в живую работу, давайте людей изучать.

Почевать Кривец опять пошел к старому своему товарищу, под началом которого он начинал службу. Долго сидели за столом, чаевничали, молодость вспоминали, старость поругивали. Свою, естественно, старость. Не отважился рассказать Кривец о своем разговоре с начальством по поводу ухода на заслуженный отдых, вернее, о намеках на пенсию. По-другому несколько преподнес все это:

— Решил я, Степа, уходить. Хватит. Возраст такой — не сегодня, так завтра сверху предложат это сделать. Лучше самому. Почетней. Хотя, признаться, страшновато. Как подумаю, что завтра я никто, а то и хуже...

— Это как же — хуже?

— А так, Степа. Придет на мое место какой-нибудь молодой, сядет за стол, хлопнет по нему ладонями, развалил, скажет, старик Кривец все дело, приходится с нуля начинать... Сейчас это ведь модно — ушедших хаять. В кабинетах, на собраниях. Охают — как потом людям на глаза показываться, а?

— А что, Толя, и приемник у тебя уже есть? Думаешь, что хлопнет он ладонями?

— А черт его... Я бы, если честно, поставил на свое место мальчишку, замполита роты, есть у меня такой. Человек исключительно порядочный и тот, кому на роду написано быть политработником. Знаешь, умеет он атмосферу вокруг себя создавать... Да что о пустом речь вести!

— Это отчего же — о пустом?

— Оттого. У нас ведь как? Считается, что с людьми ты умеешь работать, если голова уже седая и, извиняюсь, задница тяжелая, если обязательно академия уже за плечами, если на батальоне пару лет посидишь да пропагандистом столько же покрутишься, да в замах походишь. А я так тебе, Степа, скажу. Все эти ступени в основном одному учат: как бумаги правильно вести. А вот как к человеку ключик подобрать, как его расшевелить — это холодному человеку ни учебник, ни опыт не дадут.

— И ты допустишь, что «холодный» на твоё место придет?

— Степа, Степа. Ты так говоришь, будто сегодня на свет народился. Они ведь, холодные, ошибок не делают, репутацию свою ой как блюдут, учатся примерно, другим спуску не дают... Так что же с ними, такими хорошими, делать? Раз не за что наказывать, остается одно — выдвигать. А то, что к чужой беде они глухи, да и к радости равнодушны — то, говорят, второстепенное, наживное.

— Я помню, Толя, нашего комиссара батальона. Сколько ему было? Да года двадцать два. А до чего мудрый человек был! Старики к нему за советами в очередь стояли. Погиб парень под Харьковом, когда пробовали мы из окружения выйти.

— К чему ты этот пример привел?

— Не знаю. Просто подумал, что бы в свои двадцать два тот парень сейчас делал.

— Получал бы выговора за плохие конспекты. Ладно, Степа, пора спать. Люминал у тебя есть? Дай таблетку...

Завмаг промтоварного Ксения Яковлевна вошла с Машей во двор магазина, остановилась у ящиков:

— Вот здесь он, кажется, и стоял.

— Ой, Ксения Яковлевна, мне надо точно знать.

Маша бросила свою сумочку на лист картона, лежавший возле горы тары, попросила:

— Ну-ка, изобразите его. Мне надо знать, как он стоял, куда именно смотрел.

— Да ты что, Маша, смеешься? — махнула рукой та. — Разве ж меня ящик выдержит? Мне бронированный надо. И потом, зачем тебе все это? Что ты, милиция, что ли? Так хоть бы и милиция, но вашего же Караваева машина сбила вон где, за километр отсюда, чего же тут искать? Нет, если хочешь, сама залазь на эти досточки, а я буду говорить, куда смотреть... Правее вроде, еще правее. Примерно вон на то окно ориентируйся, где оранжевая занавеска...

Оранжевая занавеска — третий этаж. В этой квартире живет Попов, рабочий автобазы. Хоть и пожилой уже, а дурной: так соседи говорят. Пьет, жену ругает. Дочка у него в городе учится, невеста уже, так на выходные боится даже домой ездить. Бате-то ничего не стоит с ремнем в руках погонять ее по квартире и по двору даже...

Словохотливые старушки, сидящие у дома, знают каждого своего жильца. Маша поняла это сразу, когда подседа к ним и завела речь о том, что скучно, наверное, жить в трехэтажке, что каждый здесь сам по себе существует, ничего друг о друге не знает. Но старушки были осведомлены о всех соседях. Они-то и рассказали о Попове.

— А в воскресенье дочка к нему не приезжала? — спросила Маша.

— Была. А он опять выпимши, орал на нее.

— А машины у Попова нет случайно?

— Если б не было! Вон под окнами стоит, зеленый «Москвич».

Домой Маша почти бежала.

Еле дождалась, когда Виктор придет на обед. Выложила ему свою версию. Самый удобный путь от промтоварного магазина к роте — по той дороге, где сбили Караваева. К Попову в воскресенье приезжала дочь. Вадим увидел ее, пошел следом, договорился с ней встретиться, стал поджидать во дворе магазина. А Попов или увидел его из окна, или от дочки выведал, что солдат ее дожидается. По пьянке рассвирепел, сел за руль, догнал уже возвращающегося в роту Вадима... Конечно, и тут пока многовато неясностей, но все слишком уж похоже на истину.

Виктор обнял ее за плечи:

— Слушай, Маш, бросай ты свою иженерию, иди в милицию работать, а? У тебя ж призвание к этому. Женщины-сыщики. У Агаты Кристи, если помнишь, старушка одна подобными делами занималась.

— А что, я в чем-то неправа?

— Так, в одной мелочи. Не может человек за здорово живешь на убийство решиться. Ну пусть дурачок Попов, ну пусть видел он нашего Караваева со своей дочерью — что из этого?

— Я не знаю, что из этого. Возможно, Вадим за девушку как-то заступился, или разговор между ними какой-то произошел. Может, он входил в ту квартиру, мы-то не знаем! Только все совпадает, Витя! И «француженка» длинноногая, и дорога, и машина. А потом, Попов уже отбывал срок за хулиганство, и в этом году его в милицию забирали. Ты позвони в ГАИ, Витя, пусть они хоть машину осматривают.

— Давай-ка для начала сами туда еще раз сходим, а то поднимем панику из ничего. Кстати, я прямо оттуда на автобус сяду — и в роту. Только, сразу признаюсь, не верю я в эту версию, Маша.

— Поехали, поехали...

«Москвич» стоял на трех колесах: вместо правого заднего опирался на огромный серый булыжник. Первозданная грязь стояла вокруг машины, и было ясно, что в этом году с места она еще не съезжала.

18

Новая загадка с Караваевым!

Проводница поезда, прибывшего утром, передала дежурному на КПШ конверт от Веры Васильевны. Объяснила: солдат в субботу матери позвонил, попросил срочно переслать ему несколько фотографий. Вера Васильевна в тот же день вышла на вокзал, передала этот конверт проводнице.

Что за спешка такая? Вадим ведь знал, что Зикеев через день уезжает в те места, что посетит его маму...

Вопросы эти Зикеев задал сам себе вслух при Кривце и Осадчем. Майор недовольно нахмурился, сказал примерно следующее: все это из области личных взаимоотношений, и уж во всяком случае не сейчас, за день до ухода в отпуск, ими заниматься. Получается, замполит роты только одним Караваевым и обеспокоен.

— А вы заметили, — ответил на это Кривец, — что Караваевым все в роте обеспокоены? К кому ни подойдешь — только расспросы о нем и слышишь. Видно, забота о товарище — здесь личное дело каждого. И это хорошо. Выберите время, отнесите ему конверт, Виктор Максимович.

Выбрать время было нелегко. Минутка налезала на минутку, и то чей-то вопрос, то телефонный звонок, то инструктаж не отпускали Виктора из казармы. А когда совсем было собрался уходить, в кабинет заглянул прапорщик Шумейко. Повздыхал, поулыбался своей неповторимой улыбкой, потом, решившись, спросил:

— Как там Караваев наш, не скажете? Я ведь, собственно, из-за него зашел. Ребята говорят, что он меня по фотографии рисовал, так нельзя ли посмотреть, а, товарищ старший лейтенант? Это во-

вторых, а во-первых, жена баночку варенья из крыжовника ему передала, так не отнесите ли? Все равно ведь к нему пойдете.

Виктор незаметно наблюдал, как Шумейко рассматривает рисунок. Бережно взял лист, явно стесняясь замполита, бегом, прямо-таки мельком пробежал по нему глазами, отложил в сторону. Потом все же не выдержал, взял опять, зачем-то потрогал карандашные линии пальцами:

— Во выдал, а? Фотограф так не делает. А что, товарищ старший лейтенант, когда он вам уже не будет нужен — рисунок я имею в виду, — можно его будет домой забрать?

— Можно, Григорий Яковлевич, если, конечно, в Третьяковку он не попадет.

Шумейко по-мальчишески счастливо засмеялся, раскрыл папку с другими рисунками, чтобы положить свой портрет туда, тут же оборвал смех и удивленно спросил:

— А этот почему здесь? Его зачем Караваев рисовал?

В руках прапорщик держал тот рисунок, над которым домал голову Зикеев: неоконченный, с неразборчивой подписью. Виктор пожал плечами, проговорил:

— Видно, баловался наш художник, вот и сделал набросок по старой памяти.

— Да нет, я знаю вот этого, — сказал Шумейко. — То есть не то чтобы знаю, а встречал. Это тот мужик, который в последнее время встречается со Шмаровым, с бесконвойником. Помните, я вам докладывал? Зачем его Караваев рисовал?

— Да кто его знает. Наверное, интересный тип лица. Художники — они любят чего-то такое выискать.

«Вот только где Вадим мог его встретить? — подумал уже про себя. — Службу он несет не там, где крутится Шмаров...»

Телефонный звонок прервал его мысли. Звонила Маша: «Хочу составить тебе компанию, тоже пойду в больницу».

19

Вот чего не хватало, вот чего! Гусь сам дал Шмарову последнюю карту, козырную!

Сбил машиной солдата. Как понял из случайно услышанных разговоров — а об этом многие говорят, — не на смерть, так, помял. Потому надо уезжать отсюда, и как можно скорей. Кто знает, видел ли солдат машину, не видел... Но главное даже не в машине.

— Ты помнишь «ястребка», Шмаров? Ты знаешь, как он попал тогда к нам?

Откуда это знать Шмарову, Шмаров не Гусь, он в адъютантах Беса не ходил. Но хотя и не любит вспоминать о старом, очень не любит, сейчас просит:

— Не знаю, расскажи.

Гусь не станет сейчас ломаться. Гусю очень надо, чтобы Шмаров понял, как важно именно сейчас уйти из этого города, и он говорит, говорит...

— Все началось с того, что к нашей наводчице, Анке Двирной, офицерик зачастил...

Оказывается, есть что вспомнить и Шмарову. Ну как же, Анка! Ее хлопцы постоянно то в саду, то у колодца, за селом, караулили, блузку ей мяли. На большее никого не хватало, точнее, никому Анка не позволяла большего. И он к ней даже подходить не рисковал. Не потому, что робкого десятка был, а потому, что молодой да дурной. Ему в сорок пятом восемнадцать всего стукнуло, не знал он еще баб, а о красавице Двирной и мечтать не мог. А ведь ничего был, и ростом бог не обидел, и мордой. Это не кто-нибудь, это сама Анка ему сказала. Он в тот вечер старику Двирному записку от Беса принес, старик или с перепоя болел, или правда его хворь какая свалила, но с кровати не поднимался. Анка записку ту и прочла, и ответила на нее. Вышла Шмарова проводить, а в сенях темнота, хоть глаз выколи, и совсем случайно ткнулся он лицом в Анкину щеку. Как же она его обняла, как поцеловала! А потом говорит: может, останешься до утра? Дурак он был дурак, о делах мямлить начал. Погладила она его по щеке, засмеялась...

О чем Гусь говорит? Надо не упустить ни одного слова, вдруг соглосится. К Анке начал бегать офицерик, сирень ей дарил, под окнами до полуночи простаивал. Вначале Бес убрать его надумал, чтоб не крутился у этого дома, да сообразил, что поставит под удар Двирного. Пусть ходит, решил, так даже лучше будет, никто из новой власти не заподозрит Анку... Но не заладились дела, совсем отвернулась удача от Беса и его людей. Куда ни соберутся налет сделать — там на зазadı натываются. А потом пришли дни, когда стало ясно: возьмут их всех не сегодня-завтра. Кто-то, видно, знал каждый их шаг. На офицерику никто не думал — не Анка же ему информацию сама на себя передавала, — но Бес решил его взять. Не убрать, а взять живым. Гусю он сказал, зачем: вдруг придется за свою жизнь поторговаться. Советы в таком деле золото не признают, а за командира могут и обменять.

Брал офицера Гусь. Это было несложно: офицер был меньше его на голову и в плечах поуже. К тому же Гусю помогал Ярема, мужик жилистый, костистый... Кто ж знал, что Ярема заодно с «ястребком»?

Потом была перестрелка, Гусь почти ушел, но все же заломили его, повезли лес валить. Вот так. А лет десять назад...

20

В конверте было не письмо, а, скорее всего, записка. Караваев лишь взглянул на нее, чуть улыбнулся, но тут же лицо его стало строгим: он начал рассматривать фотографию. Наконец опустил ее себе на грудь, спросил у Зикеева:

— Товарищ старший лейтенант, скажите, почему фашисты любили фотографироваться на фоне виселиц?

Виктор протянул руку к фотографии: — Разрешите?

Солдат кивнул головой.

Фотография была старая, но на удивление четкая. Два парня-одногодки стоят лицом друг к другу. Один — на коленях, со связанными за спиной руками, на телеге. Другой приставил к его горлу нож, губы под огромным носом растянулись в улыбке.

— На телеге — мой отец. А этот... Нет, он не фашист, но не лучше. Отец сам видел, как он пальцы женщинам отрубал, чтобы кольца с них легче снимать было. Отец не любил рассказывать о тех годах, только перед самой смертью его я узнал обо всем. У него был отпуск, он поехал со мной в те края, где воевал, и всю дорогу говорил, говорил...

Он получил задание проникнуть в банду Беса. Для этого начал встречаться с одной женщиной, отец которой, да и она сама, помогали бандитам. Караваев же получал в этом доме записки от своего человека, Яремы, бывшего бойца-энкавдиста, комиссованного в сорок четвертом по ранению... Бес стал особенно опасен, когда понял, что не отсидеться ему и его людям в скротах, он решил поменять места обитания, если придется, трупами вымостить дорогу к границе и уйти — так он сам сказал. Чтобы не дать ему сделать это, чтобы знать о каждом его шаге, и должен был попасть в банду Караваев. Он почти ничего не рассказывал сыну о том, что пережил за те несколько дней в лесу: «Это страшно, это пока не для тебя». Лишь мелчком упомянул о том, кто охранял его. Не человек, а зверь, садист, который забавлялся тем, что на вертеле людей поджаривал. Был в банде немецкий фотоаппарат, так гад этот еще любил, чтобы его все время шелкали: то рядом с повешенным, то во время допросов, когда он колот захваченных «советов» ножом. Фотографировался он и с отцом, чудом сохранился этот снимок...

— Зачем он тебе? — спросил Зикеев. И тут же, словно догадавшись о чем-то, сказал негромко: — Постой, постой...

А солдат продолжал рассказывать.

Приехали они с отцом в небольшой городишко, облазали все его улочки... Был бы Вадим постарше, понимал бы он больше, он уговорил бы отца отдохнуть, почти полежать в гостинице. Ведь у того слабое сердце было, все время таблетки пил, пока ходили. А под вечер, когда уже шли в гостиницу, столкнулся отец лицом к лицу с одним человеком. Не забыть этого Вадиму никогда. Вначале-то он и не удивился ничему, и не вслушивался, о чем они говорят, просто отошел в сторонку. А потом тот, кто с отцом стоял, почти закричал: «Я свое отсидел, начальник!» А отец ему: «Не за все, Гусь, не за все, не знали, видно, обо всем». И тогда Гусь ударил отца, а сам побежал. Ударил кулаком в плечо, исполосованное старым ранением. Там у него осколок оставался, в верхней части груди, врачи не реша-

лись на операцию, хотели, чтоб сердце сначала немного окрепло, да и осколок на месте стоял, не мешал, а после того удара ожил... В общем, всего неделю отец и пожил после встречи с Гусем.

— А потом ты встретил Гуся здесь, — спросил Вадима Зикеев. — Так ведь?

— В парке, — ответил Караваев. — Шел с Надей, смотрю, выходит из автобуса. И я пошел за ним. Все думал: неужели ошибаюсь? Маме сразу же позвонил насчет снимка, чтоб не волновать ее, придумал какую-то ерунду. И в воскресенье у вас отпрашивался, чтобы точно узнать, где он живет, кто он.

— Зачем? — вырвалось у Виктора.

— Я должен знать... Все знать!

Маша взяла фотографию, тут же ойкнула:

— Я знаю его, Витя. Я видела его возле того самого дома, в котором Попов живет. Лицо — не спутать.

— Гусь, — сказал Караваев. — Вот теперь, когда фотографию получил, окончательно понял: он.

— А Гусь мог тебя узнать?

— Десять лет прошло, — неуверенно ответил Вадим. — И потом, он ведь меня тогда не рассматривал, ему не до меня было. Да и какое это имеет значение сейчас?

— Не он ли тебя сбил?

— Я не видел, честное слово. Шел, о своем задумался. Да и зачем бы ему понадобилось меня сбивать?

— А отец после встречи с Гусем не говорил тебе о нем ничего?

— Отец после того вообще не разговаривал, к нему даже не пускали.

21

Шмаров слушал Гуся с интересом. Да, отмечал про себя, от старых грехов уйти трудно, догоняют они человека, как бы тот ни вертелся. Земля большая такая, а поди ж ты: свела Гуся с бывшим пленником. А теперь — еще удивительнее: с сыном его. А может, и нечего удивляться, может, судьбе так угодно...

Долго сидит Шмаров, философом стал за это время. Одного только в этой истории пока не поймет:

— А зачем ты сбил все-таки солдата? Ведь отсидел же за прошлые дела.

— Думаешь, сам знаю? Поначалу и в голове этого не было. Хоть и чувствовал, что кто-то мне затылок буровит, но не обращал на это внимания. Оглянулся мельком — солдат топает. Ну и хрен с ним, думаю. А потом что-то заставило второй раз оглянуться. Вот тут я и сдрейфил. Чуть не перекрестился. Тот за мной шагает, которого я в лесу караулил, «ястребок». А когда сн и на второй день под окнами появился... У меня, ты ведь знаешь, нервы крепкие, но тут сдавать начали. Я за весь день из дому ни разу не вышел и понял, что не будет мне жизни, пока...

— Но ты же за все отсидел, Гусь?

Гусь свирепо улыбнулся:

— То мое золото... — взглянул на Шмарова, поправился, — то наше золото, ты знаешь, как оно добыто? Ты знаешь, кто те золотые зубы добывал и как, знаешь? Мне у живых рты рвать приходилось. У одной бабы камешек симпатичный в ухе был, да еще и в желтой оправе, так я серьгу вместе с ухом отрезал, и это при нем, при офицерике... Чего морщишься? Знай, знай, чем наше богатство пахнет, красным оно отливает, понял? И солдата я стукнул из-за него! Что там старый знакомый обо мне наговорит нового, дадут ли еще срок, не дадут — не хочу гадать! Может, «ястребка» уже и в живых нет, может, солдат просто похож на того, с сорок пятого... Мне страшно, и мне надо было убить страх.

— Страх не убьешь, — сказал Шмаров, — это как себя убить. Люди живут страхом.

— Ну, это — личное дело каждого, чем жить. Я, к примеру, знаю, чем буду жить, когда доберемся до того сундучка. Жаль, не мне Бес поручил его спрятать... Зато, кроме меня, никто его не возьмет. Не бледней, Шмаров, тебя не обижу. Но хочу, чтоб ты понял: я с тобой буду делиться, а не ты со мной. Я его собирал, я его, с Бесом, конечно, в тот ящик упрятал и штучку такую придумал, что... Завтра утром, Шмаров, ты уедешь со мной. Или завтра, или вообще никогда не увидишь золота, слово тебе даю!

22

Едва Зикеев вернулся в роту, как майор Осадчий прямо-таки ошарашил его новостью. Еще одна анонимка появилась, на этот раз в двух экземплярах: один пришел в колонию, другой — в роту. Станным и неожиданным было содержание письма. Речь в нем шла о подкопе: сегодня вечером трое собираются им воспользоваться, и будет этих троих ждать «Жигуленок». Кстати, водитель этого «Жигуленка» сделал переброс в зону огнестрельного оружия и еще сбил солдата. Потом, он собирается сделать вооруженный налет на сберкассу и бежать за границу...

— Ну бред да и только. — Осадчий даже рассмеялся. — Маньяк, видно, писал, или счеты с кем-то сводит, или просто сдвинулся человек. Но ведь что интересно: и переброс место имел, и подкуп есть... Станные дела. Кривец в милицию поехал, письмо это прихватил, а то почитал бы.

— А фамилия того, который солдат сбил и другие дела творил, называется?

— Называется.

— Гусь?

Майор Осадчий изменился в лице, растерянно встал со стула:

— Многого понять могу, но... Но тебе откуда это известно?

— Замполиту все должно быть известно, вы же сами об этом нам напоминаете.

И Виктор снял телефонную трубку...

Он перехитрил всех!

Его, Шмарова, почти и не таскали. Пару раз спросили: зачем встречались с Гусем, что он хотел? Признался Шмаров: по одному делу, мол, когда-то проходили, а сейчас так, ни о чем болтали. Договоривались, к примеру, отметить выход Шмарова, с чаем посидеть. Водку-то уже и пить нельзя, язва у обоих.

Взяли Гуся! А он на свободе. И ничего уже не страшно. Все теперь будет его, его! Напрасно Гусь пугал, что золото, мол, в крови. Нет в этом вины Шмарова. Напрасно хвастал, что никто сундучок, кроме него, не возьмет. Возьмут, возьмут!

Под ногами у Шмарова лежит сейчас золото, и не спугнет его теперь ни ветка, ни птица. Некого бояться! Кто-то свой перстенок опознает? Так Гусь не оставлял свидетелей. А если что — все равно не он, Шмаров, пальцы откручивал, чтобы копилку эту пополнить.

Нелегко копалась земля: молодые корни оплели землю, не прорубишься. Аж руки дрожат. Но — вот он, сундучок! Хорошо, что для себя жил, хорошо, что столько раз уходил от Гуся, хоть и за глухой забор. Зато теперь... Не с кем делить, ни жены, ни детей, все — только себе! Может, разыскать Анку Двирную? Шмаров даже рассмеялся, представив седую сморщенную старуху. Нет, он найдет, куда деть богатство, и прошлое не будет его угнетать, он квит с прошлым!

Шмаров сел на вытащенный из земли железный ящик, глубоко задышал, стараясь выровнять удары сердца. Закурил, улыбаясь. Потом вставил лезвие топорика в едва заметную щель, надавил с силой на рукоятку...

Прав был Гусь: из оставшихся в живых он один знал, что сундучок не сможет открыть никто, кроме него. Хитрое взрывное устройство установил под крышкой инженер, которого Гусь потом пустил в расход по приказу Беса. Как открывать ящик, знали только Бес и Гусь.

Впрочем, эта тайна теперь уже никому не была нужна: взрыв разметал содержимое ящика по лесу, отбросил в ручей то, что осталось от Шмарова...

Рис. художника Ю. Пахомова.

ПРОВЕРКА ЖИЗНЬЮ

ЮМОРЕСКА

Когда была показана последняя серия телевизионного фильма, тянувшегося полмесяца, жена подвела итог:

— Ничего. Только героиня какая-то вялая.

— Не сказал бы, — возразил я.

— А ты видел, как она по дому управлялась? — фыркнула жена. — Сплошная игра, а не жизнь.

— По дому — это чепуха, — не сдавался я. — Главное, что она красавица!

— Значит, по дому — чепуха? — жена усмехнулась. — Красавица, да?

Я пожал плечами и уткнулся в книгу. В тот вечер меня никто не отрывал от дел, и лишь в двенадцатом часу я спохватился, что пора бы и ужинать. Жена давно спала, кухонный стол был пуст...

Утром я чуть не проспал на службу, потому что будильник обычно жена заводила, а на сей раз она к нему не притронулась. Вечером, усталый и голодный, вынужден был бежать в магазин, что-то долго жарил на плите, а потом за полночь сидел над конспектами. Так было на другой и на третий день. Жена не обращала на меня никакого внимания, если даже наводил в квартире тарарам в поисках галстука, носков и бритвы. Я злился, но выдерживал характер.

На пятый день все-таки опоздал на службу со всеми вытекающими последствиями. Домой вернулся в грустных размышлениях. Жена смотрела телевизор и даже не глянула в мою сторону. Захотелось мне подойти и выключить злосчастный ящик, но тут на экране возникло лицо самой актрисы. Мой ум, тренированный в решении тактических задач, мгновенно сработал: — А ведь и в самом деле она фальшивит в игре. Да и внешне только на первый взгляд хороша, а приглядишься — ничего особенного.

Минут через десять в кухне весело звенела посуда, и вскоре оттуда раздалось:

— Алеша, пора за стол... И выключи утюг, рубашки я сама выглажу.

Нет, все-таки у меня жена самая красивая.

Полковник В. ОВСЯННИКОВ.

НА ТЕМНОЙ СТОРОНЕ ЛУНЫ

БОЛЬШОЙ Кореец гнал «Москвич» изо всех сил. Стоял июль. День был особенно знойным. Казалось, что солнце выжгло из асфальта весь битум, испарилась в адской жарнице вся его густая чернота, и шоссе от этого стало белым, как соляная пустыня. Уносились назад обгоняемые машины. Фигурки с кетменями по обе стороны дороги всплывали и тонули в междурядьях зеленых волн, будто усталые пловцы в полосе прибоя.

Пак спешил, скорость, с которой он вел машину, свидетельствовала о важности для него этой поездки. Кореец вздохнул облегченно, только когда издали показались тополя у кафе «Чиройли» — зеленое пятно в ржавом мареве.

Он затормозил, приткнулся к обочине под дерево. Здесь уже стояло несколько машин. Несколько минут Пак в зеркале бокового вида внимательно разглядывал людей, сидевших за столиками. Их было немного. Радио, которое во время гонки почти не было слышно, теперь напомнило о себе восторженным тоном дикторши:

— ...Молдавское село Лушены... Здесь утром эстафета олимпийского огня вступила на советскую землю...

Не увидев ничего подозрительного для себя, Кореец выключил радио, поправил кобурку под мышкой, вышел из машины, запер «Москвич» и спустился с дороги.

Сразу за шоссе начинался мутный глинистый пруд, подходивший к самому кафе.

Внутри никто не обратил на Пака особого внимания. На экране цветного телевизора в углу повторяли хронику—вру-

* Журнальный вариант.

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КОНКУРС**

чение Республике ордена: Брежнев и Рашидов трогательно обняли друг друга и поцеловались.

Пак снова огляделся. Несколько посетителей за столиками вяло ковыряли в тарелках, лениво переговаривались, они равнодушно посмотрели на вновь прибывшего. Кореец направился в дальний угол, выбрал столик у самой воды.

— Обедать будете? — официантке в грязном халате он явно не нравился.

— Обязательно, — кивнул Большой Кореец. — Чем кормите?

— Лагманы, мостова.

— Мостову. Хлеб. Минеральной воды три бутылки.. Откроете сразу.

— Может, сто грамм?

Он щелкнул языком, помотал головой.

— Нет, так нет, — она вернулась к стойке, передала заказ повару, предупредила: — Поаккуратнее! Взгляни, видишь — в углу огромный кореец? Мне кажется, я его видела в Мубеке в областной милиции...

Вернулась она с лепешкой, с бутылками минеральной воды.

Кореец налил в стакан минералки, бросил туда же щепотку соли, медленными глотками выпил, прищурился и без того узкие щелочки глаз.

Во внутреннем дворе шашлычник колдовал над мангалом. Мутная поверхность пруда пузырилась — рыбы стаями кидались на лепешки, которые бросали им посетители.

Кореец обвел взглядом столики. Два старика, в противоположном углу муж и жена — пенсионеры, несколько школьников с пионервожатой. Через два сто-

лика сидел добродушный толстяк с бойкой чернявой девичей в рискованном наряде, похожем на ночную сорочку.

На шоссе заурчал приближающийся автомобиль. Машина свернула с дороги, проехала вход в кафе и остановилась у задних дверей кухни. Мотор вздрагивал, всхрапывал, как загнанный конь.

Кореец наклонился ближе к столу, сунул правую руку под пиджак, к кобуре, но из-за кухни донесся хриплый клич приехавшего:

— Э-э, Ходжа! Ходжа!

Голос по-прежнему невидимого повара лениво ответил:

— Чего орешь, как ишак? Слышу, слышу. Иду.

В проем между чинарами, навесом и дверью кухни был виден багажник приехавшей «Волги». Потом в этот просматриваемый квадрат неторопливо вплыл повар и появился здоровенный усатый мужик, они хлопнулись ладонями, побили друг друга по плечам.

— Привез?

— Привез. Шесть штук...

— Что так мало? — разочарованно протянул повар.

— Больше не было. Они живые...

— Слушай, ты совсем без головы? Зачем мне живые? Я крови боюсь,— усмехнулся повар.

Щелкнул замок багажника, взрывом выплеснулось из-под крышки дружное напуганное кудахтанье, усач выволол за шею белоснежную курицу. Она опалело была крыльями, обреченно сипела.

Кореец еле заметно улыбнулся, расслабился. А усач достал большой складной нож на пружине и коротким взмахом отсек курице голову. Курица не упала на землю — она словно весь свой короткий век недоптицы ждала этого мгновения, чтобы взлететь в последний миг своей иссякшей жизни. Без головы, с бьющей из обрубка шеи струйкой крови — мертвая курица летела. Махала белыми кургузыми крыльями в крутом спиральном пролете над замусоренным кухонным двориком. Она еще не успела опуститься, как усач выхватил из багаж-

ОТ АВТОРОВ

Повесть «На темной стороне Луны» мы предлагаем военно-политическому журналу «На боевом посту» сразу по нескольким причинам.

Сейчас много разговоров ведется о якобы падающем престиже вашей службы. Читатель с первых страниц повести поймет, что основой для написания ее послужили конкретные события. Люди, игнорирующие

617
618

ника следующую и отсек ей голову, вырнул в сторону, и та помчалась на встречу первой, столкнулась и рухнула на землю, а их уже догоняла третья...

Официантка крикнула усачу: — Ты бы детей постеснялся! Зачем им видеть?..

Кореец тряхнул головой, сбрасывая с себя наваждение — зрелище было отвратительное и гипнотизирующее одновременно.

— Пусть привыкают! — засмеялся усач. — А то растут они сейчас очень нежные.

— Простите, у вас не занято? — услышал Кореец, повернулся и увидел рядом со столиком парня в голубой куртке, с сумкой на длинном ремне через плечо.

Пока Кореец внимательно рассматривал парня, тот наклонился ближе и спросил:

— Ваша фамилия — Пак?

— Да, я и есть Андрей Пак, — кивнул Большой Кореец. — Садись.

Парень не торопясь уселся на стул, аккуратно снял с плеча и положил осторожно на пол свою сумку. Движения у него были плавные, но точные.

Женщина, сидевшая с толстяком, с интересом смотрела на парня.

— Ну и жара! — сказал парень и покосился на женщину.

— Градусов сорок, не меньше. — Пак подвинул одну из раскупоренных бутылок с минеральной. — Бери.

— Не откажусь. Всю дорогу пью.

— Зря, между прочим. Так ты что от меня хотел, Сабирджон?

В ЧАЙХАНЕ под чинарами на жестких квадратных «кроватьях» — «чипах», поджав ноги, сидели старики в синих чалмах. В ожидании дневного намаза пили чай.

Тура Халматов вышел из машины, направился к ним.

— О, Тура Халматович! Товарищ подполковник? — за столиком сидела компания — несколько шоферов, знавшие его. — К нам, к нам! Сейчас плов будет!

— Спасибо, друзья, мне надо старшим поклониться, — он уже увидел Тулкуна Азимова, правда, без синей чалмы. Бывший милиционер неспешно разговаривал с другими стариками. Тура направился к ним. — Ассалом-аллейкум...

— Вааалейкум-ассалом!

Ему налили чай. Сделав привычный с детства жест руками к лику, как бы умывая его всем окружающим миром — «омин» — Тура принял пиалу. Старики следили за ним.

— Как здоровье? Как семья? Настроение?

— Здоровы ли домашние?

Азимов понимающе следил за Турой, больше молчал.

— В газетах сообщают, что пенсию колхозникам повысят, — сообщил Тура. — А бывшим фронтовикам вообще много льгот будет...

Интерес к Туре резко вырос. Он достал из кармана газету, встал и подошел к бывшему счетоводу Фирутддину — признанному грамотею.

— Почитай вслух, Фирутддин-ака, всех касается, — протянул газету Тура, и пока старик приспосабливал на нос связанные аптекарской резинкой очки, вернулся на место, случайно присев рядом с Тулкуном.

Стариковский интерес переключился с Туры на Фирутддина, и пока он стал читать громко и с выражением постановление, Халматов быстро шепнул Тулкуну:

— Как дела, Тулкун-ака?

— Тишина, — кивнул Азимов. — Молодежь, бывает, поспорит между собой, но старики у нас еще в почете. Прикрикнут...

Тура внимательно смотрел на громко читающего Фирутддина, лицо его ничего не выражало, кроме радости за колхозников-пенсионеров.

— Через Хребет много машин идет? — беззвучно спрашивал он.

— С Юга? Сейчас чаще начинают ездить...

— Все говорит о том, что транспортировка наркотиков идет отсюда — из Ур-

законы, ставшие на путь преступлений, должны быть изолированы от общества, содержаться под надежной охраной. А ведь они очень опасны, те, кого охраняете вы, воины внутренних войск.

Как авторы, мы хотели бы, чтобы за детективной канвой вы разглядели и наши мысли о том, что есть добро, честность, справедливость, и чтобы тоже задумались над тем, как жить, какую позицию выбрать. Качества, о которых мы упоминали, необходимы сегодняшнему защитнику Родины.

Наконец, мы знаем, как трудна и напряженна ваша служба. И если в минуты отдыха вы получите удовлетворение от чтения повести, мы будем этому рады.

Г. ВАЙНЕР.

Л. СЛОВИН.

Левин Слобин

чашмы... И шприц был обнаружен на месте кражи тоже здесь, в Урчашме. Вор задержан — Уммат, но говорит, что ничего не знает о шприце...

— Есть у меня одна зацепка, — лениво заметил Азимов. — Ходил я тут в степь. Смотрю следы: легковая машина проходила. И несколько раз.

— На Юг?

— На Дарвазу! Думаешь, «Волга».

— Действительно, новость.

Фиругддин уже дочитывал постановление, сейчас к Халматову вновь возникнет интерес, старики не дадут им долго беседовать.

Тура успел спросить Азимова:

— Наших мубекских видите кого-нибудь?

— Нет, пожалуй. — Тулкун подал пиалу, чтобы ее наполнили.

— Давно проходила легковая?

— Недавно. В этом месяце.

Старики не смогли завладеть Турой — приветствуемый людьми, к нему уже пробирался голубоглазый узбек — начальник Урчашминского райотдела.

— Мне говорят: начальник уголовного розыска приехал — Тура-ака! А я не верю! Первым делом, говорю, он бы ко мне зашел, к другу... Тура Халматович, почему обижаете?

Тура поднялся навстречу. Не хотелось, чтобы сослуживцы видели его рядом с Азимовым. Они обнялись.

— Уммат еще у вас в изоляторе? — спросил Тура.

— Здесь он. Нужен тебе?

— Хотел ему сказать несколько слов.

Тура стоял у окна, когда в коридоре послышались шаги, милиционер доставил арестованного.

— Привет начальнику! — развязно весело сказал Уммат, когда милиционер вышел. — О чем у нас пойдет разговор?

— О шприце, — равнодушно-спокойно сообщил Тура. — Который обнаружили в квартире Анарбая после кражи здесь, в Урчашме.

— Но об этой краже чего толковать! — Уммат сел, не ожидая приглашения. Это был тертый калач. — Я признал ее и возместил ущерб потерпевшему!

— Ты ничего не сказал про шприц. Экспертиза дала заключение, что им пользовались для инъекции наркотиков. Откуда он у тебя?

— Следователь знает, что ты меня вызвал, Халматов?

— Мне не надо разрешения следователя. Я говорю с тобой как начальник областного уголовного розыска.

— А я числюсь за следователем. — Уммат был дважды судим и знал правило твердо. — Буду давать показания только ему. Ни тебе, ни твоему заму — Большому Корейцу. И то — только в протокол, — добавил он, подумав.

— И все-таки тебе придется удовлетворить мое любопытство. Откуда этот шприц? Если кражу совершил ты, значит, и шприц твой.

— Не помню. Закурить есть?

Тура вынул пачку «Голубых куполов».

— Могу взять себе?

* — Бери. Я не курю.

— За «купола» спасибо. Для душевных разговоров держите? — Уммат жадно закурился, ломая спички.

— Ну да, — серьезно кивнул Тура. — К таким умникам, как ты, в доверие втираться. Так где ты его все-таки взял?

Глухо гудели и бились в стекло мухи, огромные и неторопливо-наглые, как воронье. По землистому лицу Уммата текли мутные капельки едкого пота.

— Начальник, тебе, по-моему, этот вонючий шприц важнее, чем раскрытая и возмещенная кража. Так, что ли, понимать?

— Да. Интересует он меня.

— Я же еще раньше говорил: не мой это шприц, — кричал Уммат, судорожно затягиваясь сигаретой. — Я его тысячу лет не видел и видеть не собираюсь. Говорил?

— Да. Но тогда ты и про кражу говорил то же.

— Кража — другое дело. Я — вор. Мое дело — брать. У тебя есть хобби?

— Да, — кивнул Тура.

— Какое?

— Ловлю людей с медицинскими шприцами.

— Не мой. Точно говорю. Вот интересные люди! Говоришь им правду — не верят. Врешь — верят! Не мой шприц!

— А ты не волнуйся, — Тура встал. — Ты гляди, уже до пальцев докуррил, сейчас ногтями будешь затягиваться...

Уммат вскочил, придвинулся вплотную к Туре, поднял руки почти к самому лицу Халматова, к глазам.

— Как я вас всех, мусоров проклятых, ненавижу! Всю вашу подлючую породу! Ненавижу, — повторил он. — Противен ты мне!

Тура с неожиданным проворством схватил вора за воротник, с силой сунул спиной в угол, затем бросил на стул.

— А ты мне очень нравишься. Ты мне очень приятен, Уммат. — Успокаиваясь, он шагнул к окну, включил динамик на стене. Передавали очередные новости Олимпиады:

— Открылся Центр электронной прессы... Старты увидит вся планета...

Я ПРИЕХАЛ издалика, — сказал парень, сидевший напротив Пака.

— Догадываюсь, — кивнул Большой Кореец.

— У вас нет времени... — почти неслышно проговорил Сабирджон.

— Да? А у тебя есть?

Он бессильно пожал плечами:

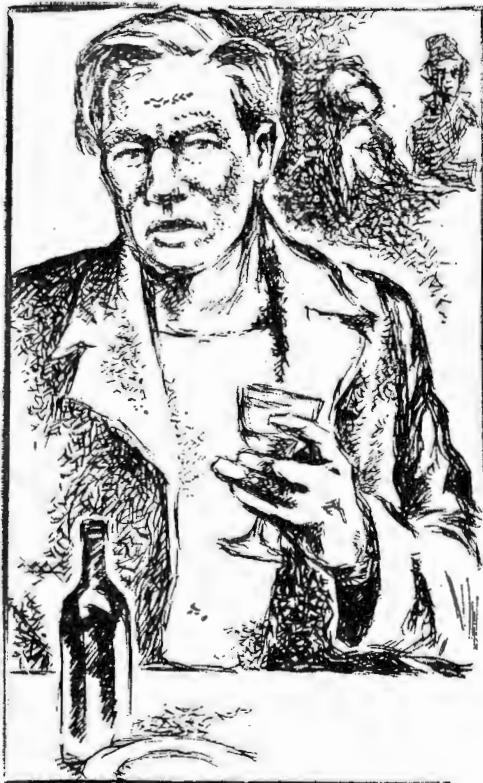
— Наверное, и у меня его нет. Поэтому я позвонил и поехал сюда.

— А почему сюда?

— Здесь меня никто не знает. И, надеюсь, вас тоже. Вы свое слово сдержите? — спросил парень, у него на глазах выступили слезы.

— Не знаю — я ничего не могу обещать авансом. Все зависит от того, что ты мне расскажешь, — лицо Пака было неподвижно, как пустыня.

Из внутреннего дворика вышел под навес еще посетитель. Он нес в одной руке несколько шампуров с пашлычками, в

другой — тарелку с лепешками, накрытыми салфеткой. Пучок шампуров был похож на букет коричнево-золотистых мясных гладиолусов.

Человек с шампурами обошел столик, за которым сонно млея иранец со своей пухлой быстроглазой подружкой, поставил на столешницу тарелку, свалил грудой шашлыки и обернулся в поисках стула.

И оказался лицом к лицу с Корейцем — метра три их разделяло.

Текущая по подбородку парня минералка. Дремлющий иранец, тяжелая золотая подкова в низком вырезе платья его подруги. Где-то далеко позади — повар, подбирающий с земли зарезанных кур. Лицо человека с шампурами напротив — полузабытое и все равно очень знакомое, лицо острое и смуглое, как перекаленный топор, — все это мелькало перед глазами Пака, сливаясь в протяжный и пронзительный визг надвигающейся опасности, крик вплотную подступившей беды.

Он сунул руку под пиджак, рифленая рукоять пистолета мгновенно, привычно легла в ладонь. Но Большой Кореец сидел.

А тот — стоял. И уже скинул с тарелки салфетку, под которой на сливочно-розовой поджаристой лепешке лежал «макаров».

«Какие отчужденные лица у убийц», — успел подумать Кореец и стремительно опрокинулся назад, поднимая коленями на себя столик. Хрупкий пластмассовый щит, ничтожная преграда, отчаянная по-

пытка Корейца выиграть хоть две секунды. Расчет на чудо.. Надежда на судьбу. Мечта о спасении. Мольба о жизни. Об уходящем чуде жизни. Господи, как давшие кури.. Безнадёжный полет без головы... Чудес не бывает... Господи, как курицы...

Пуля вошла Корейцу в грудь еще до того, как он завершил свой отчаянный кульбит, подкинула в воздухе и тяжело швырнула на доски настила.

Он уже не слышал грохота выстрела, как и своего отчаянного горлового крика:

— А-а-и-и! А-а-и-и!..

И крик его не стих, как тупую душевную немому в кафе разрубили еще два выстрела — убийца стрелял в спину парня, зажавшего от ужаса голову руками. Парень вагтно ткнулся лицом в ноги лежащего Пака, коротко захрипел и умер. На голубовато-серой застиранной джинсе мгновенно проступили два черно-красных пятна.

Убийца взял с тарелки лепешку, надкусил ее, проглотил кусок, бросил лепешку в воду и пошел к выходу.

Когда он проходил по мосткам, в пруду что-то громко плюхнуло, булькнуло — не то рыба плеснула, не то упало что-то — никто из сидевших под навесом даже не обернулся.

Через минуту на шоссе послышался шум отъезжавшей от «Чиройли» машины.

ШОФЕР Туры Халматова — Алик вел машину быстро, пожалуй, еще быстрее, чем несколько часов назад убитый Большой Кореец.

— Давай-давай, — приказал Тура, скрипнув зубами.

— Здесь уже недалеко, товарищ подполковник.

— Давай, давай! Жми!

— А все-таки хорошо, что мы не вернули двигатель, товарищ подполковник, — заметил неожиданно Алик тоном, в котором слышалось плохо скрытое торжество. — Разве на старом мы бы держали такую скорость?

— Как не вернули? — повернулся к нему Тура.

— Завтра сказал: «Пока поезди...»

Тура помолчал, судорожно вздохнул, как всхлипнул — с ним такое случилось, когда он сдерживал в себе взрывной всплеск гнева, очень медленно спросил:

— Ты начальнику «Мубекирмонтажа» намекнул, конечно, что это я прошу движок?

— Да упаси бог! — заерзал Алик. — Мне водитель Назраткулова сказал, что у них там в тресте на складе есть неработающий электрогенератор с новым движком.

— Это я знаю! — отрезал Тура.

— Я и сказал начальнику «Мубекирмонтажа», что, пока, мол, валяется неисправное оборудование без дела, хорошо бы для государственного интереса снять движок, пока его не украли. Нам, пока фонды не спустили, без хорошего движка на оперативной машине — хоть стой хоть падай.

— Да слышал я всю эту галиматью! — крикнул Тура, передразнил: — «Пока валяется... пока не украли... пока поезди...» Я же тебе приказал вернуть?

— Не успел, товарищ подполковник, — шофер Алик явно не понимал, какие серьезные последствия могли произойти из его ловкости. — И то сказать: если бы я себе взял. А то на государственную машину! Со старым двигателем мы бы сейчас, знаете, где были?.. Да и о вас я заботился, Тура Халматович! Начальник облугро — а ездите на какой-то лохматке!

— Завтра чтоб двигатель был в тресте!

— Слушаюсь!

Алик что-то проворчал, включил радио. Начал вертеть ручку:

— ...В огромном зале на тысячу двести мест собрались новоселы — члены первых национальных спортивных делегаций, прибывших на Олимпиаду... Создано и реконструировано девяносто девять олимпийских объектов... — Дикторы сообщали об одном и том же. — ...Прибыли первые туристы. В столичном аэропорту «Шереметьево-2» совершил посадку воздушный лайнер, на борту которого — группа туристов из Испании, одна из первых, прибывших на Олимпиаду...

Дорога впереди дымилась от жары, на асфальт было горячо смотреть.

«Почему Пак не сидел у меня в кабине, в управлении, как договаривались, а помчался в кафе «Чиройли» — «Красота»? За шестьдесят с лишним километров от Мубека, почти на границе с соседней республикой?! Дежурный не

мог ничего об этом сказать. По службе или по личным делам? Кореец не мог просто сорваться и уехать! Он обязательно предупредил бы. Кто и почему в него стрелял?

— Вода, — сказал Алик еще обиженным голосом, но не обратив внимание Халматова на миганье было выше его сил: — Вода-обман...

На самом солнцепеке впереди появились чистые, чуть зеленоватые лужи. Вода текла по асфальту. Идущие впереди машины плыли, отражаясь длинными продолговатыми тенями в воде. Вместо брызг из-под колес вырывались ослепительные блики. Конца-края зеленому разливу несуществующего потопа было не видать. По мере приближения вода впереди отступала, они никак не могли ее настичь.

Тура опять подумал о Большом Корейце — огромном молодом мужике, безнадёжно смелом и бесконечно хитром, в которого, разорвав кровеносные сосуды, нервы и мышцы, всадили несколько часов назад заряд свинца. Он словно увидел Пака на их «мальчишнике» весной, окруженного молодыми инспекторами розыска, показывающего прием корейской борьбы «теквондо» — минутный танец цапли, сопровождаемый характерным криком. И Халматов вдруг не выдержал.

— О-о-о!.. — вырвалось у него громко. — О-у-о!..

И стон этот был страшен, как хрип подраненного тигра.

— Вам плохо, товарищ подполковник? — обернулся к нему Алик.

— Давай-давай, — очнувшись от воспоминаний о Паке, как от обморока, сказал Тура. — Гони во всю мочь...

ТУРА еще издали увидел сиреневосинюю мигающую круговерть тревожных огней — обочины шоссе были заняты машинами с номерными знаками Мубека. Колонна, в которой двигалась «Волга» Халматова, шла между ними в узком коридоре, заполненном запахами горячего железа, краски, бензина. Водители снижали скорость, чтобы все лучше увидеть и запомнить, не обращая внимания на нетерпеливые окрики и энергичные отмашки инспекторов Госавтоинспекции.

— Проезжайте! Проезжайте, не задерживайте!.. — крикнул один из инспекторов Тура, заметив, что его шофер собирается припарковаться. — А-а... — узнав Туру, он махнул рукой.

— Сюда, — показал Халматов, не обращая внимания на инспектора.

Алик поставил машину, но еще раньше Тура уже двинулся к залитым зноем мосткам. Мутный пруд пузырился, казалось, вот-вот закипит.

В кафе было тихо. За центральным столиком против раздачи начальник следственного отделения дописывал протокол.

— Тура Халматович...

К нему подошел начальник райотдела Равшан Галузов — тяжелый, без шеи,

медлительный, слегка косивший черным красивым глазом.

Халматов перебил его:

— Пак жив?

— Жив, Генерал добился вертолета, их сразу отправили, — принялся объяснять Гапуров. — Но парень этот, с Корейцем который был, — тот сразу умер. Личность пока не установлена. А Пак сейчас в областной больнице. Там старший опер... Если Пак придет в себя, он с ним пошепчется.

— Как его состояние?

— Очень тяжелое, — вздохнул Равшан.

— А ранений?

— Одно. Но опасное для жизни — в грудь. У того, что убит, два ранения. — Равшан наконец смог договорить то, что порывался сказать в самом начале. — Генерал здесь. Допрашивает официантку в кабинете директора. Сказал: как только Халматов придет, вы оба сразу ко мне.

— Я понял. Сейчас...

Они подошли к поваленному столу, в углу, где все произошло. Всюду здесь виднелись следы крови, кровавые ватные тампоны.

На соседнем столе лежала лепешка, несколько шампуров с шашлыком — увядшие, заветренные куски неаппетитного мяса на шпажке.

— Это преступника, — сказал Гапуров. — На тарелке не осталось отпечатка. Пак сидел здесь, — он показал на валяющийся в углу стул.

— Чье это? — Халматов кивнул на спортивную сумку. — Убитого?

— Да. Ничего особенного нет. — Он достал из сумки импортные солнцезащитные очки, большую металлическую расческу, положил перед Турой. — Еще бутылка грузинского коньяка «КВ»... — Равшан поставил на стол непочатую бутылку. — Готовился что-то отметить, а не пришлось. Да! Деньги, триста рублей.

Тура почувствовал, как постепенно к нему возвращается сознание своего старшинства. И ответственности.

— Позвони дежурному. Пусть передаст, чтобы труп в морге срочно дактилоскопировали. Может, погибший был судим.

— Понял.

— Как этот парень оказался с Пакком? Вместе приехали? — попытался Туре.

— Нет. Свидетели слышали, он спросил Корейца: «У вас не занято?» Пак сидел один.

— Что он здесь делал? Неизвестно? — пристреливал вопросами ситуацию Туре.

— Пока нет.

— Пак сказал дежурному, что едет в Чиройли?

— Нет. Предупредил только, что уезжает и будет примерно часа через три.

— Саида еще ничего не знает?

— Нет. Мы решили: лучше ей пока не говорить. Да! Преступник стрелял из «макаровского». Нашли две гильзы. Я направил их с нарочным в Ташкент — пусть проверят по гильзотеке. Может,

когда-нибудь проходили по какому-то делу.

— Третьей нет?

— Нет. Может, в пруду.

— Если не обнаружит металлоискатель, нужно подумать, как спустить воду.

— Вы правы.

— А что свидетели?

— Опознать не могут, — Гапуров помолчал. — Правда, мы говорили с ними только накоротке...

— Кто осматривает одежду?

— Я попросил Алишера, — Гапуров показал на молоденького, почти юношу, инспектора. — Воспользовался родственным правом... — Голос Равшана чуть потеплел. — Вы его учитель — он называет вас «устозом», а мне подчинен только как старшему брату...

Халматов последний раз оглянул кафе, решительно двинулся к кабинету директора.

ГЕНЕРАЛ Эргашев восседал за ху-досочным однотумбовым столом — смуглый от непроходящего загара, в побуревшем от соли кители, хорошо знакомом всей мубекской милиции.

И в этом вполне убогом заведении Эргашев все равно выглядел значительно. Лишенный привычного помпезного величия своего кабинета-зала, он наспех выстроил вдоль стен внушительную декорацию из дюжины полковников — своих заместителей и начальников всех служб областного управления.

В его присутствии они были только статистами, сопереживающим и сочувствующим хором на маленькой сцене, в центре которой сидел за хилым канцелярским столом Эргашев, а перед ним стояла официантка.

— Раньше-то вы, наверное, этого человека видели, — Эргашев мельком взглянул на вошедшего Халматова, но сделал вид, что не заметил. — Вы знаете его, и надо честно все рассказать. Он ведь бывал в вашем кафе? Нам все известно, и мы хотим проверить, насколько вы честны с нами. Можно ли вам доверять.

— Первый раз он у нас! — официантка успела переодеться, поверх халата на ней была маленькая стеганка без рукавов, в которую она поминутно куталась.

— Мы — милиция, — Эргашев умел вложить какой-то очень грозный смысл в этот очевидный факт. — Не надо с нами ссориться...

— Слово даю, товарищ генерал, не видела никогда я его...

— ...Чтоб потом всю жизнь не кусать себе локти, — закончил свою мысль Эргашев и мягко добавил: — Мы ведь и о вас думаем.

Бывший работник розыска, генерал раскачивал разговор из стороны в сторону, как торчащий в стене гвоздь.

— С кем живете? — озабоченно спросил Эргашев. — Муж есть?

— Мы развелись.

— А дети?

— Четверо. Младший в третий класс

пойдет, — вот тут она, наконец, разре- велась.

Система действовала безотказно.

— Вот видите! Сыну нельзя без матери! Так? — раздумывал-советовался с ней Эргашев. — Поэтому все надо рас- сказать!

— Да если бы я знала его!

— Гапуров! — начальник управления всегда доигрывал спектакль до конца.

— Слушаю, товарищ генерал, — даже не сказал, а обозначил себя начальник райотдела.

— Возьми двух оперативников, срочно поезжай к ней домой. Поговори с сосе- дями. Они должны знать, кто у нее бы- вает, как часто... Да! Открой холодиль- ник, проверь, что в морозилке. — Генерал заговорил едко-спокойно. — Заелись! Я видел кебаб, который они здесь гото- вят... Дехканин весь день в поле, кет- менем намашется, а приходит сюда, что- бы поесть — они ему котлету на шампу- ре. А мясо домой ташут!

— Будет сделано, товарищ генерал, — Равшан уже помогал официантке под- няться, вел к дверям.

— В наших сотрудников стреляют, а им и дела нет! Разыщите директора! Вызвать из дома...

— По-моему, она действительно его не знает, — сказал Эргашев спокойно, как только закрылась дверь. — Передали, чтобы погибшего дактилоскопировали и проверили по учетам?

— Все сделали, — Назраткулов, за- меститель начальника управления, жел- чо-худой, высокий, со скучным, невыра- зительным лицом, оторвался от блокно- та, в который что-то не переставая запи- сывал. Тура заметил брошенный на него недовольный взгляд.

Все мелочи. Через окно врвался зве- нящий лязг точила на кухне и диктор- ский голос из забытого всеми телеви- зора:

— ...Финская фирма «Ренола» поста- вила и смонтирует в Москве к началу Олимпийских игр 96 открытых кафе лет- него типа...

— Такого у нас в области еще не бы- ло с самого основания... — нарушил молча- ние генерал. — У меня на памяти ни- чего похожего.

— Запросто могут шапки полететь, — озабоченно вставил Назраткулов. — Да и момент какой? Сами судите, Олимпий- ские игры. Состав отобилизован... — Он покосился на стену, где висел порт- рет в раме под дуб, и добавил искренне огорченно: — Министр вынужден будет докладывать в Москву. Может до Леони- да Ильича дойти. Обстановка-то какая... Нам надо все упредить. Пока сверху мер не приняли. И доложить. Так и так. Са- ми разобрались. Но для этого необходи- мо точно установить, почему Пак ока- зался не на рабочем месте, а в кафе, — Назраткулов явно выводил разговор на Халматова.

Генерал достал сигареты, закурил. Он по-прежнему молча игнорировал присут- ствие Туры, и это придавало Назратку- лову смелости:

— ...А начальник областного уголовно- го розыска, непосредственный руководи- тель, прибывает на место убийства свое- го зама последним. К шапочному, так сказать, разбору.

— Я нужен? — спросил Халматов у генерала. — Мне надо идти, делом за- ниматься.

Эргашев не ответил. Тура повернулся

к дверям. На выходе он едва не столкнулся с кулинарным шестивием.

В развевающейся белоснежной одежде повар, похожий на индийского раджу, приближался к кабинету, держа высоко над головой поднос с натуральными шашлыками на ребрышках, свежими ароматными лепешками и только что нарезанным луком. Повар плыл в облаке острого пряного аромата. Его сопровождал маленький невзрачный человек с подносом, уставленным чайным сервизом. Третьим, в костюме, при галстуке, просительно улыбаясь, шел директор «Чиройли».

Милицейские машины по-прежнему стояли двумя колоннами по обе стороны шоссе. Кучками собирались люди, перешептывались. Сновали сотрудники в форме и в гражданском.

Халматов подошел к Алишеру Гапурову и тоже молодого, с чуть изрытым оспой лицом, Какаджана Непесова.

— Кто видел, как Пак уехал из управления? Он был один?

— Я не видел, устоз.

— Я тоже.

— Спросите у ребят. Что говорят свидетели? Успел он что-нибудь сказать перед тем, как было совершено нападение?

— Крикнул что-то. Никто не разобрал.

— Ну-ка, скажи, Алишер, что первоначально должен был сделать убийца? — спросил Тура молодого опера.

Алишер пожал печами:

— Думаю, преступнику надо срочно избавиться от пистолета.

— И я так же полагаю, — кивнул Тура. — Если он поехал к Северу, впереди у него два оросительных магистральных канала. Далеко отходить от шоссе убийца не станет. Бросил пистолет в канал прямо с дороги.

— Если не выбросил здесь в пруду, — заметил Какаджан.

— Не исключено. Значит, так: достаньте электромагнит и займитесь с экспертом-криминалистом. Ясно? Пошарьте в воде.

— Да, устоз.

— Свидетель-кокандец видел «Жигуль-шестерку» синего цвета. Рядом с «Москвичом» Пака, — добавил Какаджан.

— Что еще запомнил?

— Номер не мубекский. Кокандец обратил внимание. Когда он уезжал, «Жигуль» оставался у «Чиройли».

— Где этот свидетель?

— В Фархаде. Когда перекрыли дороги, там всех опрашивали, кто проезжал Мубек. Следователям передали...

— Там стоит машина Пака... — начал Тура.

— Я знаю, — кивнул Какаджан.

— Рядом патрульная машина. Возьми криминалиста — составь план стоянки в масштабе. Мы должны проверить, была ли там, когда Пак подъехал, какая-то другая машина. Он как-то не очень удобно приткнулся.

Внезапно по лицам стоявших вокруг Тура заметил: что-то произошло. Он оглянулся.

Генерал Эргашев стоял у выхода, при-

стально вглядывался в подчиненных. Каждый по-разному вел себя в его отсутствие, но, как только он появлялся, словно незримый затаенник в детской игре неслышно кричал — «замри!» — и все дружно тянули руки по швам.

Эргашев нашел глазами Туру, прищурился:

— Халматов! Поедешь со мной!

В ОЗВРАЩАВШИЙСЯ в Мубек караван милицейских машин шел быстро. Впереди, судорожно колыхая проблесковыми фонарями, завывая сиреной, мчался «Жигуль» — «чистильщик». Ни один лихач, так же спешащий в Мубек, не рискнул обогнать патрульный мотоцикл ГАИ, замыкавший колонну, и обреченно пристраивался сзади. Так и двигались — гигантской, растянувшейся на сотни метров разноцветной ревушей лентой.

Генерал молчал, утомленно-привольно раскинувшись на заднем сиденье, иногда ненадолго задремывал. Халматов сидел впереди, рядом с шофером.

Приемник доверительно-задушевно шептал:

— ...Французские журналисты не могут сегодня молчать о том, что сделано в нашей стране для проведения всемирного праздника спорта. Они сообщают, что в центре Москвы покрашены дома, что в столице высажено 100 тысяч деревьев, создано 50 садов, что зеленью покрыты теперь площади города. Москвичи, замечает парижская пресса, гордятся обновленным городом, Олимпийской деревней, новыми стадионами, сверхсовременным аэропортом, ресторанами, кафе и 25-этажной гостиницей «Космос», построенной при содействии французов...

Тура был весь собран.

— Пак поехал в «Чиройли» по твоему указанию? — вдруг резко спросил Эргашев, и, вздрогнувший от неожиданности, Тура поймал на себе его подозрительный взгляд. — Ты посылал его?

— Нет, — покачал головой Тура. — Я не знаю, что он там делал.

Эргашев недобро хмыкнул:

— Сейчас все можно отрицать. Но Пак не мог уехать самовольно. А что тебе нужно было в Урчашме?

— Пак не сказал вам?

— Это ты хорошо придумал! Кореец, если б мог, сослался бы на тебя!

— Я еще ночью выехал в Урчашму. Пак знал, я просил его поставить вас в известность.

— Что ты забыл там?

— Ночью звонили из министерства, Силантьев. «Наркотики идут через Мубек и Урчашму. Рано или поздно нарыв лопнет. И нам до конца жизни не отмыться...»

Эргашев молча слушал.

— Я разговаривал с Уматом насчет шприца. В краже он признался, возместил ущерб. Это вор-то! Непонятно. По поводу шприца с наркотиками молчит. Силантьев считает, что где-то за Дарвазой самовольные посадки опиумного мака.

— Откуда у него такие данные?
— Не знаю.
— Понятно, — кивнул генерал и долго молчал, уже не засыпая, внимательно разглядывая проносившийся за стеклом суровый ландшафт.

Потом сказал досадливо-зло:

— Случилась большая беда. Мы, боюсь, попали в серьезный скандал. Всю ночь снился мне неоседланный конь. Так я и не смог его поймать.

Тура, не оборачиваясь к генералу, тихо сказал:

— Мне на скандал плевать. Пролили кровь моего товарища. Я найду, кто это сделал!

Эргашев вздохнул и, не скрывая презрения, заметил:

— Найди, найди... Все-таки, как был ты простым опером, сыскарем на улице — так и остался. Не смог я воспитать из тебя руководителя. У тебя кругозор — постового.

Тура пожал плечами:

— Может быть. Наверное... А что входит в кругозор настоящего руководителя?

— Понимание проблемы в целом, — сказал грустно Эргашев. — А ты, к сожалению, не понимаешь, что кровь смывается легко. Легче, чем грязь. Ты не

представляешь себе, Тура, масштабы того, что произошло сегодня, — неожиданно мягко сказал Эргашев. — Случилось несчастье. Не беда, не скандал. Позор! Понимаешь? Замнач областного угро майор Пак позволил, чтобы в него ввели пулю! В блюстителя общественного порядка, который должен обеспечивать безопасность других. И где? В кафе! Днем! При стечении народа. При странных обстоятельствах! В странной компании! Зато в рабочее время.

Генерал помолчал, Тура не шевельнулся.

— Я все ждал, что ты сможешь мне что-то объяснить. Но ты или не можешь, или что-то скрываешь. И я не допущу, чтобы Мубекская область была связана со скандальной историей. Нам этого просто не позволят. Любая область, но не Мубек! Понимаешь, почему? — Он кивнул на город за стеклом машины. — Он здесь родился! Вырос! Все здесь неприкасаемо для грязных рук...

На скорости, срезая с визгом крутые повороты, в тревожном перемигивании пульс-фар прошли пыльный кишлак с выгоном, на котором, несмотря на поздний час, еще паслись козы, пересекли темные провалы поперечных улиц и сразу влетели на въездной мост Великой Транспортной Развязки.

Здесь начинался новый город Мубек. Город-сон, город-претворенная мечта, поднявшиеся на краю когда-то голодной степи многоэтажные современные здания, дворцы. По Центральной магистрали могли свободно катить в каждом направлении не менее десятка рядов машин.

— Первый, первый, ответьте... — раздалось по радию. Эргашев кивнул. Халматов снял трубку.

— Первый здесь. Говорите.

— Личность убитого установлена. Артыков Сабирджон, двадцать три года. Судим за кражу и грабеж, освобожден в прошлом месяце.

— Все понял, — Тура положил трубку.

— Слышал о таком? — спросил генерал.

— У нас на него ничего нет — это точно.

Еще несколько минут ехали молча. У современной девятиэтажной гостиницы, где среди посадок возвышался памятник Отцу-Сыну-Вдохновителю области, генерал сказал:

— Ты, кажется, готовился в отпуск...

Тура не ответил. «Какой теперь отпуск!»

Еще не истаял в душном ночном воздухе скрип тормозов у парадного подъезда, а комендант уже распахнул дверь лимузина, вытянулся по стойке «смирно» и начал докладывать:

— Товарищ генерал...

— Отставить, — махнул на него рукой Эргашев, вылез из машины и, не сомневаясь, что Тура следует за ним с дистанцией в два шага, слева, направился в здание.

(Продолжение следует)

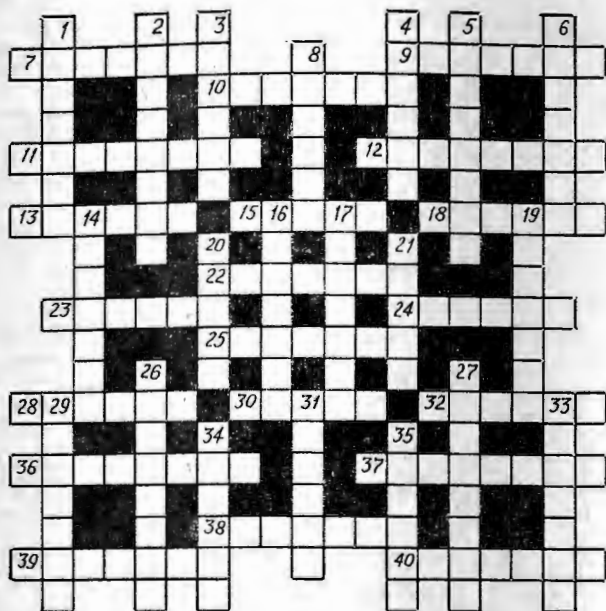

Продолжаем конкурс эрудитов.
Задание третье.

КРОССВОРД

Составил капитан Е. БУРОВ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Кодовое наименование операции советских партизан во время Великой Отечественной войны по массовому выводу из строя больших участков железных дорог. 9. Герой Отечественной войны 1812 г., генерал-лейтенант. 10. Вид военных действий. 11. Советский писатель, автор исторической дилогии «Порт-Артур». 12. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 13. Взрывчатое вещество. 15. Город в Белоруссии. 18. Прибор, применяемый при ориентировании на местности. 22. Ручное метательное оружие. 23. Высшее общеобразовательное соединение. 24. Русский кораблестроитель, инженер-генерал, создатель первого в России винтового фрегата с паровой машиной. 25. Всесоюзная комсомольская военно-спортивная игра. 28. Воинское подразделение, назначенное для охраны и сопровождения. 30. Отравляющее вещество. 32. Первое артиллерийское орудие на Руси. 36. Вид обеспечения военных действий. 37. Сооружение для размещения личного состава в полевых условиях. 38. Полоса местности, намеченная для ведения боевых действий. 39. Член подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», Герой Советского Союза. 40. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Устройство для определения местоположения целей. 2. Генерал-полковник, Герой Советского Союза, первый советский комендант и начальник советского гарнизона Берлина. 3. Фигура высшего пилотажа. 4. Выдающийся советский летчик. 5. Специальный головной убор. 6. Строй, в котором военнослужащие расположены один возле другого на одной линии. 8. Вид ствольного огнестрельного оружия. 14. Обломок разорвавшегося снаряда, бомбы. 16. Маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза. 17. Получасовой проме-

жуток времени, отмечаемый на флоте, ударам в колокол. 19. Летний форменный головной убор. 20. Постановщик фильма «Щит и меч». 21. Наиболее решительный момент наступательных действий войск. 26. Один из первых летчиков России, конструктор планеров. 27. Боевой корабль, предназначенный для поиска и уничтожения морских мин. 29. Военнослужащий, в совершенстве владеющий искусством меткой стрельбы. 31. Первый станковый пулемет. 33. Советский конструктор стрелкового оружия. 34. Личный состав танка. 35. Автор трилогии «Старая крепость».

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1988 г.

		№	с.			№	с.
ПЕРЕДОВЫЕ И РЕДАКЦИОННЫЕ СТАТЬИ							
Боевой подготовке — направленность и целеустремленность							
	5	2					
Больше напряжения в перестройке							
	6	2					
Великий Октябрь. Курсом перестройки							
	11	2					
В интересах боевой готовности							
	2	2					
Жить по уставам							
	7	2					
Идеологической работе — современный подход							
	1	10					
Октябрем рожденная							
	7	6					
Цель — ускорить обновление							
	11	5					
Честь и достоинство офицера							
	3	2					
СТАТЬИ РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА							
ОСТАШЕВ С. Добиваться реальных результатов							
	1	5					
ШАТАЛИН Ю. Углублять и расширять перестройку в войсках							
	4	2					
ПЛАНЫ ПАРТИИ — ПЛАНЫ НАРОДА							
АНЦУПОВА В. Социальная программа Запорожья							
	7	21					
БАПИЛКОВ С. «Североход»: проблемы качества							
	9	13					
ЗАРИПОВ Р. Творец любого дела — человек							
	3	6					
ХАЙРУЛЛИН В. Положение лидеров обзывает							
	6	19					
РЕШЕНИЯ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС — В ЖИЗНИ!							
АКИМОВ В. Дисциплина — всему голова							
	9	6					
БАСХАМДЖИЕВ Ю. Учимся гласности							
	7	7					
БОБРЕНЕВ В. Решительно, но в рамках закона							
	11	22					
БАСЮК В. Процесс обновления не обратим							
	10	12					
ВЛАСКО В. С напряжением — каждый день							
	7	12					
ГРИЕНКО А. Программа революционного обновления							
	9	2					
ЕПИФАНЦЕВ С. Праздник в одеждах трудовых							
	10	4					
ЗАЙКА Л. Воздействуя законом							
	8	12					
КОВТУН И. Харантеристика и облики коммуниста							
	9	9					
КОЗЕЛ В. Коммунисту поручено...							
	8	8					
КРАВЧЕНКО А. Предупредить проступок							
	7	15					
КУДРЯШОВ В. Ориентиры активности							
	7	18					
МИТРОШКИН А. И рапортовать не нужно							
	8	10					
МОРОЗОВ С. Концепция реформы политической системы							
	11	10					
НАВЖУВАНОВ М. Время инициативы							
	8	2					
МЕЧАЕВ Е. Преодолеть цейтнот							
	10	52					
НОВОСЕЛОВ А. Работать всем коммунистам							
	11	14					
САВВИН В. Утверждать новое в работе с кадрами							
	10	8					
СИВОЛАП М. Плана взыскательности							
	8	6					
ТЕЛЕШУН В. Деликатная тема							
	10	14					
ТРОФИМОВ А. Преодолевая трудности							
	9	11					
УКОЛОВ А. Дорогой дружбы и братства							
	11	7					
УСНОВ В., ЕВСТРАТОВ Д. Поиск необходимого							
	12	2					
УШАР А. Презумпция виновности							
	11	17					
ЧИБИСОВ А. Формула жизни Пачикова							
	7	9					
НАШ КАЛЕНДАРЬ							
БЕЛАВИН А. У стен родного города... (к 50-летию Орденоносца ВВКУ им. С. М. Кирова МВД СССР)							
	4	51					
БРИТИКОВ М. На службе народа (к 70-летию ленинского декрета по архивному делу)							
	6	91					
ДУРНЕВ Ю. Как задумано и завещано (9 мая — День Победы)							
	5	85					
КАПЛУНОВСКИЙ Н. Мне чекисты подарили детство (к 100-летию со дня рождения А. С. Макаренко)							
	3	10					
КРИВЕЦ В., ШТУТМАН С. По Красной площади чечаня шаг... (к 70-летию первого военного парада)							
	5	81					
ЛЕОНОВ В. Арктический дозор (28 мая — День пограничника)							
	5	89					
ЛОГВИНОВ В. Звучали победные залпы... (к 45-летию первого салюта)							
	7	68					
ФЕОДОРОВ Г. Кому готовить офицерские кадры? (к 50-летию Орденоносца ВВКУ им. С. М. Кирова МВД СССР)							
	4	46					
ФОМИН И. В войсках осталась частичка сердца (5 мая — День печати)							
	5	83					
СЛУЖЕБНО-БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ							
АВСАРАГОВ В. Искать и находить выход из лабиринта застоя							
	8	21					
Автомобиль: надежность, экономичность, безопасность							
	8	30					
БАНИКОВ В. Проверил караул. Замечания есть?							
	4	17					
БАУМАНИС А. Разрешите работать планоно							
	10	30					
БЕРЛЕЙН В. Взгляд не со стороны							
	2	17					
БОБЧИК Ю. Не призывать, а помогать							
	11	37					
БОГАТЫРЕНКО В. Упредить — значит победить							
	9	21					
БОРТНИК М. Повышая отдачу штаба батальона							
	1	22					
БОРУКАЕВ Б. Поменьше слов, побольше дела							
	2	19					
ГАСПАРЯН Ш. Трезвый расчет							
	11	30					
ГУЛЬЦОВ А. Группа — резервная, настрой — боевой							
	7	24					
ДВИЗОВ Ю. Резервов у техники много							
	6	29					
ДЕНИСОВ А. Подчиняя время себе							
	9	29					
ДЗРАХОХОВ З. Ошибок не должно быть							
	6	21					
ДЗЮБА Ф. В строю — женщины							
	8	25					
ЕВСТРАТОВ Д. Куда девать «бывших»?							
	2	26					
ЕВСТРАТОВ Д., КАРЕВ А. Испытанье							
	10	18					
ЗАРОБЕКОВ Ф., КУЗЬМЕНКО В. Во имя боеготовности							
	8	16					
ЗИКЕЕВ Ф. Если подготовка тщательная							
	5	20					
КАЛИНИЧЕВ В. Зачем пришли войска?							
	11	28					
КАРИМОВ Н. Видеть главное							
	9	26					
КИРИЛЮК А. Мужественно, самоотверженно							
	2	32					
КРЕТИНИН А. Коса на камень							
	10	31					
КУЗЬМЕНКО В. На кого обижаться?							
	5	25					
КУЗЬМЕНКО В. Оголенный нерв							
	10	32					
КУКУЦА Е. Закавказье: время тревог							
	9	23					
ЛАТЫШЕВ О. Подтянуть тылы							
	11	25					
ЛОСОВ В. Эксперимент							
	6	25					
ЛОСОВ В. Обида							
	7	31					
ЛОСОВ В. Не бороться, а сотрудничать							
	10	22					
МАКАРОВ С. Дружно — не грузно							
	5	18					
МАТАГОВ А. Специалист на объекте							
	2	23					
МОРОЗОВ Н., ВАКУЛЕНКО Н. Противотаранное устройство на КПП							
	5	24					
МОСКАЛЕВ В. Без аварий на линии							
	9	35					
МУРЫГИН Г. ЭВМ и подготовка офицерских кадров							
	1	32					
НИКИТЕНКО Л. Планоно — значит конкретно							
	12	22					
НОВЧЕНКО П. Бдительность в пирамиду не ставится							
	3	12					
ПАЧИКОВ М. Во главе — сержант?							
	1	28					

ПЕЧЕВОЙ Л. И организует, и отвечает	12	35	ИОНОВА А. Ислам и экстремизм	8	58
ПОПОВ А. Вопреки течучие	1	24	КАЛИНИН И. Познать человека	8	53
ПРАСЛОВ Г. Емкость ратных минут	9	28	КАЛИНОВСКИЙ А. Для обучения стрельбе ночью	6	39
СИДОРЕНКО А. На подъеме не останавливаются	7	36	КАМИНСКИЙ Л. Чтобы слово ярче звучало	9	48
СКОРОВАТОВ В. И катится бумажный ком...	1	24	КЕРЕНСКИЙ А. Час часу рознь	2	39
СОКОЛОВ О. Ножовка к... «Пиону»	7	34	КОРОЛЕВ Г. Откровенно о наблевшем	7	51
ТАМОЧНИН В. По штату заместитель, а по сути?	9	31	КОСТЕНКО А. Уставом предусмотрено	1	42
ТИМОФЕЕВ В. Давайте понимать друг друга	7	26	КОСТЕНКО А. В плену инерции?	7	40
УГОЛЬКОВ М. «Выкручивайтесь сами...»	12	28	ЛИВИНЦОВ А. Контроль ценен помощью	1	37
УШАР А. Посчитались — разошлись (фельетон)	3	15	ЛОССАН Б. Черное слово	8	48
УШАР А. Не отчетности ради	5	28	МАСЛЕННИКОВ Г. Ощущая дыхание боя	9	42
УШАР А. Ее величество Бумага (фельетон)	6	31	МАСЛЕННИКОВ Г. Пойдет ли урок впрок?	3	37
ХАЙРУЛЛИН М. Добро добром отзывается	11	33	МАТЮНИН А. «Делай, как я... сказал»	11	45
ХАНИН Г. Соввучно времени	7	28	МЕЛЬНИКОВ А. Войсковое стрельбище	6	42
ЧЕРНЫШЕВ Г. Восхождение к знаниям	5	22	Методическое мастерство офицера	8	33
ЧИРВА В. Преодоление инертности	11	35	МИНАКОВ Н. Надежная опора офицера	1	40
ШАМКЕЕВ А. Прямая зависимость	4	15	МИХАЛЕВ А. Требования растут	5	42
ШЕВЦОВ С. Росчерком по судьбам	9	33	Младшие командиры: авторитет, компетентность, ответственность	5	33
ШЕВЦОВ С. Большие проблемы маленького взвода	10	27	МОЛЧАН О. Групповое упражнение	7	43
ШЕПОВАЛЬНИКОВ В. На пороге перемены	4	11	МОСКВАРЦЕВ С. Правило командира	10	42
ШИРОЛАПОВ В. Не приложение, а важный фактор	12	23	НИКОЛАЕНКО П. Коммуна «Красноармеец ВКС»	7	62
ЭПШТЕЙН А. Примерить пост и солдату	5	14	ПАВЛОВ А. Заниматься своим делом	8	56
ЯНОВ А. Как готовить специалиста	10	35	ПАДОВОВ В. Равнодушие, оно как ржавчина...	8	51
ВОИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ			ПИСКОВ Ю. Навыки закрепляются в поле	8	45
АВЕРИН А. Полумерами не обойтись	8	38	ПОТАПОВ Ю. Подлог	6	48
АГОЛЕЦ В. Без скидок на текучку	8	40	Правовая культура офицера	6	50
АНДРЕЕВ В. Уйти от стереотипа	9	40	САЛАХУТДИНОВ Р., ФРОЛОВ Я. А формализм живуч	8	36
АНИШКОВ В. И планово, и организовано	3	33	СЕВОСТЬЯНОВ А. С думой о дне завтрашнем	9	46
АСТАШИН В. Воспитываем «служебный пафизм»?	2	41	Сержантами становятся в роте	10	43
АСТАШИН В. Мечтают ли о войне ветераны?	7	57	СИДОР М. Идет солдат по городу...	8	55
АХМЕДОВ А. С учетом специфики	7	41	СОКОЛОВ А. Звенья одной цепи	10	51
БАМУЛЕВИЧ А. Что может агитпропгруппа	5	45	СОЛДАТЕНКО Н. Главное — претворить в жизнь	5	40
БОГАТЫРЕНКО В. Тренировка — не разминка	6	35	ТУЧКИН А. Показатель мастерства	11	43
БОЛДИН И. А выстрел не был случайным...	12	40	ТЮРИН В. Такие разные сержанты	2	37
БОРИСОВ А. С чем идешь к слушателям...	1	46	ЧУМАЧЕНКО А. Чемпионы из первого взвода	10	49
БУГРОВ В. Творчески внедрять новое	11	40	ШУБНИКОВ Е. Вечер вопросов и ответов в роте	3	40
БУСЫГИН В. Какими быть на постах	7	47	РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ		
ВАСИЛЬЕВ Д. Черта характера	4	27	АЛЕХОВ В. За отличные результаты в ратном труде	4	39
ВЕРЕНИЧ Г. Работой не удовлетворены	7	45	КЛЮЧАР Б. Школа мужества и патриотизма	2	46
ВИНОКУРОВ Ю. Совершенствуют правовые знания	7	55	МАЛЫШЕВ П. Экономическая форма: достижения и проблемы	12	43
ВОЛКОВ О. Легко ли стать пропагандистом	5	47	НОВИКОВ А. Верное наше оружие	7	65
ВОЛКОВ О. Урок не для всех	7	53	НОВИКОВ А. Перестройка — продолжение ленинских идей о строительстве социализма	10	58
ГОНДУСОВ В. Потуснил ли престиж снайпера?	8	42	ПЕТРОВ В. Быть всегда начеку	1	55
ГОНДУСОВ В. Не позволяй душе лениться...	10	46	СЕМЕНОВ Д. Собеседование: дискуссия рождает убежденность	6	58
ГОНДУСОВ В. «Штрафной» батальон	12	38	СТЕЖКА Б. Методом практических заданий	3	42
ГРИГОРЬЕВ В., ШИШКИН Ю. С помощью опорных сигналов	6	45	ШАРОВ В. По законам воинского братства	5	50
ГРИГОРАШ Н. Право на признание	6	53	ШАРОВ В. Традиции — в строю	9	50
ГРИНЬКО Л. И оценивать — по новому	6	37	МЕТОДИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ		
ГРИЦКО В. Ждут решения проблемы...	4	26	ВОЗЖЕННИКОВ В. Инструктаж начальников караулов	1	58
ГРИШИН Н. Завтра — подведение итогов	2	35	МЕЛЬНИКОВ А. Боевая стрельба мотострелкового отделения в обороне	1	60
ДОРОФЕЕВ А. Не парада ради	4	23	ПОПОВ И. Подготовка часового КПП и группы досмотра	2	49
ДОРОФЕЕВ А. Мода или веление времени?	10	39	ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ		
ЕГОРОВ В. Отыскивать новые пути	9	38	АЛЕКСЕЕВ В. Хорошее стремление	2	59
ЕРМАКОВ Ю. Когда работаешь в подразделении	6	56	БЫСТРИКОВ И. Строгость на пользу	4	54
ЖЕКЕБАЕВ Т. Закалка для службы	1	44	ВЕЛИКАНОВ А. Помощь по-комсомольски	2	61
ЗВОНОВСКИЙ Б. Учебная прикзарменная	2	33	ВЛАСКО В. Дело тонкое	3	56

ГУРА Н. Борьба за человека	2	56	РОПАЛО П. Об охотничье-рыболов-	8	84
ЕВЛАМПИЕВ В. Начали с себя	2	53	ных коллективах	7	82
ЗАХАРЧЕНКО Н. Силой умения	12	46	РУБЦОВ И. Твоя плащ-палатка		
КАМЫШАНОВ А. Возвышая ответ-			СЛЕПКАНЕВ В. «Армата Росса» —	7	80
ственность	2	51	это мы		
МОГУЧЕНКО Н. Ядро коллектива	1	64	СНИТКО В. Без ссылок на неком-	1	76
ОРЕХ Д. Внимание содержанию	1	66	петентность	8	78
оружия	4	58	СОКОЛОВ В. На старт выходят все		
ПОПОВ Н. Работаем не для отметки	3	54	СТОЛБОВ А. Он поставил задачу —	6	83
СТУКЛОВ В. Чтобы ждать добра	4	56	победить!		
ШАКИРОВА Р. «Если можно, не пе-	4	56	УЛЬЯНОВ М. «Наш драматург —	4	65
реводите...»			время»		
ШЕВЧЕНКО В. Стратегия и тактика	1	67	ЦЕЛИЩЕВ В. Неоправданный опти-	7	73
Олега Ромашко			мизм	6	81
ДЕЛА И ЗАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИЕ			ЦЕЦУЛИН В. Зависит от нас	6	82
АРТЮХОВ Е. Защита по Михайлову	3	61	ШЕСТАКОВ В. В столовой — само-	6	82
АРТЮХОВ Е. Лидер	10	66	обслуживание	4	68
БЕЛИНОВ И. Комсомол — не просто	9	61	ШУЛЯК Ю. На страже здоровья	10	87
возраст	7	72	ЮХНО М. Между нами, женщинами...		
БРАГИН В. Приставным шапком	1	71	ЯРОСЛАВЦЕВА С. Наследники Дани.	9	81
ДЕМИДОВ Ю. И пусть высок ориен-	10	62	лы-мастера		
тир	8	67	ЯРОСЛАВЦЕВА С. Чтобы песня зву-	5	67
За чистоту наших рядов			чала		
КАНДАУРОВ С. В поисках лидера	8	72	ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ		
КЕШИШЬЯН М. В одеждах с чужого	8	72	АРЕСТОВА Л. Приговор исполнению	9	84
плеча			не подлежит	11	77
КОСТЕНЕВИЧ В. А что вместо рюм-	12	54	АСТАШИН В. Боль	11	83
ки?	5	64	БЕЛИКОВ И. Новороссийцы		
ЛУКОШЕВ Ф. Запас прочности	8	68	ВАЙНЕР Г., СЛОВИН Л. На темной	12	83
МАЛЬЧЕНКО А. Соответствует ли	10	69	стороне Луны	4	80
роли?			ГОРЛОВ А. От вечера до вечера		
МАСЛЮК Ю. Таким он парнем был...	9	59	ГОРЧАКОВ О., ПАВЛОВ В. Совесть	10	71.
МАЯК В. Как пальцы, сжатые в	6	63	коммуниста	11	60
кулак	8	70	ЕРХОВ Е. Детдом (стихи)	11	75
МЕНЬШЕНИН Д. Избран. А дальше?	10	64	КОЗЛОВ И. Личное дело	12	71
ПАВЛОВИЧ В. Личный контакт	11	54	ПУГАЧЕВ В. Стихи	10	83
ПРИХОДЬКО А. Не рубли сплеча	7	69	ТЕРНОВОЙ О. «Исполняя солдатский	7	92
СИМОНОВ А. Руку, товарищ под-	6	61	долг» (на кинжную полку)	5	74
росток!	5	66	УДИНЦЕВ А. Заслон	6	85
СУСЛОВ Н. Даешь дискуссию!				7	87
ТРУНОВ В. Подсказка исключается	5	62	УСНОВ В. Стажировка в Таежном	2	70
ХОХЛОВ О. Все ли упирается во	11	52	ЯГОДИН А. На Запад (стихи)	3	86
время?	12	49	МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ	6	77
ЧЕРНЯКОВСКИЙ А. Цветы для Фе-			ЗАБИРОВ Б. Ложь и ее горькие	8	94
дора Васильевнча			плоды		
ШЕМЯКИН А. Решает общественное	11	52	КУЧИН В. За расширение «образцо-	3	94
мнение			вой демократии»		
ШЕВЦОВ С., ШОШИН В. «Неформа-	12	49	ЛАПТЕВ В. Никарагуа: трудный	6	94
лы, шаг вперед!..»			путь к миру		
ЮРЧЕНКО С. Критики конкретный	1	69	НИКАНОРОВ В. Кумир Америки —	2	92
адрес			револьвер		
КУЛЬТУРА. БЫТ			НИКАНОРОВ В. Челюсти крокодила,	4	93
АФАНАСЬЕВ В. Яблоки для старши-	8	80	или Базовая стратегия Пентагона		
ны	8	83	СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ		
БАРАНОВСКИЙ В. Вечерний... суп	9	78	БЕЗВЕРХИЙ Л. О порядке обеспече-		
БЕЛОНЕНКО Н. Не ради баллов...	6	78	ния жилой площадью военнослуж-		
БУТОРИНА Е. «На сцену приглаша-	12	66	ющих внутренних войск и чле-		
ются...»	7	76	нов их семей	4	72
ДРОГНЕВ А. Сибирский богатырь	1	73	БРИТКОВ М. Из истории воинских	2	95
ФУНДУКОВ В. Эффективный «Эф-	5	72	званий		
фект»	11	86	ВЕСЕЛОВ Н. Об оплате жилой пло-	9	96
Как живешь, лейтенант?			щади		
КАМШЕКИН Н. Где живет скука?	7	77	КАБЛУКОВ А. О служебной нагрузке		
КАРПОВ Б. Пусть станет Саша су-	3	81	прапорщиков и военнослужащих	1	94
воровцем			сверхсрочной службы		
КОЗЛОВ И. Между вчера и завтра	10	84	КОШКАРОВ П. Московская высшая	4	96
КОЗЛОВ И. Кто мы без памяти о	3	85	школа милиции МВД СССР		
прошлом?	3	84	ОСТАПЕНКО В. О служебной нагруз-	5	94
КУДРЯШОВ В. Чествуем отличников	8	76	ке офицеров		
МАРОВ С. «Что бы еще почитать?»	2	68	ОСТАПЕНКО В. Льготы военнослужа-	10	94
МАРТЫНЕНКО В. Лаконично и вы-			щим, выполнявшим интернацио-		
разительно			нальный долг		
МАРТЫШ В. Рюмка в проигрыше	2	63	ОСТАПЕНКО В. Льготы для прапор-	12	69
НЕЧАЕВ Е. Животворная сила ис-	8	77	щиков, уволенных в запас или от-	7	96
кусства			ставку		
ОЛЕШКО В. Не просто память	5	71	САБАНОВ М. Расчет при увольнении	6	92
ПОГОДИН В. Прекрасный мир ото-	7	86	СЫСОВЕВ Н. В архив поступил за-		
бразить			прос...		
ПОНАСЕНКОВ Н. Солнце — не толь-					
ко друг					
ПТИЦЫН Г. Приглашаем сотрудни-					
чать					

Сдано в набор 5.10.88 г. Подписано к печати 16.11.88 г. Г-21135.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 8,4 + вклейка ¹/₄ п. л. Уч.-изд. л. 11,5. Зак. № 2035.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38,
Адрес редакции: 11250, Москва, Е-250, тел. 361-85-52.

■ Перерыв солдатский краток. . .

Заплутали под снегом тропинки,
К ним не скоро пробьется весна.
И над лесом серебряной дымкой
Голубая стоит тишина.

Сквозь нее все яснее и ближе,
Словно стриж прошуршит в тишине,
Убегающий просекой лыжник
По стремительной хрусткой лыжне.